

МОЛИТВА К БОЖИЕЙ МАТЕРИ ПЕРЕД ИКОНОЮ ЕЯ «ВОСПИТАНИЕ»

О Пресвятая Владычице Дево Богородице, спаси и сохрани под кровом Твоим чад моих (*имена их*), всех отроков, отроковиц и младенцев, крещенных и безымянных и во чреве матере носимых. Покрый их ризою Твоего Материнства, соблюди их во страхе Божиим и в послушании родителем, умоли Сына Твоего и Господа нашего, да дарует им полезная ко спасению их. Вручаю их Матернему смотрению Твоему, яко Ты еси Божественный покров рабом Твоим.

Всем еси Мати милующая Ты, Владычице, и хочу да пребудеши Ею чадом моим. Се вручаю их в руке Твоя и во смирении прошу Тя: Воспитај чад моих бодрствующими и молящимися, да не внидут во искушение; воспитај чад моих милосердными, якоже Отец Небесный милосерд есть. Воспитај чад моих во умилении младенчеством, яко детей есть Царство Божие; воспитај чад моих меньшими всех, да будут пред Богом велики. Воспитај чад моих соблюдающими Слово Божие, причастниками блаженства райского их содеявая; воспитај чад моих благонадежными для Царствия Небесного. Воспитај, Владычице, чад моих (*имена*) достойна Небесного Царствия и наследниками вечных благ их сотвори.

Духовный Собеседникъ

2015 №6(80)

Председатель
редакционного совета
Высокопреосвященнейший Сергей,
митрополит Самарский и Сызранский

Редакционный совет:

Епископ Никифор (Хотеев)
Епископ Софроний (Баландин)
Архимандрит Георгий (Шестун) – гл. редактор
Протоиерей Николай Манихин
Протоиерей Николай Агафонов
Архимандрит Вениамин (Лабутин)
Протоиерей Олег Агапов
Протоиерей Евгений Зеленцов
Протоиерей Игорь Макаров
Протоиерей Димитрий Лескин
Протоиерей Александр Урывский
Протоиерей Рустик Гузь – секретарь ред. совета
Протоиерей Алексей Богородцев
Диакон Алексей Подмарицын
Д.В. Сивиркин
Е.П. Бельчикова
Ю.В. Изъятский

Над номером работали:

Мария Винникова – редактор
Анна Коваленко – редактор
Анастасия Снопок – набор
Анна Чупракова – набор
Александр Филимонов – верстка

Адрес редакции: Россия, 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

Почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

Тел.: (846) 334-12-72, 336-84-41. Факс: (846) 336-18-99.

Эл. почта: dsobesednik@bk.ru, albina063@mail.ru

Электронная версия «ДС» в Интернете: духовныйсобеседник.рф

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СОДЕРЖАНИЕ

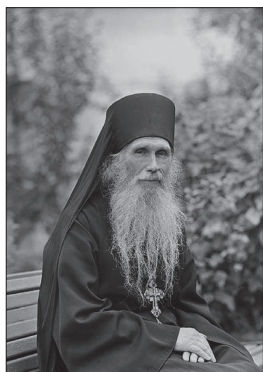
МОЛИТВА К БОЖИЕЙ МАТЕРИ ПРЕД ИКОНОЙ
Ея «ВОСПИТАНИЕ» 1

СВЯТИТЕЛЬСКОЕ СЛОВО
Митрополит Иоанн (Снычев)
«Мы все составляем единое целое» 4

ГЛАГОЛЫ ЖИЗНИ
Схиархимандрит Софроний (Сахаров)
О молитве Иисусовой. Практика 6

ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ
Игумен Киприан (Яценко)
Духовник трех патриархов 12

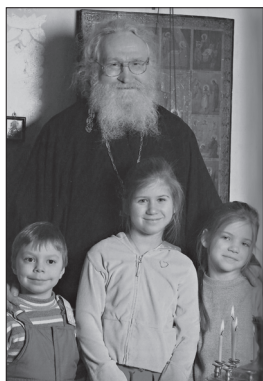
СВЕТ ПРАВОСЛАВИЯ
Монахи и ангелы
Беседа игумена Киприана (Яценко)
с насельниками Подгорских монастырей 16

ПАМЯТЬ СЕРДЦА
Митрополит Мануил (Лемешевский)
«Будьте милосердны к окружающим»
Из дневника святителя (1962 год) 52

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБРАЗА
Марина Захарченко
Личность и творчество
Александра Сергеевича Пушкина
в контексте самопознания русского народа 56

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ДУШИ
Ирина Ушакова
«Из доброго сокровища сердца своего» 82
Из трудов С. А. Рачинского 91

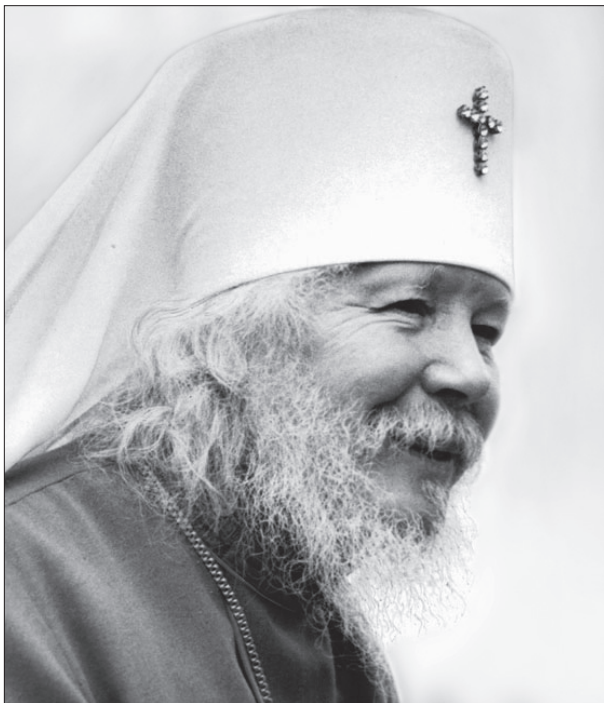

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
Максим Размолодин
Первостепенные практические меры
спасения русского народа 96

ЧАС УЧЕНИЧЕСТВА
Игумен Киприан (Яценко)
«Где начинается педагогика?» 118

СВЯТАЯ РУСЬ
Пропоиерей Евгений Зеленцов
Андреевна – полковничья дочь 126

«МЫ ВСЕ СОСТАВЛЯЕМ ЕДИНОЕ ЦЕЛОЕ»

В прошлые времена, возлюбленные братья и сестры, иноки имели обычай собираться вместе и беседовать. Вот однажды собрались несколько иноков вместе, стали беседовать, и двух из них посетило видение: будто два Ангела ограждают беседующих, радуясь такой душеспасительной беседе. Но иноки умолчали о своем видении.

В другой раз пришлось инокам опять собраться на беседу, во время которой они обсуждали одного брата, как говорится, разбирали его по косточкам. И эти два инока увидели, что беседующих ограждали уже не Ангелы, а злые духи. Тут только иноки рассказали собравшимся о бывших им видениях, и те сразу покаялись в своих грехах. Теперь они уже оплакивали падение брата, сострадали ему, ибо все они составляли одно целое, имея единое сердце и живя, что называется, душа в душу.

К чему я это веду, возлюбленные братья и сестры? А чтобы вы, когда собираетесь вместе, вели только душеспасительные беседы. Чтобы мы вместе

составляли единое целое, чтобы у нас было единое сердце и единая душа, как поется в Литургии... Нужно представить, что ты даже и не можешь укорить, оскорбить или причинить вред своему брату, потому что у вас с ним одно тело, одно сердце и одна душа.

Это бывает очень трудно. У людей разные склонности, разные взгляды. Единение возможно только с помощью Божией. И апостол Павел говорит о том, что и радости и горе нужно разделять, а если согрешил твой брат, ему нужно соболезновать. У нас этого нет: упал человек – ну и валяйся. Умом -то понимаем, что надо делать, но у нас много гордыни, превозношения, которые мешают протянуть брату руку, и все это необходимо искоренять.

Часто, возлюбленные братья и сестры, мы не придаем большого значения малым своим грехам, а вот подвижники Вселенских Соборов говорят, что малое приравнивается к большому и малый грех так же велик, как и большой. Мы же часто даже не задумываемся о том, что говорим и что делаем, любопытствуя о делах других.

Святые говорят, что такие люди слепы: вроде бы везде ходят, на все смотрят, но ходят-то они во тьме. Нужно быть очень осторожными в словах, в движениях воли и сердца – и малая неосторожность часто приводит к великим огорчениям и обидам, к раздражению и гневу. А кто в малом неверен, тот неверен и в большом. Прежде, чем что-то сказать или сделать, необходимо подумать, а угодно ли это Богу? Нужен разум и в слове, и в молчании. Как часто мы не думаем, что говорим, как говорится, рубим с плеча! Так в летний день, когда светит солнце, вдруг приходит маленькое облачко – и, хоть и маленькое, закрывает собой солнечные лучи. Так и наши, пусть и маленькие, греховные слова и дела, но они не допускают к нам благодать Божию.

Нужно быть осторожными в словах и помыслах. Даже малым поступком нельзя огорчать, доводить ближнего до слез и обид. Все это препятствует святой благодати действовать в нас.

Мы с вами вступили в дни Рождественского поста. Постараемся очистить свои души, препобедить все малое, чтобы победить большое и чтобы радостно встретить праздник Рождества Христова, чтобы вечно славить Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Ноябрь 1969 г.

Публикуется впервые. Подготовлено к публикации кандидатом исторических наук А. П. Семеновым.

В августе 2015 года секретарь митрополита Иоанна (Снычева), духовная его дочь и послушница Анна Степановна Иванова, передала для последующей публикации несколько общих тетрадей с рукописными записями проповедей владыки. Проповеди были записаны непосредственно на богослужениях ее родной сестрой и тоже духовной дочерью владыки Марией Степановной Ивановой (1930 – 2007). Записи она вела с 1969 по 1977 год. Воспримем же с благодарностью и любовью сбереженное слово отца и пастыря.

О МОЛИТВЕ ИИСУСОВОЙ

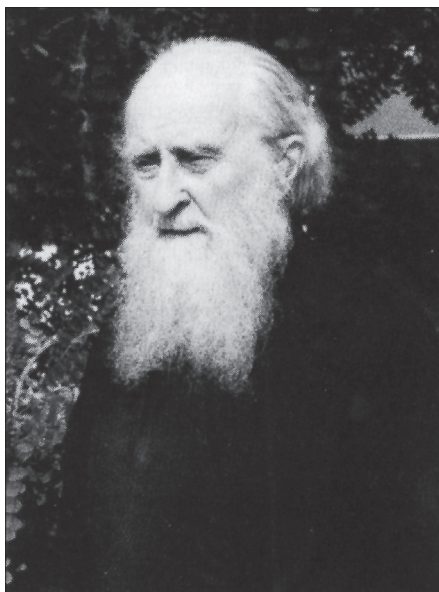
ПРАКТИКА

Схиархимандрит Софроний (Сахаров) родился в 1896 году в России, воспитывался в православной семье. В годы Первой мировой войны был офицером инженерных войск, после окончания гражданской войны поступил в Московское училище изящных искусств на отделение живописи. В 1921 году эмигрировал. В 1924 году поступил в Парижский Свято-Сергиевский институт. В 1925 году принял в русском монастыре св. Пантелеимона на Афоне монашество. С 1930 года о. Софроний находился под духовным руководством прп. Силуана Афонского. В 1935 году был пострижен в схиму. По окончании в 1938 году старца Силуана о. Софроний около семи лет отшельничал в пещерах афонских скитов. В 1941 году его рукоположили во иеромонаха, и он становится духовником нескольких монастырей. Отец Софроний имел разностороннее образование, знал несколько языков, в том числе древнегреческий. После Второй мировой войны о. Софронию пришлось покинуть Афон, охваченный антиславянскими настроениями. По прибытии в Париж в 1947 году он издаёт ставшую всемирно известной книгу «Старец Силуан». В 1959 году о. Софроний основал в Англии монастырь, настоятелем и старцем которого оставался до своей кончины в 1993 году. Митрополит Иларион (Алфеев), лично знакомый со старцем, писал, что «облик архимандрита Софрония как бы заслонен обликом его учителя – преподобного Силуана Афонского <...>. Между тем, вклад отца Софрония в босословие... может быть, более значителен, чем вклад преподобного Силуана». В своей книге «О молитве» отец Софроний делится уникальным опытом непрестанного предстояния Богу – опытом молитвы.

В данной главе я попытаюсь возможно кратко изложить наиболее существенные моменты великой культуры сердца и самые здравые советы для этого подвига, с которым я встретился на Святой Горе.

Многие годы монахи произносят молитву устно, не ища искусственных способов соединения ума с сердцем. Внимание их обращено на то, чтобы согласовать свою повседневную жизнь с заповедями Христа. Вековой опыт сей аскезы показал, что ум соединится с сердцем по действию Божию, когда монах пройдет солидный опыт послушания и воздержания, когда его ум, сердце и самое тело «ветхого человека» в достаточной мере освободятся от власти греха. Однако и в прошлом, и в настоящее время отцы иногда разрешают прибегать к искусственному методу сведения ума в сердце. Для этого монах, дав телу удобное положение и наклонив голову к груди, мысленно произносит молитву, тихо вдыхая воздух со словами: «Господи Иисусе Христе (Сыне Божий)» и затем, выдыхая, кончает молитву: «помилуй мя (грешного)». Во время вдыхания внимание ума сначала следует движению воздуха

и останавливается на верхней части сердца. При таком делании чрез некоторое время внимание может быть сохранено нерассеянным, и ум установится рядом с сердцем или даже и войдет вовнутрь. Опыт покажет, что этот способ даст уму возможность видеть не самое физическое сердце, но то, что в нем происходит: какие чувства возникают в нем, какие мысленные образы приближаются извне. Такая практика приведет к тому, что монах будет чувствовать свое сердце и пребывать вниманием ума в нем (сердце), уже не прибегая к «психосоматической технике».

Искусственный прием может помочь начинающему найти место, где должно стоять вниманием ума при молитве и вообще во всякое время. Однако через такой способ настоящая молитва не достигается. Она приходит не иначе, как чрез веру и покаяние, являющиеся единственным основанием для подлинной молитвы. Опасность психотехники, как показал долгий опыт, в том, что есть немало людей, слишком большое значение придающих самому методу. Во избежание вредной деформации духовной жизни молящегося – начинающим подвижникам с древних времен рекомендуется иной образ, значительно более медленный, но несравненно более правильный и полезный, а именно: сосредоточивать внимание на Имени Иисуса Христа и на словах молитвы. Когда сокрушение о грехах достигает известной степени, тогда ум естественно идет на соединение с сердцем.

Полная формула молитвы: ГОСПОДИ ИИСУСЕ ХРИСТЕ, СЫНЕ БОЖИЙ, ПОМИЛУЙ МЯ ГРЕШНОГО. Начинающему предлагается именно эта формула. В первой части молитвы мы исповедуем Христа-Бога, воплотившего нашего ради спасения. Во второй в раскаянии признаем наше падение, нашу греховность и искупление. Соединение догматического исповедания с покаянием делает молитву более полною в ее положительном содержании.

Возможно установить некоторую последовательность в процессе развития этой молитвы:

1) УСТНАЯ: мы произносим молитву устами, сосредоточивая наше внимание на Имени и словах.

2) УМНАЯ: мы не двигаем устами, но произносим Имя Иисуса Христа и прочее содержание мысленно.

3) УМНО-СЕРДЕЧНАЯ: ум и сердце соединены в своем действии, внимание заключено внутри сердца, и там произносится молитва.

4) САМОДВИЖНАЯ: молитва утвердилась в сердце и без особого усилия воли сама произносится внутри сердца, привлекая туда внимание ума.

5) БЛАГОДАТНАЯ: молитва действует, как нежное пламя внутри нас, как вдохновение свыше, улаждающее сердце ощущением любви Божией и восхищающее ум в духовные созерцания. Иногда соединяется с видением Света.

Постепенное восхождение в молитве является наиболее достоверным. Вступающему на поприще борьбы за молитву настойчиво советуется начинать с устной молитвы, доколе не усвоится она нашим телом: языком, сердцем, мозгом. Длительность этого периода различна у каждого; чем глубже покаяние, тем короче путь.

Практика умной молитвы может быть на время связана с психосоматической техникой, т. е. носить характер ритмического или неритмического произношения молитвы умом посредством вдыхания при первой части и выдыхания при второй, как описано выше. Такое делание может быть полезным, если при этом не теряется из виду, что каждое призывание Имени Христа должно быть неразлучно с Ним, Его Персоной, неотрывно от Лица Бога. Иначе молитва превращается в техническое упражнение и становится грехом против заповеди: *Не произноси Имени Господа Бога твоего напрасно* (Исх. 20, 7; Втор. 5, 11).

Когда внимание ума установится в сердце, тогда становится возможным полный контроль происходящего внутри сердца, и борьба со страстями принимает разумный характер. Молящийся видит врагов, приближающихся извне, и может отгонять их силою Имени Христа. Сердце при таком подвиге утончается и становится прозорливым: интуитивно знает о состоянии того лица, о котором произносится моление. Таким образом совершается переход от умной молитвы к умно-сердечной, – после чего даруется молитва самодвижная.

Мы стремимся предстоять Богу в единстве и целостности нашего существа. Призывание в страхе Божиим Имени Спасителя, соединенное с постоянным старанием жить согласно заповедям, приводит постепенно к блаженному единству всех наших сил, прежде разбитых падением. В этом чудном, но болезненно трудном подвиге никогда не должно спешить. Бог не насилует нашу волю, но и Его невозможно заставить силою сделать что бы то ни было. Достигаемое усилием воли чрез психотехнику не удерживается надолго и, что важнее, не соединяет нашего духа с Духом Бога Живого.

В условиях современного мира молитва требует сверхчеловеческого мужества, так как ей противится совокупность космических энергий. Устоять в нерассеянной молитве означает победу на всех уровнях натурального существования. Путь сей долог и тернист, но приходит момент, когда луч Божественного Света прорежет густой мрак и создаст пред нами прорыв, сквозь который мы увидим Источник этого Света. Тогда молитва Иисусова принимает измерения космические и метакосмические.

Упражняй себя в благочестии. Ибо телесное упражнение мало полезно; а благочестие на все полезно, имея обетование жизни настоящей и будущей. Слово сие верно и всякого приятия достойно, ибо мы для того и трудимся... что уповаем на Бога Живого, Который есть Спаситель всех человеков... Проповедуй сие и учи (1 Тим. 4, 7–11). Следовать сему учению апостола явится наивернейшим путем к искомому нами. Мы не думаем об искусственных средствах достижения обожения: мы веруем, что Бог пришел на землю и открыл нам тайну греха, и дал нам благодать покаяния, и мы молимся: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», – в надежде прощения и примирения во Имя Его. Слов – «помилуй мя грешного» – мы не оставляем всю нашу жизнь. Полная победа над грехом возможна не иначе, как чрез вселение в нас Самого Бога, что и явится обожением нашим, в силу которого станет возможным непосредственное созерцание Бога, «как Он есть». Полнота христианского совершенства в пределах земли недостижима. Св. Иоанн Богослов пишет так: *Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил* (Ин. 1, 18). И он же утверждает, что в грядущем веке наше обожение завершится, потому что *увидим Его, как Он есть* (1 Ин. 3, 2). *...Всякий, имеющий сию надежду... очищает себя так, как Он чист. <...> Всякий, пребывающий в Нем, не согрешает; всякий согрешающий не видел Его и не познал Его* (1 Ин. 3, 3 – 6). Полезно впитать содержание сего послания, чтобы призывание Имени Иисуса стало действенным, спасительным; чтобы *мы перешли из смерти в жизнь* (1 Ин. 3, 14), чтобы мы облеклись *силою свыше* (Лк. 24, 49).

Одна из самых замечательных книг из творений отцов-аскетов есть «Лествица» Иоанна Синайского. Ее читают новоначальные монахи, она же служит авторитетным коррективом и для «совершенных». (Быть может, излишне говорить, что совершенство на земле никогда не бывает полным). Подобно сему можно рассуждать и о молитве Иисусовой. Ею молятся при всякой работе благочестивые простые люди; ею заменяют церковные службы, ее «умом» произносят монахи, находясь в храме во время богослужений; она же составляет преимущественное занятие монахов в келиях и пустынников-исихастов.

Делание сей молитвы теснейшим образом связывается с богословием Имени Божьего. Она имеет глубокие догматические корни, как и вообще всей аскетической жизни православных гармонически сопутствует догматическое сознание. Она воистину в некоторых из своих форм становится огнем, пожирающим страсти (ср.: Евр. 12, 29). В ней заключена божественная сила, восставляющая мертвых грехами; светом просвещающая ум, сообщающая ему способность видеть действующие в «космосе» силы; она же дает возможность созерцать совершающееся внутри нашего сердца и ума: она *проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные* (Евр. 4, 12).

Благоговейное делание этой молитвы приводит человека ко встрече со многими скрытыми в атмосфере противодействующими энергиями. Прино-

симая в состоянии глубокого покаяния, она проникает в область, лежащую за пределами *мудрости мудрецов, и разума разумных* (1 Кор. 1, 19). В своих наиболее интенсивных проявлениях она требует или большого опыта, или наставника. Всем без исключения необходима бдительная осторожность, дух сокрушения и страха Божия, терпения всего находящего на нас. Тогда она становится силой, соединяющей наш дух с Духом Божиим, дающей чувство живого присутствия внутри нас вечности, предварительно проводя нас по безднам тьмы, скрытой в нас.

Сия молитва – великий дар Неба человеку и человечеству.

Насколько важно пребывание (чтобы не сказать – упражнение) в молитве – показывает и самый опыт. Считаю дозволенным провести параллель с естественной жизнью нашего мира и привести примеры из известных нам фактов современной нам повседневности. Спортсмены, готовясь к предстоящим им состязаниям, в течение долгого времени повторяют одни и те же номера, чтобы в момент самого испытания проделать все движения, хорошо уже усвоенные, быстро, уверенно и как бы механически. От количества упражнений зависит и качество исполнения. Вот еще расскажу об одном факте; это произошло в кругу лиц, знакомых мне. Конечно, я повторю здесь то, что слышал от одного из ближайших к действующим лицам человека. В одном европейском городе два брата женились почти одновременно на двух девушках. Одна из них – доктор медицины, большого ума и сильного характера. Другая – более красивая, живая, интеллигентная, но не слишком интеллектуальная. Когда приблизилось для обеих время родить, то свой первый опыт они решили совершить, следуя незадолго перед тем появившейся теории «безболезненных родов». Первая, доктор медицины, быстро поняла весь механизм этого акта и после двух-трех уроков определенной гимнастики оставила упражнения, уверенная, что она все поняла и в нужный момент реализует свои познания. Другая имела очень примитивное представление об анатомическом строении своего тела, но не была расположена заняться теоретической стороной, а просто с усердием отдалась повторению предписанного комплекса движений тела; достаточно освоившись, она пошла на предстоящую операцию. И что же вы думаете? Первая во время родов с начала появления болей позабыла все свои теории и родила с большим трудом, *в болезни* (Быт. 3, 16). Другая же без болей и почти без труда.

Так будет и с нами. Понять «механизм» умной молитвы для современного образованного человека – легко. Стоит ему помолиться две-три недели с некоторым усердием, прочитать несколько книг, и вот он сам уже может к числу написанных добавить свою. Но в час смерти, когда весь наш состав подвергается насильственному разрыву; когда мозг теряет ясность и сердце испытывает или сильные боли, или ослабление, тогда все наши теоретические знания пропадут и молитва может потеряться.

Необходимо молиться годами. Читать немного, и только то, что находится в том или ином соприкосновении с молитвой и по своему содержанию со-

действует усилению влечения к покаянной молитве во внутреннем заключении ума. От долговременности молитва станет природой нашего существа, естественной реакцией на всякое явление в духовной сфере: будь то свет или тьма, явление святых ангелов или демонических сил, будь то радость или скорбь, словом, во всякое время, при всех обстоятельствах.

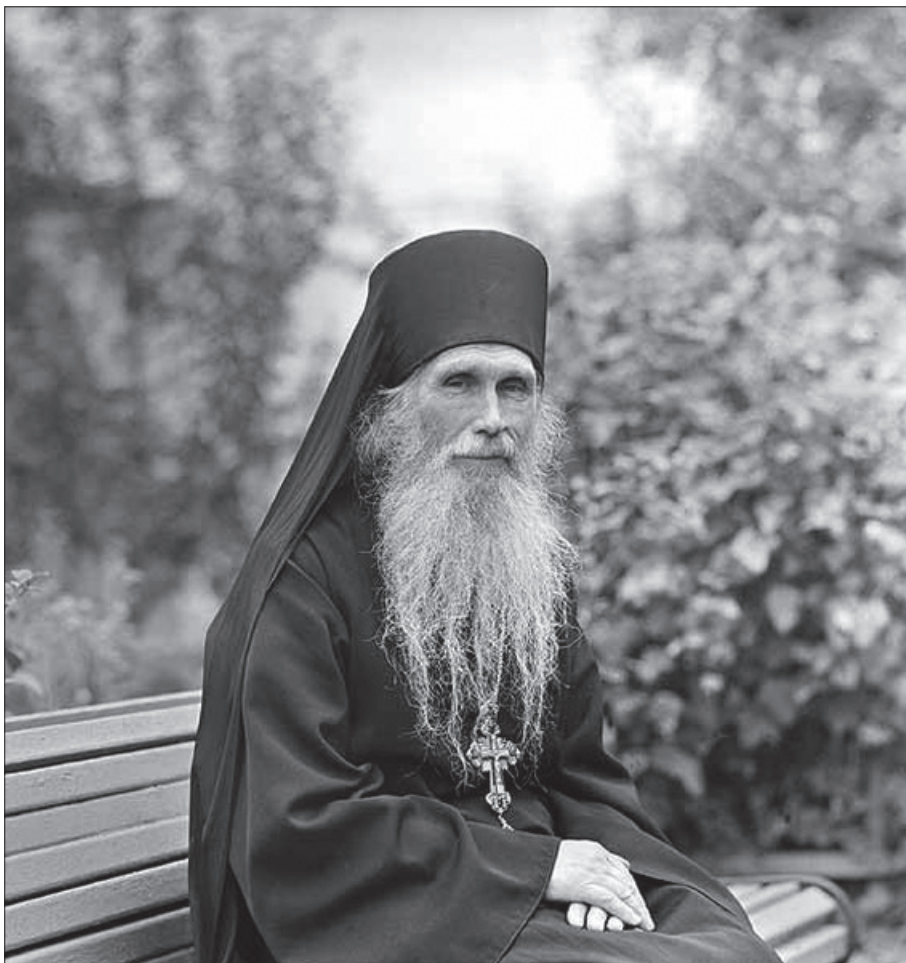
С такою молитвою наше рождение для высшего мира может действительно стать «безболезненным».

Кратка книга Нового Завета, открывающая нам последние глубины первоначального Бытия; теория Иисусовой молитвы также не требует длинны. Недостижимо в пределах земли явленное нам Христом совершенство; не поддается описанию множество испытаний, чрез которые проходит подвижник сей молитвы. Делание этой молитвы странным образом приводит дух человека к встрече с «силами», скрытыми в «космосе». Она, молитва Именем Иисуса, вызывает борьбу против него этих космических сил, лучше же сказать: *мироправителей тьмы века сего, ... духов злобы поднебесных* (Еф. 6, 12). Вознося человека в сферы, лежащие за гранями земной мудрости, сия молитва в своих высших формах требует «ангела мирна, наставника».

По существу своему молитва Иисусова стоит выше всякой внешней формы, но практически, вследствие неспособности нашей стоять в ней «чистым умом» долгое время, верующие пользуются ради дисциплины четкой. На Святой Горе Афона наиболее распространены четки, имеющие 100 узлов, разделенных на четыре части (по 25 каждая). Число молитв и поклонов на день и ночь определяется соответственно силе каждого и реальной житейской возможности.

ДУХОВНИК ТРЕХ ПАТРИАРХОВ

«Читаешь ли ты Евангелие каждый день?» – такой вопрос задавал старец Кирилл (Павлов), духовник Троице-Сергиевой Лавры, каждому приходящему к нему. «Нет? Значит, ты не христианин».

Архимандрит Кирилл (Павлов) – продолжатель духовных традиций великих русских старцев. Его молитвенный опыт, смирение, кротость позволяют ему окормлять епископов, священников, монахов, отшельников и множество простых мирян. Духовными чадами архимандрита Кирилла были патриархи Пимен, Алексей I и Алексей II.

Более пятидесяти лет отец Кирилл является насельником Троице-Сергиевой Лавры. Он принял монашеский постриг 24 августа 1954 года, постригал его наместник Лавры архимандрит Пимен (Извеков), будущий Патриарх Московский и всея Руси.

Жизнь в Лавре была не благодатная, а порой очень бурная. Народ после войны потянулся к вере, храмы были переполнены. Отец Кирилл начинал послушание пономарем – зажигал лампадки, носил мешки с огарками, трудился на многих тяжелых послушаниях. Постепенно произрастая, сподобился стать архимандритом и духовником Троице-Сергиевой Лавры. Это очень тяжелый крест, но Господь дал старцу силы.

Своих духовных чад отец Кирилл всегда встречает с великой радостью, как преподобный Серафим Саровский: пасхальная радость при встрече с ним всегда ощущается, он и сам ее выражает ласковыми словами, подбадриваниями, неизменным вниманием к тем трудностям, которые каждый из нас преодолевал.

Каждое лето отец Кирилл ездил в Крым подлечить легкие, застуженные в сугробах Сталинграда во время Великой Отечественной войны. По его возвращении для всех монашествующих в Троице-Сергиевой Лавре наступал великий праздник. Братия радовалась встрече с батюшкой: все давно у него не исповедовались, у всех накопились вопросы. А батюшка всегда устраивал двойной праздник, привозя с собой крымские дары: яблоки, груши, мандарины, южный лук. Несколько дней у отца Кирилла происходила раздача даров, никто не выходил из его келии с пустыми руками. И на все праздники батюшка раздает сладости, шоколадки, конфеты. Многие его духовные чада растягивали угощение на долгое время, употребляя утром после святой воды и просфоры как вещественное благословение отца Кирилла.

А ТЕПЕРЬ – НА ЗАСЛУЖЕННЫЙ ОТДЫХ

С архимандритом Кириллом мы знакомы почти тридцать лет. По многим спорным вопросам, раздирающим церковное общество, люди притекали к батюшке, для них его слова были настолько авторитетны, что не требовалось дожидаться соборных постановлений. Однако отец Кирилл никогда не противопоставлял свое мнение общецерковному. Ум старца, как у многих святых отцов, пребывал в Евангелии. Почти все его ответы на наши вопросы были прямыми цитатами из Евангелия. Слово Божие в жизни тех, кто следовал советам старца с доверием и послушанием, всегда приносило плод. В этом и совершалась сила Божия: всегда исполняя заповеди сам, он мог показать другим, как исполнить Евангелие в каждом конкретном случае.

Сам батюшка очень любит Священное Писание. После обеденной трапезы к нему в келию каждый раз набивалось множество монахов. Он открывал Евангелие, читал главу, закрывал и – без всяких трактовок и наставлений – говорил: «А теперь все на заслуженный отдых!» Известно, что монахи собираются на братский молебен к пяти утра, и днем, перед вечерним богослужением, могут немного отдохнуть.

Батюшка часто говорит Евангельскими словами. Например, мог идти по братскому корпусу и, увидев одного из монахов, обратиться к нему: *Симоне Ионин! Любишь ли ты Меня?* (Ин. 21, 15) – и так до трех раз.

ПОСЫЛОЧНАЯ

Лет двадцать отец Кирилл принимал в так называемой «посылочной». Это две малюсенькие комнатки под Трапезным храмом. В одной сидел ожидавший народ, а во второй батюшка исповедовал. Иногда ждать в проходной комнатке приходилось долго, с раннего утра до самого вечера, но если вы попали в нее, батюшка примет обязательно. Отец Кирилл выходил в эту комнатку, оглядывал всех, кого-то выбирал, кому пораньше надо было поисповедоваться.

Часто на сложные вопросы отец Кирилл отвечал не сразу: «Надо помолиться», – говорил он. Или предлагал: «Давай подождем до такого-то срока, а потом решим». Сам кроткий облик отца Кирилла, тихий голос, согревающая любовь оказывают на людей сильнейшее воздействие. Перед нашей встречей я обыкновенно готовил целый список вопросов, но рядом с ним многие вопросы сами по себе разрешались, и необходимости что-либо спрашивать уже не было.

ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО

Помню, как я передал отцу Кириллу просьбу о благословении на постриг моей болящей супруги. Он, как всегда очень внимательно, выслушал и сказал: «Что ж, это дело хорошее. Только вам нужно принять монашество одновременно обоим». Для меня это было большой неожиданностью: в то время все мои мысли были о том, как помочь близкому человеку, а сам подвизаться монашеским подвигом я до этого не предполагал. Но возражать не решился, поскольку батюшка уверенно сказал, что все будет хорошо. Опасная болезнь супруги времени на раздумье не оставляла. Мы подали прошения Патриарху Алексию II и через неделю приняли постриг.

У новопостриженной опухоль головного мозга, которую отказались оперировать все известные специалисты, через несколько дней сама вытекла через нос, и прикованная к постели монахиня встала. С тех пор прошло более семнадцати лет. Теперь уже схимонахиня Параскева по благословению отца Кирилла сделала более полусотни Господских и Богородичных плащаниц, расшитых драгоценными камнями. А я стал монахом Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

СКРЕПЛЯЮЩАЯ ПЕЧАТЬ

Мы знаем, что молитва отца Кирилла обладает огромной действенной силой. Однажды я привел к нему одного высокопоставленного чиновника, который имел слабость к выпивке. Когда мы зашли в келию, батюшка нас радостно встретил, надел свою келейную полумантию, епитрахиль, поручи и сказал: «Давайте помолимся». Молитвы перед исповедью батюшка читал по много раз в день – всякий раз, когда кто-нибудь приходил и его надо было поисповедовать. Когда старец начал молиться, повернувшись к нам спиной, этого человека вдруг про-

шибла дрожь, и он впервые в жизни испытал глубочайшее раскаяние. Исповедовавшись со слезами, он со смирением принял от отца Кирилла епитимью: «Больше не пить ни капли». К своему великому удивлению, он эту епитимью исполнил: ни соблазны, ни собственная многолетняя тяга к спиртному не могли перебить запрет старца. Батюшка сказал прямо: «Если ты вернешься к своей привычке, то сопьешься, и никакой пользы ни Отечеству, ни семье, ни себе самому не принесешь. Столь многим одаренный, ты станешь мерзостью пред Богом». Отец Кирилл умеет доходчиво объяснить и крепко помолиться. Для многих его слова и молитва являются скрепляющей печатью, после чего и жизнь у них изменяется.

Один на один с Богом

На богослужениях отца Кирилла в Переделкино мне посчастливилось сослужить ему за воскресной Литургией. При служении батюшка всегда сосредоточен, не любит отвлекаться ни на какие разговоры. Сколько бы ни было сослужащих в алтаре, отец Кирилл один на один предстоял пред Богом. Многие из проповедей отца Кирилла записаны и изданы, они всегда отличались простотой, точностью, исходили из его огромного молитвенного и духовного опыта. У него одно исключительное правило: еще во время служб в Лавре, когда в Троицком соборе проповедь говорил кто-нибудь из монахов, отец Кирилл выходил из алтаря и вместе с паствой смиренно слушал слова с амвона. Такое удивительное проявление смирения я не встречал больше нигде.

В Писании сказано: *Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь* (2 Фес. 2, 7). Одним из таких последних, удерживающих современный мир от бед, является архимандрит Кирилл.

Игумен Киприан (Яценко) родился в 1953 г. В 1974 г. окончил Педагогический институт г. Хабаровска. В 1987 г. ему присвоена ученая степень кандидата педагогических наук за кандидатскую диссертацию на тему: «Педагогические условия выбора профессии».

В 1994 г. принял монашеский постриг. С 1996 г. – заведующий кафедрой педагогики Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. С 1997 г. – сотрудник Учебного комитета Русской Православной Церкви и главный редактор газеты «Воскресная школа».

В 2001 г. принял сан диакона. В 2003 г. рукоположен во иеромонаха. В 2008 г. возведен в сан игумена.

С 2001 г. – первый проректор Высших Богословских Курсов при Московской Православной Духовной Академии, ректор Института экспертизы образовательных программ и государственно-конфессиональных отношений и председатель правления Центра педагогических исследований «Покров».

На сегодняшний день игумен Киприан (Яценко) является ректором Института экспертизы общеобразовательных программ и государственно-конфессиональных отношений, проректором Высших Богословских Курсов МПДА, деканом педагогического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, заместителем Сопредседателей Оргкомитета Международного благотворительного кинофестиваля «Лучезарный Ангел» и главным редактором журнала «Покров».

Автор шестисерийного документального фильма «Паисий Святогорец».

Игумен Киприан (Яценко) награжден медалью прп. Сергия Радонежского, орденом прп. Сергия Радонежского III степени (1998 г.), орденом свт. Иннокентия Московского III степени (2003 г.).

МОНАХИ И АНГЕЛЫ

БЕСЕДА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА «ДС» АРХИМАНДРИТА
ГЕОРГИЯ (ШЕСТУНА) С ИГУМЕНОМ КИПРИАНОМ (ЯЩЕНКО)
В ЗАВОЛЖСКОМ СВЯТО-ИЛЬИНСКОМ ЖЕНСКОМ МОНАСТЫРЕ

– Отец Киприан, чем монахи отличаются от ангелов и что между ними общего?

– Никогда не размышлял в этом направлении. Пожалуй, попробую.

В паломничестве по монастырям Греции мы посетили одну обитель. Игумен так обустроил ее жизнь, что у него все монахи как на подбор – ученые, переводчики. И они сами себе поставили такую цель: все лучшее из духовного наследия, что выходит в России, перевести на греческий язык и издать. И, в то же время, лучшее, что есть в Греции, перевести на русский язык и издать для России. Самое главное – это переводы русской духовной литературы. Труды прав. Иоанна Кронштадтского, свт. Игнатия (Брянчанинова), свт. Феофана Затворника, о Матроне блаженной и т.д. – все-все лучшее, что есть у нас, они издадут у себя.

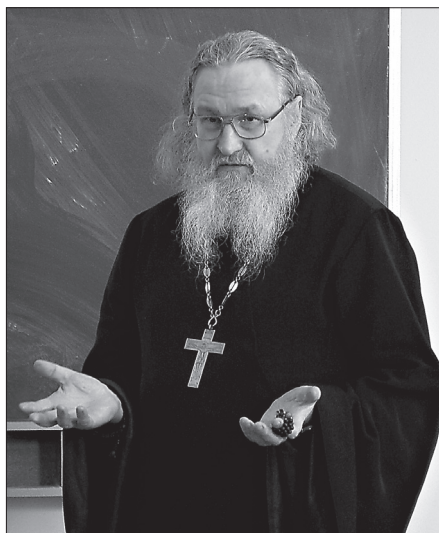
Мы были в этой обители с монахом, которого при постриге нарекли в честь патриарха Пимена¹. Очень интересная у него история. Раньше звали его Иван Игнатьевич. Жил он в миру, много грехов творил, преступал закон, но в конце жизни покался. В 70 лет в первый раз пришел в храм, в 80 лет его взяли убираться в алтаре храма, а в 90 лет от принял постриг. Когда он принял монашество, все время его бодрствования стало уходить на две вещи. Каждый день о. Пимен ходил в храм, был на всех службах, причем приходил за час до настоятеля. Еще все спят, а он уже в храме. Убедить его, чтобы приходил попозже, было невозможно. И уходил он самым последним, – все убирался, чистил в алтаре. И другой самой большой радостью его жизни было чтение Евангелия. Вот он между службами пойдет, немножко передохнет, а потом только и делает, что сидит, читает Евангелие. Спросишь его: «Отец Пимен, ты что делаешь?» – «Я Евангелию читаю».

Когда мы с ним приехали в тот греческий монастырь, там был престольный праздник Иоанна Предтечи. Как следует по обычаю, часов в восемь или в девять вечера начали и к утру служба закончилась. Всю ночь мы молились. Греки не могут всю ночь стоять: помолились – посидели в стасидиях, кто-то подремал: там специально есть дьякон, который ходит, будит тех, кто дремлет на Евангелии, на каких-то важных моментах службы, – это обычное дело. И вот их поразило, что этот девяностолетний монах стоял

¹ Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен (Извеков) – 03.06.1971 – 03.05.1990.

как свечка у иконостаса и все время молился, – всю ночь простоял. Когда они утром сели кофе пить, меня игумен спрашивает: «Слушай, откуда у вас такой монах? Он что, так греческий язык хорошо знает, что всю службу стоял и так внимательно слушал?» – «Он, – говорю, – ни одного слова по-гречески не знает». Тут все очень удивились. «Даже, – говорю, – больше того: он глухой, практически ничего не слышит». Игумен тот так смеялся, что у него все кофе пролилось, он чуть не упал со стула, и вся братия хохотала минут пять. Это было для них поразительно, что человек стоит на службе (он действительно глухой, ему надо в ухо кричать, чтоб он что-то услышал), ничего не понимает, не знает языка, то есть даже если бы он и слышал, то ничего не понимал бы, – и всю службу простоял как свеча и молился. Но для Пимена-то это не какое-то было такое необычное состояние, он как всегда приходил в свой храм, так и здесь стоял на молитве, просто у него была такая потребность – предстоять перед Богом. И потом все братья подошли к нему, поцеловали. Сам игумен его расцеловал, и в переводе это значило примерно следующее: «Отец Пимен, моли Бога о нас. Мы – афониты, которые здесь десятки лет подвизаются, все знают, читают, а такой любви и такой молитвы не стяжали». Так что, видите, из нашего грешника в России может вырасти весьма боголюбивый монах, у Господа все возможно.

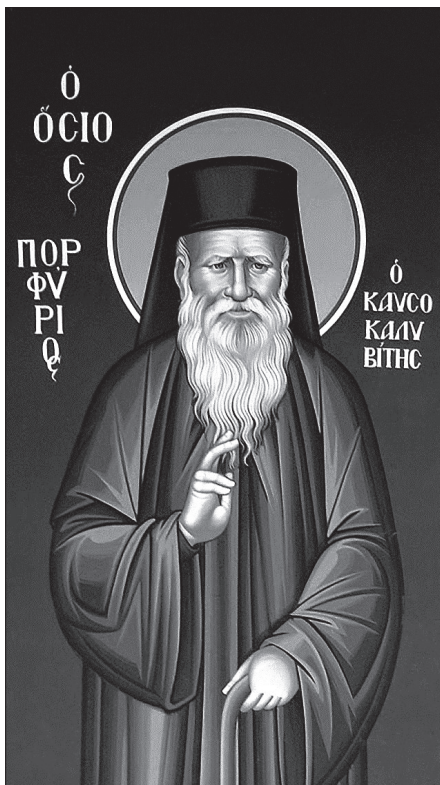
Мы дружим с митрополитом Месогеи и Лавреотики Николаем¹. На его территории находится монастырь Марии Магдалины, близ Афин, который Порфирий Кавсокаливит² основал, это его любимый монастырь. Николай – единственный митрополит в Греции, который 17 лет был афон-

Игумен Киприан (Яценко)

¹ Митрополит Месогеи и Лавреотики Николай (Хаджиниколау) родился в 1954 г. Окончил физический факультет университета им. Аристотеля в Салониках, изучал астрофизику в Гарварде и инженерную механику в Массачусетсе. Провел два года на Афоне, где принял монашеский постриг и 15 лет служил на подворье монастыря Симонопетра в Афинах. С апреля 2004 г. митрополит.

² Прп. Порфирий (Байрактарис; 1906 – 1991), иеромонах. Греческий старец, известный во всем мире своей прозорливостью. С 12-летнего возраста в течение семи лет подвизался на Афоне, затем в монастырях о. Эвбея. В 21 год рукоположен в священный сан. Полвека служил в миру в самом центре Афин. Перед кончиной уехал на Афон, где и почил в скиту Кавсокаливия. Канонизирован Св. Синодом Константинопольского Патриархата 27. 11. 2013 года.

Прп. Порфирий (Кавсокаливит). Икона

ским монахом. До того, как он стал монахом, он был главным, можно сказать ведущим биофизиком в мире. В научно-исследовательских институтах Америки проводил биофизические исследования, гранты получал, очень серьезная такая личность была в науке. Вот мы с ним дружим, он к нам даже в скиточек приезжает, и мы у него там бываем, и наши сестры-послушницы у них стажировались в обители Марии Магдалины. В этом монастыре тридцать пять сестер. Митрополит Николай считает, что это самый лучший монастырь в Греции. У них там есть такое упражнение: после службы сестры собираются, напротив каждой на столике традиционный набор – кофе, что-то к кофе – пряничек, печенье, водичка холодная и еще сладость какая-нибудь восточная. После службы игуменья обычно говорит речь, что Господь на сердце положит, как правило, о святом, память которого празднуется, или о Евангельском чтении, что

было на службе. И беседа эта игуменская продолжается не меньше часа. Но если служба шла всю ночь (она у них в ночь начинается или еще раньше, бывает что и с вечера), то вы будете рады и глотку холодной воды, но и это можно сделать только тогда, когда закончится беседа игуменья. Такой аскетический подвиг я сразу не понял, не оценил: вот стоит стакан с холодной водой, пить хочется, жарко все-таки, все перед тобой, руку только протяни, – но протянуть можешь лишь тогда, когда тебя благословят. А пока идет непренужденная беседа... Вот отец Георгий, он щедро нас потчевал, а потом уже и побеседовал, – а там все наоборот.

И еще такая особенность есть в том монастыре: они чуть ли не полдня за послушаниями поют акафист. Он у них на слуху, они его поют и поют, акафист этот.

Наши девчонки, как туда попали, заинтересовались и, правда на русском языке, но они там тоже пели: на кухне, за рукоделием, в иконописной. Попоешь какое-то время этот акафист, и такое вдруг радостное чувство охватывает: ходишь и радуешься, – весь в радости.

Эту традицию ввел в том монастыре Порфирий Кавсокаливит. Святой такой, канонизированный. Вы что, не читали Порфирия Кавсокаливита? Три книжки¹ его на русский переведены, конечно, уникальная личность.

Он жил уже ангельской жизнью. И видел ангелов – и падших, и светлых. И знал их жизнь, и жизнь на земле. И в книжке вы даже можете прочитать: он описывал, что если человек злится на кого-то, гневается, – а прп. Порфирию было всё открыто, – то у этого человека на плече сидит бес, и ему в ухо шепчет, что сказать, что подумать. И св. прп. Порфирий открыл нам, что беса этого никак нельзя стряхнуть, победить. Но лукавый не терпит, когда один человек пожалеет другого. Вот если мы с вами захотим помочь человеку, который в раздражении, в гневе, то стоит нам пожалеть его, и бес мгновенно улетит: он не может выдержать, когда человека жалеют или помолятся о нем, или добро ему сотворят. Это и есть самая большая помощь. Старец приводил такой пример: «Представь себе, что ты спокойно идешь по улице и видишь какого-то прохожего, который тоже спокойно идет по своим делам. Тут из переулка выскакивает хулиган с ножом в руке. Он набрасывается на этого человека, начинает его избивать, таскать за волосы и, наконец, истекающего кровью оставляет лежать на тротуаре. Увидев все это, неужели ты будешь негодовать на этого избитого человека? Неужели ты его не пожалеешь?» Вопрос отца Порфирия привел слушателя в замешательство, и он в свою очередь спросил его: «Как же можно гневаться на израненного ближнего, ставшего жертвой хулигана? Такая мысль мне даже в голову не приходит! Конечно, я пожалею его и попытаюсь помочь ему, чем смогу». «Итак, – продолжал Старец, – каждый человек, который тебя оскорбляет, вредит тебе, возводит на тебя клевету, так или иначе поступает с тобой несправедливо, является твоим ближним, попавшим в руки злодея – дьявола². Видя, что твой ближний поступает с тобой несправедливо, что ты должен сделать? Ты должен ему посочувствовать, пожалеть его и безмолвно обратиться с горячей молитвой к Богу, чтобы Он укрепил тебя в этот трудный час испытания и помиловал твоего брата, который пал жертвой злокозненного дьявола. И Бог поможет и тебе, и твоему ближнему. Если же ты так не сделаешь, но разгневаешься на брата, перейдешь на него, так сказать, “в контраступление”, то дьявол, который сидит у него на шее, перепрыгнет и на тебя и будет танцевать на вас обоих».

У Порфирия Кавсокаливита такое особое богословие было – богословие жаления: жалеть всех. Если мы будем всех жалеть, то и нас пожалеет Господь и люди, и все вернется к нам стократно. Он говорил, что если мы

¹ Книги старца Порфирия (Байрактариса) Кавсокаливита, переведенные на русский язык: «Старец Порфирий Кавсокаливит. Житие и слова» (2006 г.), «Поучения» (2008 г.), «Цветослов советов» (2008 г.)

² Мы, сильные, должны сносить немощи бессильных, и не себе угождать. Каждый из нас должен угождать ближнему во благо, к назиданию (Рим. 15, 1 – 2).

будем иметь жалость к ближним и возлюбим Бога, то Господь за наше жаление пожалеет и нас и простит все наши грехи. Вообще, жалостью и любовью к ближним мы можем от всех наших страстей избавиться в течение короткого времени.

Кто такие ангелы? Ангелы сотворены Господом, как и мы, человеки, то есть они тоже тварные существа. Какое их назначение? Служить Богу. Разные чины у ангелов существуют, по разному они служат. И, как мы знаем из ангелологии, и среди ангелов были не все совершенны.

– Не все ангелы были совершенны.

– Денница, самый талантливый, самый близкий к Богу ангел. У него поселилась такая мысль: «А чем я хуже Бога-то?» Мысль такая, она, собственно, и является основой всеобщего падения: и ангельского, и человеческого. Такая простая мысль: почему бы мне не быть как Бог? Почему бы не быть выше Бога? На человеческом уровне это проявляется так: чем я хуже игуменьи или духовника, разве я не могу быть выше? И вот такая-то горделивая мысль, не дающая нам смириться со своим положением, в котором мы в данный момент находимся, доводит до того, что мы не можем исполнять то послушание, которое нам Господь дал. Или у нас время от времени появляется помысел, чтобы нам сделать нечто гораздо большее, значительнее, чем то, что нам Господь уготовал. С этого начинается прелесть, с этого начинается гордыня, с этого начинается падение. И, кстати, как мы знаем дальше по ангелологии, денница не только эту мысль принял в себя, он взялся противоборствовать Богу. Он начал с мысли, что он ничуть не хуже Бога, то есть что он – тварный, выше Творца. И он оказался не одинок, он, в силу своего таланта, убедил в этом многих ангелов. И многие поддержали его, и началась та война против Бога, которая до сих пор продолжается. И что опять-таки парадоксально, что ангел, как описывают многие святые отцы, не отличавшийся никакими особыми способностями или достоинствами, Архангел Михаил, – возмутился. Как же так? На Бога, мы, сотворенные Им, поднимаем руку? И он восстал, и собрал ангелов, которые остались верными Богу, и была битва, как вы знаете. Падшие ангелы во главе с денницей были побеждены и сейчас существуют в виде бесовских сил, которые к нам невидимо приходят. Бытует такое мнение (одни с ним соглашаются, другие возражают), что когда Господь решил восполнить число падших ангелов, Он создал монашество. Монашество – это земные ангелы, небесные человеки, которые заменяют падших ангелов. Даже существует такое предание, что когда число монахов восполнит число падших ангелов, наступит кончина мира.

Отсюда возникает уверенность в нашем, довольно высоком предназначении. При пострижении монашеском, когда ножницы падают, какой вопрос задают? – Желает ли ты ангельского жития? Вам напрямую задается вопрос: «А ты сама лично желаешь ангельского жития?» – «Да, Госпо-

ди, конечно желаю». Словами-то легко произнести, а вот в своем житии возжелать и ни к чему не прилепляться здесь больше, и действительно послужить Богу, – это далеко не всем и не всегда удается. Но выход здесь один – это служение Богу, исполнение воли Божией, а не своей личной воли. И всякое творение своей личной воли, это уже не служение Богу, а служение падшим силам.

Известно также из ангелологии, что как только мы скончаемся, и наша душа выйдет из тела, у нас будет праздник. Это будет наш день рождения в вечную жизнь, и мы с вами увидим лицо Ангела-хранителя. Того Ангела-хранителя, который нам дан при крещении. Я хочу вернуться к монаху Пимену. Начиная свою духовную жизнь, он не мог понять Евангелие, тем более Псалтирь, какие-то молитвы утренние... Он взял книжку, которая по-разному называется в разных изданиях, – «Размышления христианина об Ангеле-Хранителе на каждый день месяца». Это не молитва, а размышление или собеседование со своим Ангелом-хранителем на каждый день. – Для чего мне Ангел-хранитель послан, чем я отличаюсь от Ангела-хранителя? Как раз эта тема там раскрывается во всей полноте, можно посоветовать почитать.

Когда о. Пимен был в еще в миру и звался Иваном Игнатьевичем, он начал читать эту книгу и был ею потрясен. И он читал ее каждый день двадцать лет. Как в семьдесят лет начал, так до самой смерти он и читал ее, – это было для него обязательное чтение. И не потому, что он получал какую-то новую информацию или эмоциональный заряд, – нет, он просто беседовал с ним как со своим родственником, как с самым родным человеком на земле, который его не подведет. Бог дал нам Ангела-хранителя для того, чтобы мы научились исполнять ту обязанность, то свое предназначение, то свое послушание перед Богом, которое нам позволит оставаться с Ним вечно.

И довольно быстро, не знаю, лет через пять, наверное, такого чтения, о. Пимен отказался от будильника. У него вообще не было будильника, он, как маленький ребенок, так искренне перед тем, как лечь спать, крестился перед иконочкой и прямо обращался к Ангелу-хранителю: «Слушай, – говорит, – Ангел-хранитель, ты меня завтра в пять тридцать разбуди», – и все, ложился, а в пять тридцать вставал. Ровно в пять тридцать его как будто кто-то поднимал. Так же мог он с Ангелом-хранителем договариваться о каких-то других вещах. «Слушай, Ангел-хранитель, там нападают на меня, ты меня защити». И у него как-то все хорошо это проходило. Духовная жизнь началась у него с того, что он заключил договор такой взаимный с Ангелом-хранителем, ничего не подписывая, а вот так, устно. Они так крепко договорились, потому что Ангел-хранитель действительно видел, что человек с ним беседует, общается, обращается. Ведь сила Ангела-хранителя, которая ему дана, она ведь гораздо выше, чем мы можем себе представить. Мне как-то пришлось разговаривать с одним из охранников нашего пре-

Св. вмч. Лазарь Хребелянович. Икона

зидента. Я его спросил, может ли быть такой случай, что кто-то незамеченным прошмыгнет, какая-то произойдет провокация. Он сказал, что мы, конечно, всеми силами препятствуем тому, чтобы кто-то напал на президента и вообще мог совершить какую-либо диверсию, – но мы же не Ангелы-хранители. Меня поразило, что человек, который занимается профессиональной охраной, так внятно осознает свои человеческие возможности. А действительно ведь, пока Ангел-хранитель с нами, у каждого из нас охрана выше, чем президентская, даже если двести человек нас охраняли бы.

– Хочу открыть вам секрет: у президента тоже есть Ангел-хранитель.

– Да, но это как раз мы открываем новую тему. Ангел-хранитель есть, но он не может действовать, пока мы его не попросим. У него такая же деликатность, как у Бога. Бог не вторгается в нашу жизнь и не начинает нам помогать или что-то менять в наших страстях-мордастях. Он готов нас услышать, Он как Отец ждет нас. И как раз самая-то тайна духовной жизни в том, чтобы мы точно знали, о чем просить Бога и Ангела-хранителя. Не какую-то ерунду эту временную, а что-то вечное. А что вечное просить? Есть такая книжечка у свт. Николая (Велимировича), вчера мы о ней говорили, «Царев Завет» называется, читали вы ее? – Можно фрагменты почитать.

Там повествуется о сербском князе Лазаре¹, его турки пленили, разбили армию, и перед тем, как казнить, привязали к дереву и говорят: «Проси перед смертью, что хочешь». К нему прилетает Ангел-хранитель и говорит: «Проси у Бога все, что хочешь, он все исполнит». И князь задумался, – а что, и правда, у Бога попросить? Вот сейчас голову отрубят, и что же? Вообще можно было попросить и не отрубать, Бог бы и это мог исполнить. Он мог просить за народ, чтобы народ не пострадал. Князь Лазарь был в большом смятении. «Я, – говорит, – жизнь прожил, не думая о том, что у Бога просить, ты мне сам скажи, ты же меня охраняешь, сделай мне подсказку-то, ты же моя шпаргалка в духовной жизни, Ангел-хранитель».

¹ Лазарь Хребелянович (1329 – 28.06.1389) – последний независимый правитель Сербии (1370 – 1389).

И Ангел-хранитель посоветовал: «Попроси у Бога, чтобы Он тебе простил все твои грехи. Это может сделать только Бог, больше никто: ни я, никто из людей. А еще попроси у Бога, чтобы он тебе дал благодати, а там уж проси, что сам хочешь. Потому что все, что можно сделать в духовной жизни, можно сделать только по благодати». Так князь и сделал, и получил великую благодать, и вошел в Царство Небесное.

У многих людей существует довольно большой навык общения с ангелами, только с падшими. Причем, они даже сами не осознают, что большей частью общаются-то с падшими ангелами. То есть принимают помыслы осуждающие, раздражительные, нецеломудренные. Нас могут посещать помыслы, связанные со сребролюбием, желанием обладания какими-то вещами. Мы даже не даем себе отчета в том, так ли сильно они нам нужны, но когда мы чего-то материального лишаемся, проявляется наша привязанность к материальному миру. Еще опасней душевная привязанность к нашим родственникам, близким и, может быть, еще к каким-то людям. Эта привязанность на самом деле нас вовсе не приближает к Богу, она может сильно исказить нашу духовную жизнь. И, конечно, отдаляют нас от Него наши навыки несмирения, нетерпения, упование не на Бога, а на себя. Все и так понятно, как и что нужно делать, при чем здесь Бог-то, почему я должна благословение просить? И пусть все получается и без благословения, но очевидно, что это не полезно ни для нас, ни для других. Так же бывает навык очень тонкой прелести – гордости.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорил, что в последние времена все без исключения, все человечество будет в прелести, все люди будут в гордости, все будут в духовном падении от этой раковой опухоли денницы – гордости, все будут подвержены этой страсти в той или иной степени.

Паисий Святогорец как-то высказал такую удивительную мысль. Он сказал, что из всех самых великих отшельников, самых великих духовных людей, которых он знал лично на Афоне, высокой духовной жизнью живут примерно на семьдесят процентов, а на тридцать процентов – плотской. А большинство людей, наоборот, они на двадцать-тридцать процентов (если уж в процентном плане говорить) духовные – на службе, за молитвой – и то не всегда. Может быть в какие-то времена и мы духовно можем рассуждать и духовно действовать. А все остальное – это плотская жизнь, и не надо себя обольщать. Ведь Старец из своих наблюдений за великими подвижниками такое примечал. Мы, кстати, здесь были с протоиереем Геннадием Заридзе, он несколько дней назад, буквально на прошлой неделе, проезжал. У них там один батюшка настолько увлекся идеей с падшими ангелами, что начал изучать, копать, бороться с ними, вызовы им бросать. И, в конечном счете, все это делал так горделиво, что Господь его наказал: он начал видеть падших ангелов, все ему открылось.

Старец *Емилиан Метеорский*

– **Страшное дело.**

– И вот мы сидим за столом с ним, трапезничаем, и он говорит: «Слушай, у тебя справа один бес стоит, а там еще, здесь два их». – Какие бесы? По какой специализации?

– Кстати, старец Паисий, когда это слово произносил, он называл их таким шифровальным словом – «тангалашка». Это действительно такая техника безопасности, потому что «помяни его – он и явится».

– Да, если мы будем его помнить, то сродное прилепляется к сродному, т.е. слова имеют такую силу притягательную. И весь наш разговор может стать опасен.

– Давайте тему сменим.

– Мы сейчас вообще-то говорим про ангелов.

– Про ангелов достаточно. У меня вопрос такой: почему афонские старцы архимандрит Емилиан¹, старец Паисий² самые свои важные поучения, всемирно известные беседы произносили в женских монастырях. Старец Паисий окормлял монастырь Суроти, и все беседы, которые вошли в 5-томник, изданный иером. Доримедонтом (Сухининым), записаны в этом женском монастыре. Архимандрит Емилиан был игуменом афонского монастыря, а все его беседы были записаны в женском монастыре в Ормилии, который он тоже окормлял. Есть, конечно, воспоминания очевидцев и некоторых духовных чад, но большинство бесед сказано в женском монастыре. У меня такое ощущение, что старцы в мужских обителях молятся, а в женских беседуют. Почему же они такое внимание уделяли вообще женским монастырям, женскому монашеству?

¹ Емилиан Метеорский, Симонопетрский (1935) – архимандрит. Греческий подвижник, старец, игумен монастыря Симонопетра на Афоне и духовный наставник женской Благовещенской обители в Ормилии (самый большой женский монастырь в Греции). Ранее был настоятелем монастыря Большие Метеоры. Во многом с его именем связано возрождение монашеской жизни в Греции и на Афоне во второй половине XX века. Старец Ефрем Катунакский называл о. Емилиана «вторым Иосифом Исихастом».

² Паисий Святогорец (Эзнепидис; 1924 – 1994), схимонах. Афонский старец, наставления которого, разошедшиеся в многочисленных изданиях, с благодарностью восприняты всем православным миром. Прославлен в лике святых решением Святейшего Синода Константинопольского Патриархата 13 января 2015 г.

– Трудно согласиться, что они там только беседуют и не молятся. Так вопрос не стоит.

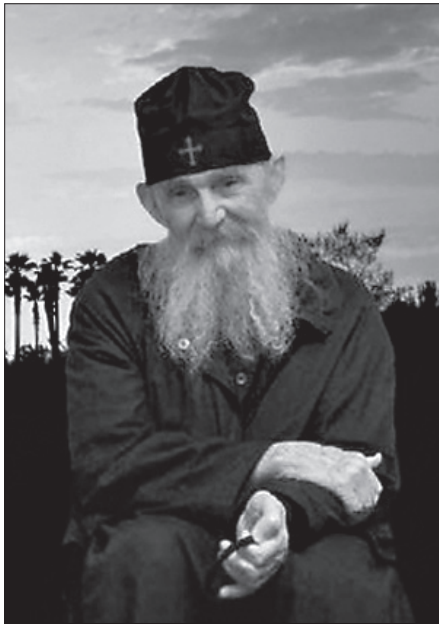
– **Конечно. Но большинство известных нам по публикациям поучений были произнесены именно в женских монастырях.**

– Начнем с начала. Емилиан, это монах афонского монастыря Симонопетра, а старец Паисий, как известно, монах афонского монастыря Кутлумуш. А на Афоне существует правило внутреннего делания.

Когда мы приехали в первый раз снимать фильм, нам объяснили, что Афон проповедует молчание. «Понятно», – говорю. Мы там камеры наставили, на разговор вывести пытаемся, скажите, мол, чего-нибудь. А в ответ – молчание. Молчание предполагает, что совершается внутренняя молитва, монахи настроены на внутреннее делание. И вот меня мать Анисия (тоже, кстати, из женского монастыря, который Ефрем Аризонский¹ открыл – исихастерия) всю дорогу ругает: «Отец Киприан, если будешь меньше 2000 молитв Иисусу в день приносить, ничего хорошего из тебя не получится». Ну как вот мне, говорю, быть? Тысячу еще могу, а вместо другой тысячи, – оправдываюсь, – служу литургию. Литургия же не может быть меньше, чем тысяча молитв. Она со вздохом соглашается. Кстати, Суроти – не монастырь, а исихастерий, он был создан для творения Иисусовой молитвы, и он достаточно независим. Действительно, все греческие женские исихастерии устроены афонскими монахами – Ефремом Аризонским, Паисием, Емилианом, потому что они на Афоне не могли так проповедовать, там не принято. Ты можешь там говорить кому-то лично, – пришел к тебе кто-то, обратился, и ты говоришь. Ну а беседы – это исключительное состояние. И, кстати, монах Паисий впервые стал известен для всей Греции и для всего мира после собрания монашествующих из разных монастырей, где он выступил. Он произнес речь о том, каким должен быть монах. Найдите эту речь, ее периодически надо читать. Он был настолько вдохновенным, что произошел какой-то, если можно так выразиться, взрыв во всей монашеской духовной жизни Греции. Никто до него никогда такие слова не говорил.

Он говорил, как ангел. И очень точно. И когда ему задавали вопросы с какими-то мистическими подробностями, он от этого всего отказывался: «Вы вначале поймите, для чего вы предназначены, – и научитесь жить так». В Суроти чаще всего его беседы действительно произносились по поводу каких-то определенных случаев, обстоятельств. Часто они были направлены на конкретного человека и лично для него полезны. Но тем не менее и Паисий, и Емилиан, и Ефрем Аризонский – они написали общие трактаты для монашествующих и мирян. Как мы знаем, они уже изданы: «Моя жизнь со старцем

¹ Ефрем Филофейский (Аризонский), Святогорец, родился 24.06.1928 г. в городе Волос (Греция). В 19 лет поступил в послушание к старцу Иосифу Исихасту. Возобновитель монастырей на Святой Горе, старец греческого монастыря Филофей на Афоне. Основал 19 православных монастырей в США и Канаде. С 1995 года удалился в пустыню ради безмолвия и молитвы о всем мире.

Старец Ефрем Филофейский (Аризонский)

Иосифом»¹, схиархимандрит Емилиан «Слова»². У вас тоже есть книжка?

– Да. Два тома.

– У Емилиана она посложнее в богословском смысле.

Кстати, когда мы с игуменией Никодимой беседовали в Ормилии, она вспоминала, что когда была несмышленной девчонкой, Емилиан собирал сестер и начинал им о чем-нибудь рассказывать. Бралась какая-то тема, и он эту тему начинал систематически излагать применительно для тех, кто здесь присутствует. А матушка Никодима, говорит, молодая была такая, как бы еще и не очень церковная. «У меня, – говорит, – мозги-то были по-другому устроены. Я всегда томилась тем, что он рассказывает. Все время на часы смотрела, когда же он закончит всю эту болтовню. И даже его торопила. “Ну, отец Емилиан,

скорю что ли, сколько можно говорить, ну кончайте давайте уже, бежать на послушание надо”».

А он ей отвечает: «Ты, детка, сиди и слушай. Ты сейчас ничего не понимаешь, но через некоторое время тебя Господь так поставит, что ты все, о чем я сейчас говорил, вспомнишь, и начнешь применять». «Я, – говорит матушка, – этих слов не могла воспринять. О чем он там говорит, кто это и кого куда-то поставит, почему я должна вспомнить то, чего сейчас воспринять не могу и слушать не хочу». И вот со временем действительно так получилось, что ее поставили старшей сестрой, а теперь игуменией. Да, она стала игуменией этого монастыря. «И, – говорит, – милый друг, Господь все время открывает, что недаром ведь мне Емилиан все это говорил когда-то. Как возникает какая трудность, я сразу и вспомню, что Емилиан-то говорил».

– По этому поводу?

– Да, по этому поводу. «Вдруг у меня в голове начинают оживать его слова, интонации, как он все это говорил, объяснял нам. И что самое поразительное, – ведь я не хотела слушать, но все запомнила. И не только запомнила,

¹ Ефрем (Филофейский), старец. Моя жизнь со старцем Иосифом. Ахтырский Св.-Троицкий монастырь, 2012.

² Емилиан (Вафидис), архим. Слова и наставления. М.: Изд-во храма св. мц. Татианы, 2006. Т. 1 – 2.

но сейчас для меня все это является как бы инструкцией, моим курсом к действию. И при этом я стараюсь, – говорит, – от себя ничего не делать».

Ну и, конечно, в Суроти тоже так, очень закрытый монастырь. Там никто вообще с вами разговаривать не будет. Мы были там только один раз. Нас игуменья приняла, мы сидела часа два или больше за трапезой, общались, говорили. Договорились о том, что она нас благословляет снимать фильм о Пасии. Когда мы через месяц приехали в этот монастырь, нас никто не «узнал», нам заявили, что с нами не говорили и ни о чем не договаривались: «Мы вас вообще не знаем, ни на что не благословляем». Ну, это такой греческий момент. Пришлось там попартизанить.

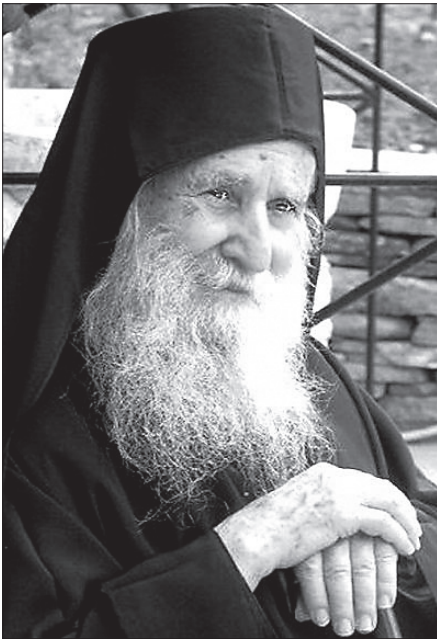
У игумении Анисии в исихастерии мы тоже были в горах, имели возможность познакомиться с монастырем, жизнь в котором направил отец Ефрем. Ему было явление Божией Матери. Он молился о мире, который весь в таком падшем состоянии, вопрошал, как помочь миру. И ему Божия Матерь сказала, чтобы он ехал в Америку, поскольку очень много зла сейчас в мире навязывается именно оттуда. И вот ему Божия Матерь повелела, чтобы он в каждом штате открывал по монастырю, чтобы в каждом штате творилась молитва, и люди могли приходить в храмы. Отец Ефрем открыл больше двадцати монастырей, хотя сейчас он немощен. Мать Анисия рассказывала мне много удивительных случаев о нем, она его чадо, вместе с ним открыла больше десятка обителей.

Мы с матерью Анисией очень дружны. И она очень крепко дружит с матушкой Параскевой¹, хотя она русского не знает, а матушка Параскева – греческого, и они никогда друг друга не видели, но, тем не менее, они все время очень подробно спрашивают друг о друге.

В Аризоне на о. Ефрема было много нападений. Не всем же нравится, что в Америке вдруг открывается монастырь, творится православная молитва, и люди, тем более уже отягощенные мирским духом, таким адским существованием, вдруг пытаются все оставить, прийти в монастырь и даже остаться.

Мне запомнился такой рассказ о нем. К отцу Ефрему пришел как-то один ересиарх. У него было несколько тысяч адептов, секта фактически. Сам он придумал учение, сам его возглавил, сам «служил», сам «рукополагал». И он привел с собой к отцу Ефрему до тысячи человек верных ему чад под видом получения благословения. Отец Ефрем наставил главу этой секты в православной вере, потом обратился ко всем остальным, и они все приняли крещение: у него здесь же и озеро было, о. Ефрем освятил его и в нем крестил. И все они стали последовательными такими, убежденными христианами. Причем сделал все это довольно быстро, в общей сложности в течение часа. Почему такая духовная мощь? Не потому, что о. Ефрем такой-то уж гениальный богослов, который нашел какие-то слова, которые всех сразили, и все эти аргументы приняли. А потому, что Дух Святой действовал через о. Еф-

¹ Схим. Параскева (Родионова) – до принятия в 1994 г. монашества супруга Владимира Яценко, будущего игумена Киприана.

Старец Иосиф Ватопедский

Архимандрит Ефрем Ватопедский

рема, исполнявшего послушание Божией Матери. Это тяжелое послушание: оставить Афон, родные монастыри, братьев, все, и уехать в чужую Америку, жить там, хотя никому ты там не нужен, – это вообще враждебная совершенно среда. И, тем не менее, ради послушания он творил вот такие чудеса. Это не единственное чудо, которое он сотворил. На Афоне такие беседы о. Ефрем не вел уже. «Жизнь со старцем Иосифом» читали, наверное?

- Читали, да.
- Шокирующий немножко труд.

– В конце XX – начале XXI века мы несколько лет подряд с владыкой Сергием посещали Афон и однажды в Ватопеде попали на беседу с Иосифом Ватопедским¹, учеником прп. Иосифа Исихаста². Он тогда еще жив был. По традиции раз в неделю, по воскресным дням, по осени, если не

¹ Иосиф Ватопедский, схимонах, греческий старец (1921 – 2009). Начал свой монашеский путь в 16 лет в монастыре Ставровуни на Кипре, где принял постриг с именем Софроний. Затем ушел на Святую Гору, подвизался под духовным руководством старца Иосифа Исихаста. Много послужил о. Иосиф делу возрождения афонского монашества. Его трудами восстановлена Ватопедская обитель.

² Иосиф Исихаст, Пещерник (Коттис; 1898 – 1959), схимонах, выдающийся греческий подвижник, афонский пустынный. Возобновитель исихастской традиции. Сейчас во всех монастырях Святой Горы игуменствуют и старчествуют ученики старца Иосифа, а его поучения служат возрождению монашеской жизни, в том числе, и в России: «Изложение монашеского опыта», «Старец Иосиф Исихаст».

ошибаюсь, собирались монахи, и он проводил с ними беседы. Сборник бесед этих тоже есть¹. В зал мы не пробрались, народу было очень много. Нам поставили динамики, было слышно, как о. Иосиф говорит, а переводчик нам переводил его беседу.

– Спаси Господи, отец Георгий. Мне довелось на Афоне объехать все монастыри, множество скитов, отшельников. Не считаю, что я там все знаю, но по роду занятий мне пришлось вникать в жизнь афонитов, изучать ее скрупулезно. Можно сказать, что Ватопед – это исключение из всего, что есть на Афоне. Там действительно были старцы: Ефрем, Иосиф – и вот теперь игумен Ефрем².

Преподобные старцы Паисий Святогорец, Иаков Цаликис, Порфирий Кавсокаливит, Иосиф Исихаст (в центре). Икона. Афон

– И все они ученики Иосифа Исихаста.

– Он, конечно, возродил Афон. Но вот Ефрем Ватопедский, – у него другая харизма. Отец Иосиф благословил его проповедовать, и он умудряется проповедовать по нескольку раз в день: на службе, на трапезе, после трапезы, а вечером собирает еще русскоязычных монахов, и опять ведет с ними духовную беседу. Я много раз видел, как к нему приезжает американское телевидение, английское. Так что он миссионер по благословию.

– С нами на Афоне был юноша Александр с другом. Отец Ефрем увидел их и стал им говорить, как молодежь жить должна. Он им так целую проповедь прочитал.

– У него такая харизма, как у Афанасия Лимассольского³. Это тоже, кстати, ученик и духовное чадо отца Паисия. Он митрополит на Кипре. Там очень много русскоязычных, и он говорит каждый день по несколько проповедей, по несколько бесед. Он не может на службе не проповедовать. Кстати, у меня тоже благословение такое от отца Кирилла (Павлова). Я смущался, когда после службы меня кто-то просил сказать проповедь; пошел как-то к отцу Кириллу и спрашиваю: «Батюшка, как без подготовки-то вы-

¹ *Иосиф Ватопедский, старец*. Ватопедские оглашения. Беседы о монашеской жизни. Богородице-Сергиева пуст., 2004.

² Архимандрит Ефрем (Кутсу) – игумен афонского монастыря Ватопед.

³ Афанасий (Николау), род. в 1959 г., митрополит Лимассольский, председатель Амафунтский и Курийский (Кипрская Православная Церковь).

ходить?» А он говорит: «Выходи, Бог благословит. Молись, проси, чтоб Господь уста открыл». Сегодня, кстати, редкий случай, я сам спросил у отца Георгия: «Может, мне что-нибудь сказать?» Он говорит: «Если, хочешь скажи».

Лет десять я ни у кого ничего не спрашивал. Только если меня попросят, а так сам я никогда ничего не говорю.

– Видите, какая жажда у о. Киприана была нам проповедовать, – сам попросился.

Опыт последнего времени, я уже говорил об этом, показывает, что в конце 90-х, в начале 2000-х очень многие родители откупали своих детей от службы в армии. И делали они это путем приписывания разных болезней. То есть покупали справки у врачей: у кого что-то с головой, у кого со спиной, а у кого с желудком. И сейчас приходят многие и говорят: «Что делать?». А я их спрашиваю: «От армии откупали, болезнь приписывали?» – «Да, а теперь вот припадки начались в 40 лет». Такие вещи, когда здоровым парням, которые в армии не хотят служить, приписываются какие-то болезни, даром не проходят.

А сегодня, это как раз по поводу нашего президента, мне вот что открылось во время вашей проповеди, о. Киприан. Вы сказали хорошую проповедь, духовную. Да, политикам надо постоянно говорить о том, что Россия – это православная держава, особая цивилизация, что Церковь – это духовная сила русского народа. Президент все время об этом говорит. И Господь его слова услышал. И главное, он сейчас вынужден не только говорить, но и делать так, как говорит. Это как приписанная болезнь: в свое время он, может быть, и решил что, мол, я буду говорить одно, а делать другое, как это у политиков иногда бывает. Но мы видели, что слова были одни, а дела были немножко другие. А сейчас слова и дела совпали, потому что Господь услышал. Я вот считаю, что здесь эффект такой сработал, он сейчас вынужден делать то, что говорил.

– Во всех православных странах, куда ни приедешь, говорят: Путин у вас единственный православный руководитель государства в мире, вы живете в православной стране, за него молятся на Афоне.

– Господь как говорил? – По словам их делайте. По делам их не делайте, а по словам делайте¹. Т.е. говорят-то они правильно, вот вы и делайте так, а Господь по этим «приписанным» словам заставит их исполнить. У слова такая мощная сила есть, поэтому нельзя проклинать, например, а можно только благословлять и жалеть. У старца Паисия это называлось «фабрикой добрых помыслов», которые всегда надо при себе иметь.

– Помыслы бывают добрыми, если у нас душа чистая. Если мы очистились, то они тогда сами льются, все естественно. Сродное прилепляется к

¹ См. Мф. 23, 3: *что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте, по делам же их не поступайте, ибо они [фарисеи] говорят, и не делают.*

сродному: если мы внутри грязные, нас эта грязь лишает мира. Почему мы осуждаем других людей? Потому что у нас есть подобные нераскаянные грехи. И мы к ним поэтому чувствительны в другом человеке, в себе мы их не видим, а в другом они нас цепляют, а это для нас обидно, раздражительно. Если бы в нас ничего такого не было, мы спокойно бы к этому греху в другом человеке относились, совершенно мирно, и творили бы добрый помысел об этом человеке. А мы не можем добрый помысел сотворить, у нас уста доброго слова не произносят, ум не работает в этом плане, потому что мы сами в этом грехе повинны. Как говорится, коготочек увяз, всей птичке пропасть. А если мы этим грехом сами повязаны, если это наше тайное желание или нераскаянный бессознательный несовершенный грех, то вот от этого вся печаль и происходит.

Я как-то беседовал с игуменией Евфимией на острове Корфу (Керкира)¹. Там в горах удивительный монастырь, сестер около тридцати. Игуменья Евфимия до последних дней ухаживала за старцем Паисием. Она была его верным духовным чадом, и он сам ее еще в молодые годы поставил игуменией монастыря, когда она вообще ничего не смыслила о монастыре и монашестве. «Ты будешь игуменией, ты слушайся меня – и все будет хорошо». И сам всех сестер туда привез, всех, кто захотел в монастырь. Они, может быть, и не подходили по каким-то условиям к суровому исихастерию в Суроти или там еще был другой у них монастырь – Иоанно-Предтеченский, и старец отправлял их на Корфу. В этом монастыре он появлялся раз или два раза в год максимум. Сестер он не исповедовал, просто духовно направлял, слушал, какие у них трудности, что печалит, что не могут разрешить, – так старец Паисий духовно окормлял весь этот монастырь. И когда мы беседовали с игуменией Евфимией, я задал ей такой вопрос (у нас, правда, беседа публичная была, нас снимало два телевидения, – греческое и российское), так что особо личное мы не могли спрашивать, но тем не менее, я рискнул задать ей такой вопрос: «Мать Евфимия, вы были в полном послушании у отца Паисия, он собрал весь этот монастырь, весь этот жемчуг. Сейчас, ког-

На Афоне

¹ Женский монастырь Христа Пантократора (Вседержителя) на о. Керкира (так греки именуют о. Корфу). Настоятельница монастыря игуменья Евфимия (Коккова).

Прп. Паисий Святогорец. Икона

У могилки старца Паисия в Суроти

да старца Паисия уже нет, вам приходится решать всякие вопросы. Вот приходит человек, просится в монастырь. По какому показателю вы считаете, что он не пригоден для монашества совершенно, что его надо направить на какую-то другую стезю для спасения его души?» Она с ходу, мгновенно и весьма аргументированно ответила: «Человек совершенно непригоден для монашеской жизни, если его тяготят его детские обиды, обида на своих родителей, на каких-то людей, которые не дают ему молиться, жить духовной жизнью. И вот через эту обиду действует тангалашка и разрушает мир в человеке. И у него возникает некая червоточина, которая не дает ему быть нормальным, полноценным монахом. Случается, приходит в монастырь ценный человек: и поет, и читает, и рукоделием занимается, очень полезный для монастыря как хозяйственник, с людьми ладит – но ничего не получается, ничего. Мы, конечно, пытаемся помочь, чтобы он осознал свои обиды, какие у него накопились в этой жизни, и в них искренне покаяться, просим благодати Божьей, чтобы Господь покрыл эти обиды. Но если этого не происходит, мы не постригаем. А если все-таки где-то пострижен такой человек, то это инвалид, – тяжелый, глубокий духовный инвалид, который может развалить весь монастырь, – такой очень опасен для монастыря». Это было не личное наблюдение м. Евфимии, а наставление старца Паисия, он по такому принципу и принимал сестер, чтобы они не хранили обид на кого-либо.

– И не обижались. Потому что самое любимое занятие монахинь – обижаться.

– Почему человек обижается? Потому что он сам такую же обиду несет.

– И других обижает. Поблагодарим отца Киприана, нам еще в мужской монастырь надо захватить хоть ненадолго. Есть еще несложный вопрос, только короткий, легкий?

– *Господь создал мир, ангелов, но откуда же появился худой помысел у него... у денницы? Откуда, батюшка?*

– Откуда, откуда. Потому что у него была голова. Понимаешь, лежит ножик, можно хлеб резать, а можно человека. Виноват не ножик, а голова, в которой может возникнуть добрый помысел, а может худой. Просто, отец Киприан, я думаю, что помысел и мысль – это одно и то же. Вот мы принимаем помысел, который нам извне забрасывают греховные существа. А денница сам имел гордость думать, что он такой же, как Бог, и стал самым греховным существом. И если мысль зарождается внутри греховного существа, она работает как помысел. Поэтому помысел не только извне, но и изнутри бывает. Хотите добрые помыслы – будьте добрыми, хотите злые помыслы, будьте злыми. Что заказывали, то и будет. Так. Правильно я ответил, отец Киприан? Можно идти?

– Как благословите.

– А Иисусова молитва как совершается в греческих монастырях?

– В женских?

– Да.

– Собственно, сущность исихастерия св. Иоанна Богослова в Суроти, который создал старец Паисий, в том, что у них нет вечерних правил, у них нет вообще никаких келейных правил – только творение Иисусовой молитвы. В монастыре, который основал Порфирий Кавсокаливит, там немного по-другому: они акафисты поют, а вот у матери Анисии только Иисусовы молитвы. Я просто скажу, – не для того, конечно, чтобы вы тоже так делали. Так вот у них только начинающие по две-три тысячи Иисусовых молитв творят, а те, кто в силе, – от пяти до десяти тысяч в день Иисусовых молитв произносят. Вот это исихастерий, – он только на это и направлен. Они не то что соревнуются, у них просто такое правило, и если ты там живешь, то ты этим правилом и спасайся.

– Но это очень опасно. Для нас, по крайней мере.

– Я и не говорю, чтобы исполняли столько же молитв. Это другое настроение, – это исихастерии. Вот у Порфирия Кавсокаливита, у него более уравновешенное правило. Они там трудятся, послушаются и молятся, – и Иисусову молитву творят, конечно, – во всех монастырях читают Иисусову молитву.

– Так монахи обет дают непрестанной молитвы.

– Как правило, количество и время Иисусовой молитвы определяется духовником. Я даже больше бы сказал, что в Греции существует такая благочестивая традиция. Миряне при опытном духовном руководстве тоже практически все читают Иисусову молитву, не только «рабочую» Иисусову молитву, но ими творится и та, созерцательная молитва, когда от всего отключаешься и молишься вот этой очистительной Иисусовой молитвой. Миряне там в большинстве примерно десять-пятнадцать минут читают такую Иисусову молитву. Некоторым мирянам благословляется до получаса, но больше получаса, – это уже какой-то другой образ жизни требуется. А у монашествующих, у них с получаса начинается по времени, полчаса длится Иисусова молитва. Бывает правило без счета: ведь у людей разные темпераменты – одному, чтобы удержать внимание, нужно быстро читать, а другой – наоборот, когда он медленнее читает, он вкладывает в слова все свое внимание.

– У нас опасность вот в чем, – я просто предупреждаю. Наши сестры начнут считать – считать Иисусову молитву. И вот Валерия прочитает десять тысяч, Павла семь тысяч, Феодосия пять. И Валерия скажет, а я-то десять тысяч прочитала. Кто больше, тот и святее. А уж потом послушание, простая молитва. Пока все не укоренится в выполнении хотя бы устава монастырского, не научатся жить по уставу, не стоит усиливать правило. А то они начинают придумывать правила сами себе: что-то здесь слабовато, надо бы побольше. И начинаются всякие такие приемы: надо бы в сараюшку залезть или под пенек, да там и молиться в безмолвии. Когда сестры укоренятся в монашеской жизни, тогда уже будет основание для безмолвия, для спокойствия, – тогда никто и придумывать ничего не станет. В некоторых монастырях насельники вместе собираются в храме и читают по четкам правила. К нам митрополит Нектарий¹ приезжал, он говорил, что у них хотя бы раз в неделю есть обыкновение правила по четкам совершать².

– Да, они читают перед службой, вечером. Количество индивидуальных молитв знает только игумения или духовник. А все остальные даже возможности сравнивать не имеют, они об остальных ничего не знают, им не общаются.

– Аминь. Благодарим отца Киприана за беседу!

¹ Митрополит Нектарий (Пападакис) (1951 – 2015). В 1970 году принял монашеский постриг. В 1990 году хиротонисан во епископа с возведением в сан митрополита Петрского и Херсонисского. В 2014 году по приглашению митрополита Самарского и Сызранского Сергия посетил Самарскую митрополию. Читайте о нем в «ДС» № 2 (76).

² См. «ДС» 2015 № 2 (76). С. 122.

**БЕСЕДА В ЗАВОЛЖСКОМ МУЖСКОМ МОНАСТЫРЕ
В ЧЕСТЬ ЧЕСТНОГО И ЖИВОТВОРЯЩЕГО КРЕСТА ГОСПОДНЯ**

– Мы обещали вам, что после трапезы отец Киприан проведет небольшую беседу и ответит на ваши вопросы. Отец Киприан окормлялся у архимандрита Кирилла (Павлова), и я просил его рассказать об этом старце, какие поучения он давал монахам, какие советы. И еще о старце Паисии Афонском. Что общего между русскими, греческими и афонскими старцами? Какие главные наставления они давали монахам? Это такая общая тема, отец Киприан сам расскажет, о чем хочет.

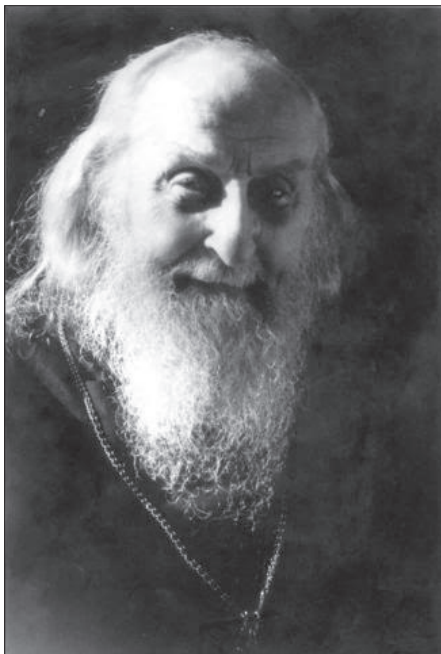
– Честно говоря, ни о чем не хочу говорить.

– У нас было то же самое. Однажды, когда я ничего не хотел говорить, мы потрапезничали, а братья обычно знают, что что-то говорить будет, они уже приуныли, всем спать хочется, а сейчас опять слушать надо. Вот я сидел какое-то время и молчал: пять минут молчу, десять минут молчу, пятнадцать минут молчу, – сижу просто. И у меня первого нервы сдают на двадцатой минуте, потому что они сидели еще безмолвней меня, – и тогда мне пришлось все-таки говорить, потому что можно было так просидеть уже и до вечерней службы. То есть, я хочу сказать, что наши братья молчать умеют: просто сидят и все, вопросов не задают: игумен молчит – и мы молчим.

– Они Иисусову молитву творят, наверное.

– Не только Иисусову, там очень много чего творится, душа человеческая – целая вселенная, она вмещает очень много всего, иногда даже рассказать невозможно, что там творится, какая духовная брань идет. Конечно, Иисусова молитва – главное оружие.

– Схиархимандрит Софроний (Сахаров) был гением Иисусовой молитвы, и, конечно, хоть в чем-то ему подражать хотелось бы, ведь можно действительно воссоединиться с Богом и познать Бога как Он есть. Вы знаете, у него есть такая книга «Видеть Бога как Он есть». Это название даже было предметом нападок небезызвестных богословов: «Как же так, Бог невидим, а он утверждает, что Бога можно видеть, да и еще таким как Он есть». Это название, оно, надо сказать, пришло отцу Софронию в голову, и он молился несколько месяцев о том, вписывать это название книги или не вписывать. И потом все-таки решил не изменять себе, так название и осталось, и действительно, это такое практическое руководство: как жить с Богом. По-настоящему, каждый день с утра до вечера во всех делах, а не только в отдельные минуты уединения или предстояния на богослужении. К сожалению, не удалось с архимандритом Софронием (Сахаровым) лично пообщаться, только с его духовными чадами – отцом Симеоном и игуменией Силуаной. Матушка о нем книжку написала, и следом за ней те лица, которые очень близко его знали. У нас в отделе была сотрудница, Наталья

Схиархим. Софроний (Сахаров)

Сахарова, духовное чадо отца Глеба Каледы¹, который ее все время от себя не отпускал. Она оказалась родственницей о. Софрония (Сахарова). И вдруг, когда у нее обнаружили рак, она очень сильно переосмыслила свою жизнь, все оставила и уехала к отцу Софронию. Жила там, и там почилла. Мы с ней понемножку какое-то время по телефону общались.

Отец Софроний, конечно, отличался очень сильной директивностью, и если говорить, что общего между старцами, то отец Кирилл (Павлов), мой духовник, которому я многим обязан, – его направлению, его молитвам, его благословениям, – он совсем другой. Можно сказать, лучшие годы моей жизни были те последние два года, когда отец Кирилл служил в Переделкино² каждую неделю в субботу и

воскресенье. Я был тогда не обременен лаврскими послушаниями. И вот два года все литургии служил с отцом Кириллом. У нас так было принято в Лавре у многих монахов, и до сих пор осталась такая установка, что главное – попасть к отцу Кириллу. Почему-то все так к нему стремятся. Вот отец Кирилл приезжает в Лавру, и все бегут к нему. Он сидит в алтаре, исповедует, очередь выстраивается огромная. Первыми идут архимандриты, после игумены, за ними монахи, а уж потом все остальные – простые смертные.

Было правило, мы сами его устанавливали, чтобы не больше двух минут побыть у отца Кирилла, поскольку иначе не все успевают к нему подойти. Ну и когдаходишь, а у тебя всего две минуты, то старцу что-то крайне важное надо сказать, либо попросить или покаяться в чем-то самом главном. И отец Кирилл мгновенно реагировал; что удивительно, он чаще всего произносил какие-то евангельские слова, из Евангелия. И вот люди, которые плохо Евангелие знали, они вообще удивлялись. Ну я-то эти слова евангельские знаю наизусть. Если вразумление из Евангелия сказано стар-

¹ Глеб Александрович Каледа (1921 – 1994) – священник Русской Православной Церкви, протоиерей, церковный писатель; доктор геолого-минералогических наук, профессор.

² Подворье Патриарха Московского и всея Руси. Храм Спаса Преображения в Переделкино.

цем, начинаешь применять его к себе, к своей ситуации, – и действительно, как-то все исправляется. Помню такой случай. Пришел один скиталец, он по многим старцам ходил, у всех спрашивал, у него была какая-то сложная дилемма, неразрешимая, и он никак не мог получить ответа вразумительного, ходил несколько лет. И вот мы с ним вместе стояли в очереди, он дошел до отца Кирилла, и батюшка ему сказал простые евангельские слова, я уже и не помню, что именно. Очень известные слова, все их знают. Он от старца выбежал, кричал, ликовал, радовался. – Я спросил: «Что произошло?» – «Батюшка сказал мне ключ к разрешению проблемы всей моей жизни». Я говорю: «Какой ключ?» – «Ну он сказал евангельские слова». – «А что, ты их не знал?» – «Я не знал, как их применить».

Духовный гений старца Кирилла как раз и заключается в том, что у него ум всегда плавает в Евангелии. Когда он болел, – он и сейчас болеет, – мне его сиделки рассказывали, что когда он пришел в себя, они у него спрашивают: «Батюшка, что вы хотите? – то есть что-нибудь покушать, поговорить, – какое желание ваше?» – «Я очень хочу Евангелие почитать». – «Ну а потом?» – «Сколько есть времени, я почитаю Евангелие». У него это было всегда, и когда он был в здравии – такая сильная тяга. Причем, это началось с того времени, когда он в Сталинграде дом Павлова оборонял. Он тогда все время между боями читал только Евангелие. Евангелие вошло в его сердце, в его ум, все своим светом осветило, и старец по-евангельски всех окормлял, как бы не от себя, – от Евангелия. У него есть величайший дар – деликатность: он никогда ничего не навязывает. У отца Кирилла было очень трудно что-то такое выпросить, он мог сказать: «Ну вот я бы посоветовал так», – и даже редко скажет, что именно, как бы предположение какое-то, а дальше ты сам смотри. Так что еще одной особенностью отца Кирилла является вот эта недирективность.

– Что такое директивность, поясните.

– Как директор, который действует определенно: так или так. Мне мать Силуана рассказывала один случай. В монастырь приехала группа студентов из Оксфорда и из университетов других стран. Посмотрели обитель, у одной девицы сердце было тронуту увиденным, и она робко подошла и спросила: «А у вас нельзя на ночь остаться до завтра?» Она к м. Силуане обратилась, подошли вместе с ней к отцу Софронию, спросить, можно ли остаться. Он говорит: «У нас места нет. Если ты, Силуана, возьмешь ее к себе в келию, пусть она остается». И девушка осталась. Вот она переночевала, пришла на службу, встала на середину храма, а у нее была такая короткая юбка, и она очень демонстративно, вызывающе так, можно сказать, изображала посреди храма, что она молится. У о. Софрония и мужской, и женский монастыри вместе приходят в храм на молитву, так там монахи, послушники, трудники – все попрятались. Девушка стояла как на епископском месте всю службу в своем до неприличия коротком платье. Сам отец

Софроний никакого замечания ей не сделал – и никто не дерзал, если сам отец Софроний к ней не подходит и не воспитывает. И когда служба закончилась, потрапезничали, разошлись, девица как бы сдулась, – то есть она действовала вызывающе, ожидая, что к ней подойдут, будут ей что-то говорить, а ей никто ничего не сказал, никто словно ничего не заметил, не обратил внимания, – ее это очень сильно потрясло. И мать Силуана рассказывала, что перед вечерней службой девушка платье намочила, нашла камни и эти камни подвесила снизу, чтобы ее шерстяное платье растянулось. И пришла на вечернюю службу в платье уже по колено. Дальше она попросила остаться еще на недельку, пожила недельку, платье у нее все время удлинялось: ниже колен, еще ниже. Причем опять никто как бы не обращал внимания, никто ей ничего не говорил, но ее собственная совесть не позволяла быть в этом сообществе в прежнем одеянии. Из этого примера видно, как Софроний мог молиться за такого человека, мог терпеть временные недостатки, видя, что это не основное. И не стоит на это обращать внимание.

– Но это же как раз отсутствие директивности. А в чем же директивность проявлялась?

– У него вообще такое управление было, он редко когда что-то очень определенно говорил. Но от отца Кирилла вообще было невозможно добиться какого-то благословения. Я, честно говоря, около пяти лет приходил к отцу Кириллу и все время попадался на один и тот же крючок. Прихожу, говорю, батюшка, благословите меня поехать туда-то, написать то-то, сделать такое-то дело, – на все просил благословения, и как мне казалось, я был в послушании. Или просил: «Батюшка, как лучше сделать: так или вот так?» Он так задумывался, а потом вдруг, как бы невзначай, спрашивал: «А ты как думаешь, как лучше сделать-то?» Я говорю: «Мне кажется, лучше вот так вот сделать». – «А, ну Бог благословит, давай делай». И только уже через несколько лет отец Исаия говорит: «Ты что делаешь-то? Это ведь батюшка проверяет тебя. А ты должен отвечать ему: батюшка, вы благословите так, как угодно воле Божьей. Как вы благословите, так я и сделаю. Зачем ты поддаешься? Он тебя спрашивает специально, как ты хочешь, как твоя воля». И многие люди ходили к нему годами, даже не понимая, что они в непослушании у батюшки, а он, тем не менее, этого не открывал.

Бывало так, что вопросы сложные попадались, спрашиваешь у отца Кирилла волю Божью, как он считает, а он всегда как бы так задумывался, голову кверху поднимал или вниз опускал, видно, молился, и потом какое-то говорил мягкое определение: «Ну вот, я думаю, что может так попробовать, а может так вот и лучше будет сделать». Очень всегда аккуратно, не настойчиво. Или говорил: «Давай помолимся, после Пасхи приходи. Весь пост помолимся, после Пасхи Господь определит». Довольно часто по сложным вопросам нужно было помолиться какое-то время, и порою очень продолжительное.

Отец Кирилл – уникальная личность, потому что с ним никто никогда не мог поссориться. Очень авторитетные, известные в нашей стране представители духовенства пытались оказывать давление на отца Кирилла, что-то ему предлагали, какой-то заковыристый задавали вопрос или вынуждали, чтоб он дал благословение или подтверждение. И он какими-то удивительными способами отвлекал их внимание, как бы не понимая, о чем говорится, брал и уходил, исчезал. Или что-то в ответ спрашивал или говорил: *Симоне Ионин! любишь ли ты Меня?*¹ Никто не мог понять, причем здесь любовь, ему отвечают: «Отец Кирилл, мы любим тебя». А он три раза задавал этот вопрос, и пока тот отвечал, то уже забывал сам, о чем хотел спросить – такие были способы уходить от ответа.

– Таким качествам в полной мере научился от отца Кирилла отец Киприан. Я знаю его больше двадцати лет. Можно стоять рядом с ним, кто-нибудь подойдет, поворачиваешься – нет отца Киприана. Где – не знаю, а только что тут был. Куда пошел – никто не видел, – исчез. Ищешь его ищешь, поворачиваешься, а он здесь уже стоит. Так вот он внезапно исчезает и появляется. От отца Кирилла такая наука?

– Вообще, монах должен действовать молниеносно и тайнообразующе. Отца Кирилла было невозможно обидеть. Вот например, у одного батюшки имелись к отцу Кириллу вопросы по мирским делам. Когда мы сели в машину, этот батюшка начал что-то рассказывать отцу Кириллу, а тот просто замолчал: голову опустил и всю дорогу молился по четкам, так что мы от него не могли добиться ни слова ни полслова – никакой реакции. Он как будто отключился, не слышал нас вообще. В разбирательство мирских конфликтов он чаще всего не вступал.

Хотя случалось, что отец Кирилл предпринимал какие-то вещи. Это могло выглядеть так. Мы всей редакцией примерно два раза в год приезжали к о. Кириллу, я ему представлял сотрудников, мы говорили о том, что хотим делать в нашем журнале, газете. Батюшка нас благословлял, даже какие-то советы давал, о чем лучше писать. И как-то он мне говорит: «Отец Киприан, а тебе не предлагают рукоположение?» А у меня так получилось, что после пострига сразу же на следующий день предложили рукоположение в дьяконы, потом в священники. Я был к такой перемене не готов, для меня был вообще шок, что я стал монахом, чего никогда не хотел и о чем не мечтал. И я сказал: «Нет, вы знаете, я как-то должен понять, что такое монашество, о котором только из книг знал. Надо поездить, посмотреть, укрепиться». И так прошло восемь лет. Я отказался рукополагаться, ну отказался и ладно.

– Два раза не предлагают обычно.

– Да. Монах не может предлагать, чтоб его рукополагали, а отец Кирилл начал меня тормошить: «Отец Киприан, мне думается, что тебе надо уже ру-

¹ Ин. 21, 15.

кополагаться». Спрашиваю: «Батюшка, что я должен сделать? Я же не могу пойти к епископу и написать заявление?» А он говорит: «Пойди к своему епископу (у нас ректор Московской Духовной академии владыка Евгений¹) и скажи, что отец Кирилл благословил тебя рукополагаться и что ты сам-то не против». Я говорю: «Ну ладно, отец Кирилл, как вы благословите, так я и сделаю». Прихожу к владыке, объявляю ему благословение батюшки, он говорит: «Да? Ну так что же, отец Киприан, давай готовься». Вот, значит, прошел я всю комиссию, все экзамены, а перед самым рукоположением пришел еще к владыке, мы чисто технические вопросы обговорили: как читать, какое облачение должно быть. Выхожу из кабинета владыки, сидит секретарша Марина и говорит: «Отец Киприан, как мы счастливы, что вы будете рукополагаться». А мне было за сорок, в приличном уже таком возрасте, а все хожу в монахах, – монах и монах. Ну если бы я сидел в монастыре где-нибудь, то и слава Богу, а у меня послушания-то были общецерковные, приходилось работать с митрополитами, епископами, непосредственно быть в «обойме» Патриарха, делать большие церковные дела, а я даже служить не мог, – я на службах присутствовал как простой монах. Честно говоря, меня это нисколько не удручало, не тревожило, главное, чтоб была возможность молиться. Тем не менее, в те времена в общецерковной традиции, конечно, это было не совсем понятно. Хотя владыка ваш и многие архиереи со мной на равных общались, и мы никакой дистанции не чувствовали. И вот когда я вышел из кабинета владыки Евгения, Марина говорит: «Как мы счастливы, что наконец-то вы теперь хоть в службе сможете участвовать». И спрашивает: «Вы рады?» А я был в таком спокойном состоянии, говорю: «Ты знаешь, не почувствовал, мне и так и так хорошо, как воля Божья». У меня действительно не было такого сильного стремления, желания. Если что и свершается, значит, на то воля Божья. А Марина передала это владыке Евгению. На следующий день прихожу на службу, приготовился к рукоположению, а мне объявляют, что владыка все отложил на два года. Два года прошло, владыка меня вызывает, спрашивает: «Ты хочешь рукополагаться?» Я понял, что если скажу, что мне все равно, то это будет еще через несколько лет. А поскольку отец Кирилл меня благословил, то отвечаю: «Да, владыка, – хочу». «Ну все, – говорит. – Дождались, когда ты захотел». Получив тогда отказ, я пошел к отцу Кириллу, а он сказал: «Теперь придется ждать два года». Он ничего не стал комментировать, такое мое, можно сказать, своеволие, что я сам не очень-то и хотел.

Батюшка Кирилл – личность удивительная. Мы его называем, и многие его так называют, не сговариваясь приходя к этой мысли, – монах любви, отец любви и пример любви. Он действительно всегда являл собой любовь. Когда отец Кирилл приезжал, это было огромное событие для Лавры, для

¹ Архиепископ Евгений (Решетников) – епископ Верейский, в 1995 году назначен ректором Московской Духовной академии и семинарии. В 2000 году возведен в сан архиепископа.

всех. И когда уезжал, это была большая печаль. У батюшки легкие на войне были застужены, и он каждое лето ездил в Крым, в Судак, подлечиться. Поэтому мы его все лето обычно не видели. И когда он к осени приезжал, это было такое выдающееся событие в Лавре! В течение нескольких часов проносилось из уст в уста, как по радио, что приехал отец Кирилл, и все бежали к нему за благословением. А отец Кирилл привозил из Судака особое благословение – несколько ящиков лука. И вот приходишь к нему – он дает тебе луковицу крымскую. Потом этот лук грызешь или еще какой-либо фрукт, яблоко – никого батюшка с пустыми руками не отпускал. Всегда его возвращение было радостью, а гостинец – вещественным воплощением этой радости. Давал конфету или шоколадку, которые у него всегда были. Отец Кирилл называл это благословением и утешением и говорил: «Это утешение тебе: когда будет горько, ты возьми, покушай».

Схимонахиня Параскева, моя бывшая супруга, которая тоже по благословию отца Кирилла приняла монашество, всегда после антидора и просфоры принимает кусочек сладости, которую отец Кирилл когда-то вручил. И в минуты горести или печали очень утешительно бывает взять его гостинец, помолиться и попросить о чем-либо отца Кирилла.

Отец Кирилл был духовником Патриарха Алексия, и Святейший практически ни одно крупное решение без совета с ним и без его благословения не принимал.

– Слушая вас, можно подумать, что одни старцы обладают даром директивности, от слова «директор»: если я сказал, значит, иди сделай. А другим старцам дан дар любви. Одни со строгостью, а другие с любовью. Я думаю, что здесь разница в том, что существуют разные традиции окормления как в Греции, так и у нас. В Греции есть монастыри, где игумен и старец – одно лицо, то есть игумен является старцем. И поэтому как старец он с любовью должен всех окормлять, а как игумен директивно направлять, то есть уж всыпать со всей строгостью за то, что машины все разломали, продукты не купили, послушание не исполнили. Поэтому всегда, когда сочетается в одном лице и игуменство, и старчество, а в большинстве монастырей Греции и Афона так и есть, в этом случае проявляются и любовь и директивность одновременно.

В наших монастырях часто было так, что старчество – это одна категория, а игуменство – другая. Часто игумен управляет монастырем, духовным окормлением практически не занимаясь, то есть он следит за богослужением, развитием, строительством монастыря, а старец – отдельная категория. Поэтому, если игумен поругает, монахи бегут к старцу за советом: обижаться мне на него или не обижаться? Тот говорит: не надо, игумена надо слушать, он хороший, он вас любит, он для вас старается. То же самое, если посмотреть, как старцы-келиоты жили или вот старец Паисий. Он жил в монастыре, к нему за советом ходили, но чаще всего

он жил отдельно, то есть директивность там без надобности, ему командовать нечем было. Просто приходили за советом, и он с любовью отвечал. Хотя правильно отец Киприан говорит, что были старцы, у которых и характер был особенный.

Архимандрит Мирон¹ нам рассказывал, что в Глинской пустыни было два старца, Андроник² и Серафим³. Один был очень строгий, а другой любвеобильный. Отец Мирон рассказывал, когда он еще был трудником, ему дали скуфейку, – первую монашескую одежду. Он подошел к старцу радостный такой, а тот взял скуфейку, да как даст ему по голове этой скуфейкой. «Что, – говорит, – напаялил? Кто ты такой, – скуфейки здесь носишь?» И молодой послушник побежал вещи собирать: «Все, уйду из этого монастыря, здесь даже бьют!» Навстречу идет другой старец: «Витенька (о. Мирона тогда Витей звали), иди сюда. Ты что плачешь-то?» Рассказал ему послушник о своей обиде. «Идем, – говорит старец. – Я сейчас молебен буду служить, – идем, со мной сейчас послужишь, считаешь, я тебя водичкой окроплю». Утешился Витя, решил: «Все, остаюсь».

У старцев характер был разный, а оба святыми стали, оба сейчас канонизированы. Так что вот, и старчество, оно тоже разное бывает. Одно дело старчество, которое мир окормляет, другое дело, когда надо духовную жизнь ревностно поддерживать, не нарушать типикон монастыря. Типикон – устав монастыря, чтобы братия из рамок не выходила.

Сейчас отец Киприан рассказывает чаще всего про Паисия Святогорца и старца Кирилла. Старец Кирилл не управлял монастырем, там лет двадцать пять уже управляет о. Феогност⁴. Вот он иногда проявляет директивность по отношению к монахам.

У нас старцами хотят видеть чаще всего каких-то магов. Даже наши богословы считают, что если старец, то усилием воли горы должен передвигать, человека, как рентген, насквозь видеть, мысли читать, как телепат. Если ты не такой, значит ты не старец. Таковые-то и говорят, – поди найди старца, нету никаких старцев, ничего они не могут сейчас. Мысли не читают, горы не передвигают, болезни сразу не лечат. А старчество – это ведь рассуждение и любовь. То, что Господь как самое глав-

¹ Архимандрит Мирон (Пепеляев), насельник Псково-Печерского монастыря.

² Схиархимандрит Андроник (Лукаш) – маслитый старец, великий труженик на ниве Христовой. На заседании Священного Синода Украинской Православной Церкви причислен к лику местночтимых святых 21.08.2010 года.

³ Старец Глинской пустыни Серафим (Амелин). Утвержден в должности настоятеля и возведен в сан игумена в 1943 году. Путем непрерывной внутренней борьбы, самоуничтожения, испытаний и скорбей о. Серафим получил великое дарование – любовь к Богу и ближним. С братьями обращался как с родными детьми. Схиархимандрит Серафим (Амелин) причислен к лику местночтимых святых на заседании Священного Синода Украинской Православной Церкви 8.05.2008 года.

⁴ Архиепископ Сергиево-Посадский, наместник Троице-Сергиевой Лавры с 1988 года, владыка Феогност (Гузиков).

ное дает – любовь. Отец Киприан, правильно?

– Да.

– Давайте сравним наше правило с греческим.

– Ну, конечно, это характер. Вот мы приехали в Дохиар, договорились там побеседовать с отцом Григорием¹. Известный такой афонский старец. Через своих чад он нам официально назначил время встречи в восемь утра. Мы приходим в восемь утра, служба закончилась, все спят, в монастыре никого нет, тишина. Мы обошли весь монастырь, вообще никого нет, один только дворник подметает опавшие листья. Мы подошли к этому дворнику, спрашиваем: «Слушай, как бы нам найти старца Григория, игумена-то?» Он говорит: «А зачем он вам?» Отвечаем: «Мы договорились его записать». – «Это я и есть», – говорит. «Батюшка, когда можно с вами пообщаться?» – «Ну я, – говорит, – сейчас вот здесь домету, цветочки полью, и мы побеседуем с вами. Идите сейчас к морю, там беседочка, вот в беседке и будьте». Мы пошли, сели у моря, он освободился, подходит к нам, а тут у меня телефон зазвонил. Я беру телефон, отвечаю, что сейчас перезвоню. Старец сел и говорит мне: «Выброси телефон в море». Я молчу. Он настаивает: «Пока не выбросишь телефон в море, я с вами разговаривать не буду». Я взмолился: «Батюшка, может завтра выбросить его?» Он махнул рукой и начал с нами беседовать.

А на следующий день мы уезжали с Афона, доехали уже до Уранополиса, сели в такси. Я смотрю, где мой телефон? – Оказывается, я оставил его в келье на подзарядке. Мы так и улетели. Вот видишь, сила слова старца: сказал оставь – оставил, пусть и невольно.

Отец Григорий нам прочитал лекцию на полчаса, что такое телефон. Он сказал, что буквально пройдет пять-семь лет, и весь мир попадет в зависимость от телефона. Мировоззрение человечества раньше менялось раз в пятьдесят, а то и в сто лет, то есть раз в поколение. А сейчас в течение пяти лет будет изменено мировоззрение всего человечества во всем мире посредством телефона. Сейчас уже осуществляются через телефон все наши контакты, все наши разговоры, финансовые расчеты. Деньги бу-

Архимандрит Григорий (Зумис)

¹ Архимандрит Григорий (Зумис) – игумен афонского монастыря Дохиар.

мажные скоро исчезнут, будут электронные, все расчеты будут делаться через телефон. Все книжки можно будет взять в любой библиотеке мира через телефон, все телевизионные передачи. Все будет через телефон. Ваше местонахождение, куда бы вы ни перемещались, – все будет через телефон фиксироваться. И человечество само не заметит, как попадет в совершенно в другое состояние. Оно будет полностью контролироваться – это раз, во-вторых, оно будет зависимо от телефона, так как даже с родными невозможно будет общаться иначе. И даже церковные службы будут служить по мобильному телефону.

Я тогда, можно сказать, удивился. А сейчас, – я не знаю, как у вас, – но в Москве редкий дьякон по служебнику служит, все в основном по телефону. Вся служба, все ектиньи, возгласы. И это уже стало обычным делом.

Отец Григорий тогда нам такую, довольно убедительную, лекцию прочитал. Он говорит: «Я игумен монастыря, могу позволить себе любой телефон. Но я принципиально им не пользуюсь. У меня есть проводной телефон. И все знают, что к отцу Григорию можно позвонить с трех до пяти, я всегда подойду и поговорю. Если мне надо позвонить, я подхожу к этому телефону и звоню. Я принципиально не хочу идти со всем миром в ад, и вам этого не желаю».

Когда я прилетел в Москву, то первым делом отслужил литургию, а потом уж и рассказал все это своим прихожанам. Мне на следующий же день подарили два телефона! Безумный мир. Действительно, несколько раз пытался я как-то ограничить, в какое-то время выключать, но пока ничего не выходит. Ну вот, отец Георгий, как ты говоришь? Директивность? – так ты это называешь?

– **Учитесь, как стрелки переводить.**

– Да, когда мы приехали в Дохиар, был с нами один благотворитель из Газпрома, другой откуда-то там из Лукойла.

– **Из Роснефти.**

– Из Роснефти, не знаю. И еще съемочная группа из двух человек. Отец Григорий к нам подходит и первым делом обращается к нашему паломнику из Газпрома. Тот ему: «Здравствуйте, старец!», – а старец вместо «здасьте» говорит: «Сколько ты раз своей жене изменял? Говори, сознавайся сейчас же. Ну говори, говори при всех, сколько раз ты своей жене изменял?» Тот красный стоит, молчит.

– **А трудно сосчитать просто.**

– Стыдно.

– **Пальцев не хватает, а в уме, чтобы не обмануть старца, трудно считать, а надо точно отвечать.**

– Не знаю, как это тот паломник выдержал, мечтал, наверное, сквозь землю провалиться. Он ведь как думал – старчик придет, благословит. А

о. Григорий его сразу и обличил. Наверное, это был один из самых страшных моментов в его жизни. Мы, глядя на него, боялись, как бы он в обморок не упал. Старец понял, что если его еще что-нибудь спросить, он вообще рухнет. А второй паломник рядом с ним стоит, он и его спрашивает: «Слушай, а ты сколько раз своей жене изменял?» – «Ни разу». – «Вот какая добродетель! Он правду говорит. Надо на него равняться. В таком мире человек живет, и он даже в мыслях не изменяет своей жене». Старец Григорий такой нам урок преподал. Как хотите понимайте – прозорливость это или еще что. Потом мы начали со старцем беседовать. У него, правда, есть одна слабость: он очень не любит Папу Римского и католиков, как и многие на Афоне. Беседа была об этом.

У о. Григория была тяжелейшая раковая опухоль. Но до сих пор он ничего, так и служит, на литургии мы были у него. Так что когда в тот монастырь приходят, у многих отбирают телефон или дают пользоваться в определенное время.

– Когда мы приезжали на Святую Гору с владыкой Сергием в 90-е годы, там споры были на Афоне. Они решили позакрывать монастыри от паломников. Вообще закрыться и никого не принимать, – часть монастырей и закрылась. А мы приехали, прошли там недалеко по берегу, рядом с монастырем вмч. Пантелеймона. А в Дохиаре оставили только один лаз, чтобы монахам выходить за продуктами, на четвереньках можно и входить, но только в этот лаз. Вот первым наш архиерей пошел, а мы за ним. Проползли под воротами, в эту щелку. Игумен нас тоже принял. А у него в келье, как в музее: скульптуры, вазочки, всякие драгоценности. «Музей?» – интересуемся. – «Нет, – говорит, – месяца как два-три перешли в общежитийный устав. У нас был особножительный монастырь. А теперь стало общежитие, ничего своего иметь нельзя, и братья все свое имущество сдали игумену». Афонские монастыри переходили на общежитийный устав где-то в начале 90-х годов. Ватопед тоже только в 1992 году перешел.

– Кстати, в Ватопеде мы были не так давно, месяца три назад. Сидели за общей трапезой. Там у них обычно один стол для русскоязычных. И поскольку во время трапезы игумен Ефрем довольно часто дает либо комментарии к тому, что читается за трапезой, либо на какую-то тему вдруг начинает говорить беседу или проповедь, то здесь обычно сидит переводчик и нам переводит. Кстати, Ватопед обладает такой уникальной особенностью, там берут на стажировку русских монахов на полгода, на год или на два года. Монастырь из России должен официально послать бумаги, и тогда принимают на послушание.

И вот группа русских монахов, которые проходят послушание в Ватопеде, вернее, трое из них, мне так тихо шепчут: «Отец Киприан, можно мы после трапезы к вам придем в гостиницу, в каком номере вы живете?» Я ска-

зал. Вот они приходят ко мне уже под покровом темноты и задают мне такие вопросы: «Батюшка, здесь какие-то странные вещи происходят в монастыре. Мы никак не можем понять, то ли нам все бросить и бежать, то ли еще терпеть до конца». А я говорю: «Хоть приведите пример, какие странные вещи-то?» – «Первым делом у нас отобрали телефоны. Вообще, и даже не благословляют подойти к какому там телефону-автомату, позвонить. И если мы позвоним, нас сразу выгонят отсюда, живем под угрозой. Но у нас же там родина, все-таки хочется поговорить с родными».

– **С родными, братьями, сестрами.**

– Да. Все-таки мы, конечно, к такому аскетизму не привыкли.

Я говорю: «Братя, это надо терпеть. Бывает, что один звонок все переворачивает в сердце и потом неделю, а то и две, нужно приходиться в себя. Любая скорбь, печаль или даже радость настолько отрывает от духовной жизни, что не можешь молиться – не можешь ничего, это как в миру побывал, то есть после этого очень сложно человеку. Я думаю, отец Ефрем даже заботится так о вашем духовном здоровье, нужно потерпеть, ну что ж вы. Потом же, в Царстве Небесном мобильных телефонов не будет, а как же вы там будете». Ну, в общем, так как-то с ними поговорил. Они сказали, что им запрещают общаться со всеми русскими паломниками. Туда же много русских приезжает, в Ватопед.

– **И к нам русских много приезжает, у нас как Ватопед, у нас много русских паломников.**

– У вас же нет запрета общаться. Приехали люди, как с ними не общаться?

– **А им не с кем общаться: у нас все по кельям забьются.**

– Все молчат?

– **Не то, что бы молчат, приходят паломники, так их сразу на огородах всех распределяют. Там не поговоришь. У нашего огородника Серафима все строго: лопата, мотыга – без разговоров. Ну и что дальше? Нельзя с паломниками монахам говорить, да?**

– Да. Объясняю братьям: «Ну зачем вам смущаться. Люди из мира приехали со своими страстями-мордастями. Потом, вы же здесь не местные, на стажировке, если бы вы хоть были местными, а то что вы будете им нести. Пусть они просвещаются у местных, а вы здесь в гостях и не питюкайте». Ну и потом, по возвращении домой, они очень сильно скорбели о том, что у нас такого в России нет, чтобы все службы да молебны, – и все должны быть на них.

– **Это проблема.**

– Да. Я вот дивлюсь, действительно, у нас даже в московских монастырях службу служит один монах, в лучшем случае еще и дьякон, – все.

– **А поет кто?**

– Хор профессиональный, светский.

– **А монахини?**

– Я не знаю, чем они занимаются.

– **Спят, наверное. Больше спишь, меньше грешишь – закон простой.**

– У нас в Лавре на братском молебне ходит благочинный и отмечает присутствие. Два отсутствия на братском молебне, – дальше собеседование с архиепископом Феогностом. Первый раз – предупреждение, второй раз – наказание, а в третий раз – прощение. В Лавре у нас так. Приходится, таким образом, быть на службе. А у греков это в крови, они считают, что молитва – основное послушание монахов, что они обязательно должны присутствовать на службе, – вот в чем разница между нами.

– **Монастырь для этого и создан – молиться.**

– Я сегодня уже буду в Москве, а завтра я служу в Новоспасском монастыре вечернюю службу, и в среду литургию. Там только восемь иеромонахов, и им всю неделю служить сложно. Поэтому вторник вечер и среда, – это я служу. Но я так, как командировочный.

– **А как же они шесть дней на восьмерых делят?**

– Вот не знаю. Так им не хватает еще, приходится девятого включать.

– **Правильно.**

– И я дивлюсь просто: днем вообще никого не видно, только на трапезу собираются. На трапезу собрались, кстати, тоже не все, некоторые, наверное, только духовно питаются или из каких-то других источников. И вечером я вот служу – никого нету, ну придет монах за послушание читать записки. Вот это принципиальное отличие. Такого не то что в Ватопеде, в любом афонском монастыре такого нет. Служба – значит все пришли на службу, правильно же.

– **Да. В афонских монастырях это обязательно.**

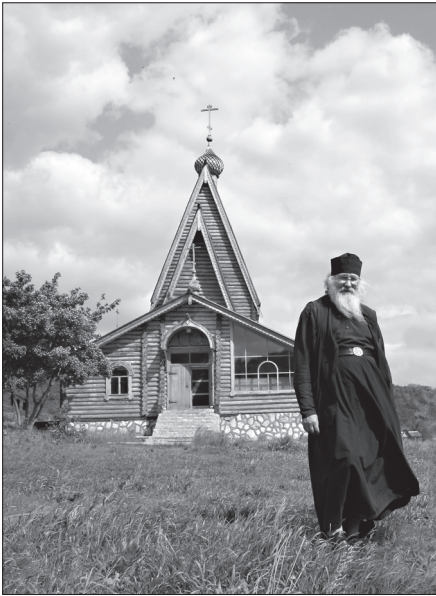
– Попробуй не быть!

– **Я знаю некоторые монастыри на берегу Волги в Самарской губернии, есть у нас такие монастыри, где братия вся обязательно на службе.**

– Да.

– **К нам даже с Афона приезжают монахи и говорят: «Мы здесь жить не можем, у нас такого аскетизма нет, у нас все там проще: удобства, тепло, так холодно не бывает. Нет, мы у вас не можем, слишком строго».**

И телефона нет, видишь, как хорошо. Мы, значит, вместе с Ватопедом правильно мыслим. А то нам, например, отец Исаия поставил условие, чтобы он раз в неделю три звонка делал. Вот три звонка раз в неделю – и все, иначе он загрустит, не зная, что в миру творится. За послушание три звон-

В Подгорах

ка делает, один раз, правда, четыре сделал, мы отслеживаем. Вчера вот два.

– Это в день четыре звонка?

– В неделю. Замучил!

– Может он с Богом связывается по телефону?

– С Богом он в свободное от звонков время связывается.

Ну ладно, благодарим отца Киприана!

Вопросы, может быть, еще какие есть? Так что, братья, мы стараемся жить по-монашески, как можем. Здесь у нас, конечно, тоже духовники есть. Вот отец Мирон сказал, чтобы было так: главное – молитва, остальная работа на втором плане, сколько успеется. То же самое и матушка Параскева, кото-

рая окормляет женский монастырь, сказала, чтобы сестры животы не надрывали; цветы, трапеза, прием паломников – остальные все силы и время на молитву.

– Как вы думаете, почему была Великая Октябрьская революция?

– А не было никакой великой. Вот почему все называют великой октябрьской, великой французской?

– Ладно, не великая.

– Уберите слово великая, какая она великая. Позорная октябрьская революция.

– Позорный переворот.

– Да, позорный переворот.

– Как вы думаете? Мне кажется, что это Европа давала деньги для того, чтобы сделать у нас переворот.

– На Афоне среди множества отшельников, монахов существует другое мнение. Переворот был в России для того, чтобы русские оставили в покое Афон, где было семь тысяч русских монахов и две тысячи греческих. Русские творили на Афоне, что хотели, строили большие храмы, их было большинство. И у греков возникла очень сильная неприязнь к русскому монашеству. А знаете почему, в чем принципиальное расхождение? Оно и до сих пор осталось. Потому что греки считают, и они ведь во мно-

В гостях у схимонахини Параскевы (Родионовой) на Клязьме. Справа налево: схим. Параскева, архим. Платон (Игумнов), профессор МДА, игумен Киприан (Яценко), настоятельница Заволжского Свято-Ильинского женского монастыря игуменья Нина (Механикова)

гом правы, что в русском монашестве первое дело – послушание трудовое, а потом молитва. А в греческом монашестве, там прежде всего молитва: келейная молитва, молитва в храме, а уж потом послушание. Они скорее наймут рабочих, чтобы они что-то делали, но братия в этом участвовать не будет. Это самое главное разногласие в понимании монашества греческого и нашего.

– Как раз это ответ на вопрос, чем отличается русское монашество от греческого. В этом отличие и есть.

Когда мы были в Андреевском скиту, это бывший русский скит, наряду с малороссийским Ильинским скитом. Когда он отошел грекам, нас там упрекали: «Вы, русские, любите все огромное: у вас все должно быть такое высокое, большое. Вот какой храм построили, зачем? Зачем мона-

ху такие громадные монастыри строить? Монаху нужен маленький храмик, маленькая келья. А золотые иконы? – Все вы любите такое великолепие. Не по-монашески это». Хотя русский человек от Бога уловил это, а не своим усмотрением. То есть он смиренно все лишнее отдавал Богу, а лишнего в России оказалось много, поэтому пришлось строить большие храмы, большие монастыри, большие купола золотить, чтобы себе меньше брать, все Богу отдавать.

А потом греки, как и многие народы, не всегда были благодарны. Когда к ним отошел Андреевский скит, по углам, у алтарей, везде мешки с золотом стояли. То есть каждый паломник одну или две монетки привозил обычно в жертву монастырю, эти монетки складывали в мешки. Ватопед как раз поднялся в основном на этих мешках, потому что Андреевский скит был на территории Ватопеда. Они оттуда увезли все старинные иконы, плащаницы. У них музей теперь есть в Ватопеде. Заходишь, а там русские иконы, русские плащаницы висят, русские сосуды древние. Очень много помогал греческим монастырям в конце XIX – начале XX века наш Царский Дом.

Тот же игумен Дохиара сам рассказывал с такой радостью, какие они хитроумные. Он говорит, что к ним русских на «Скоропослушницу» столько приезжало, что им самим деваться некуда было. Весь монастырь заполнят, на колени встанут и всю службу стоят на коленях перед иконой «Скоропослушницы». У греков эта икона тоже очень почитается, и они напугались, а вдруг русские не уйдут, возьмут и останутся. И греки обратились во Вселенский Патриархат (они там на Афоне под юрисдикцией Вселенского Патриарха), чтобы перенести день празднования «Скоропослушницы» на 14 октября. А какой праздник 14 октября? – Покров Пресвятой Богородицы. А русские Покров еще больше почитают. «И вот теперь, – говорит, – у нас «Скоропослушница» празднуется 14 октября, и русские к нам не ездят, они туда едут, в Покровский храм»¹. Вот какую хитрость греки проявили, уговорили через Синод Вселенского Патриарха перенести дату почитания «Скоропослушницы» на 14 октября, чтобы русские ехали в другой монастырь на престольный праздник Покрова. С гордостью рассказывал: «Теперь мы спокойно празднуем, сами здесь ходим, никто нам не мешает».

– Да, на Афоне один из главных страхов греков – «русские идут». Когда появляются русские в большом количестве, у них какой-то генетический страх: «Опять будет все захвачено, нас выживут отсюда». Потому что это обыкновенная история: приезжает паром, там сто человек, из них семьдесят-восемьдесят русских, кто еще на Афон так едет? А я в Ватопед привез переведенный на греческий свой фильм «Паисий Святогорец», отцу Ефрему говорю, что-де вот, батюшка, тебе на греческом языке фильм

¹ Соборный монастырский храм Покрова Пресвятой Богородицы в Русском Пантелеимоновом монастыре на Афоне.

о Паисии. «А зачем мне, – говорит, – на греческом-то, ты мне на русском дай, у нас только русские покупают в лавке».

– Ну что, благодарим. Есть еще вопросы? Благодарим отца Киприана, сегодня он улетает в Москву, завтра служит вечерню в Новоспасском монастыре.

– Помолитесь о грешном игумене.

– У нас в тетрадях вечных, в синодике записано официально, многие еще и келейно молятся. Так что для наших монахинь игумен Киприан родная персона. И вы за нас тоже молитесь.

– А дайте мне, кстати, помянничек.

– **Наших братьев-сестер?**

– Да. Тех, кто у вас штатный, постоянный.

– У нас здесь нештатных нет. У нас все штатные. Благодарим отца Киприана, поедем дальше. У него самолет часов в девять, поэтому надо собираться в гостиницу. Все вещи собрали?

– Нет.

– Вот, вещи собрать надо. Так что, благодарим отца Киприана, о чем еще можно сказать, отец Киприан? Будет тяжело, мы всех приверженцев Православия можем принять здесь.

– Да.

– Если придется куда-нибудь спастись из вашего Вавилона, то знайте, есть место, куда можно сбежать. Пещеры начнем копать. У нас уникальная пещера под открытым небом.

«БУДЬТЕ МИЛОСЕРДНЫ К ОКРУЖАЮЩИМ»

ДНЕВНИК МИТРОПОЛИТА МАНУИЛА (ЛЕМЕШЕВСКОГО)

1962 ГОД

Митрополит Мануил (Лемешевский)

годы, вновь мужественно встал на защиту Православия и насильно отторгаемой от Церкви святой боголюбивой Руси.

ЯНВАРЬ

5. I. Стук в дверь.

ФЕВРАЛЬ

20. II. Сегодня под утро видел странный сон. Будто я стою в полном облачении с правой стороны церкви. Недалеко от меня стоит в летнем облачении митрополит Борис [Вик]. К нему по одному подходят с правой стороны святители и поздравляют его с выбором в патриархи. Он принимает поздравления. Я будто назначен Собором местоблюстителем, но ко мне архиереи не подходят с поздравлениями.

Публикуется впервые. Подготовлен к изданию по материалам фондов УСЕЦИМ кандидатом исторических наук А. П. Семеновой. Окончание. Начало в «ДС» № 2 (70), № 3 (71), № 6 (74) за 2014 г. и № 1 (75) – № 5 (79) за 2015 г.

С левой стороны лицом к алтарю стоит без головного убора в старом черном подряснике митрополит Николай Крутицкий¹. Он оживленно рассказывает, но что именно, мне не слышно. На этом сон прервался.

«Глазки потеряли живость и выглядит 90-летним старцем». – Отзыв о моем фото для «ЖМП»².

МАРТ

14. III. Сегодня Мария Ильинична видела странный сон. Будто Матьер Божия (вся в черном, а Сама высокого роста) в нашей архиерейской кухне в иконном углу держит в руках символ церковный – Ковчег-Церковь, но молча. И вдруг все видение исчезло. А что означает сей сон – мы не можем истолковать.

18. III. Проездом на Сорочинск заходил диакон Стефан Гавшев из Казани. Рассказывал со слов владыки Михаила Казанского³ подробности заседания Синода в январе сего года, где решался вопрос о моем митрополитстве. «Вам недолго придется здесь жить. Вас переведут скоро или в Ленинград или в Киев»...

АПРЕЛЬ

11. IV. Сегодня врачи разрешили вставать. Я уже начал гулять и набирать сил. Почти три недели был прикован к одру. Но Господь снова помиловал меня. Снова отсрочен день кончины. Нестроения церковные, особенно в Ульяновской области, удручают меня – не дают покоя⁴...

20. IV. Оставленность, обреченность и невыносимо тяжело на душе. Слабость сердечная и общая...

ИЮНЬ

10. VI. Сегодня в 6 часов утра проснулся от головокружения и сильных позывов к рвоте. Встревожился и немного приуныл, так как боли в левой руке были так сильны, что я не мог привстать. Угнетала беспомощность. Холодный и горячий пот...

¹ Митрополит Николай (Ярушевич) – управляющий Московской (Крутицкой и Коломенской) епархией с 1944 по 1960 год.

² Владыка Мануил возведен в сан митрополита 25 февраля 1962 г.

³ Михаил (Воскресенский) с 1957 г. по 1960 г. епископ Казанский и Марийский, с 1963 г. возведен в сан архиепископа.

⁴ Ульяновская епархия с 1959 по 1989 год управлялась архиереями Куйбышевской епархии.

В апреле 1962 года духовный сын и келейник владыки Мануила игумен Иоанн (Снычев) пишет в своём дневнике: «В какое трудное время мы живем! Много говорится о гуманности, о свободе, а на деле картина совершенно иная. К примеру, дедушка [владыка Мануил] написал пасхальное послание, ... так уполномоченный ульяновский по делам религии [С. А. Агафонов] готов уже приписать дедушке политический выпад против советской власти. <...> Печально то, что всю эту историю в Ульяновске затеяло духовное лицо, ... Вот где подлость! <...> Отовсюду одни только скорби. <...> С каждым днем ожидаешь ухудшения в церковной жизни. <...> И достойно слёз то обстоятельство, что архиерей не имеет права влиять на ход приходской жизни. <...> Всё как будто направлено к разрушению Церкви. Да, на душе тяжело!»

Свт. Димитрий Ростовский. Икона

И настолько я почувствовал себя неготовым к смерти. Но Господь ещё помиловал меня.

14. VI. Подытоживаю, сколько времени у меня напрасно потеряно. Как ничтожны результаты и плоды моего жития, хотя бы за это первое полугодие 1962 года. Сколько было намечено выполнить – и все это прахом пошло. Смирюсь своим ничтожеством и готовлюсь к своему концу.

19. VI. «Как я люблю эти колено-преклоненные три молитвы! Каким-то трепетом наполняют они мою душу!»

Июль

2. VII. Сон о розовом монахе – и радостный и нерадостный.

9. VII. Приходил доктор сердечный.

11. VII. Я стал тяжел на творческий подъем.

15. VII. Ослаб после службы и как пласт лежал на койке.

18. VII. Мысли о своем архиерейском доме, об уходе на покой. Где поселиться, у каких угодников поклонить свою голову? А сердце и мысли направлены на Ростов, к митрополиту Димитрию. Когда и в чем явит Господь Свою волю?

21. VII. Настроение пониженное. Что ожидает меня? Тучи собираются около кабинета уполномоченного [Куйбышевский уполномоченный по делам религии Корчагин В. Х.].

Господи, дай мне познать ничтожность мою.

АВГУСТ

3. VIII. Извещение об управлении Астраханской епархией.

6. VIII. Чувство тоски, оторванности, далекости, приближающегося конца. Поворота нет...

Что-то притягивающее к этому городу, архиерейскому дому.

10. VIII. Поездка в Астрахань. Указ Святейшего об управлении Астраханской епархией. Письма.

12. VIII. Тоска и мысли о переводе в Астрахань.

14. VIII. Сегодня в 2 часа 30 минут ночи проснулся от сердечного припадка. Чувствовал свою беспомощность, а сознание говорило, что это еще не конец. Обошлось без валидола и сердечных капель.

Граф Сергей Димитриевич Шереметев

Митрополит Антоний (Романовский)

16. VIII. К вечерне сняли осаду с Покровского собора – не пришли соглядатаи...

СЕНТЯБРЬ

10. IX. За долгое время я вновь почувствовал слабость в ногах. Всенощная на Иоанна Предтечу.

НОЯБРЬ

7. XI. Вечер. Не могу понять, по какой причине сообщил мне телеграммой секретарь, архимандрит Всеволод, о кончине митрополита Ставропольского Антония¹. Или он при смерти указал на меня, как на следующего по его кончине?

11. XI. Всю ночь видел во сне графа Шереметева Сергея Димитриевича², хотя лично его не знал.

В следующих номерах «Духовного Собеседника» планируется продолжение публикации наследия митрополита Мануила (Лемешевского) и митрополита Иоанна (Снычева).

¹ Антоний (Романовский) – с 27.09.1943 г. архиепископ Ставропольский и Бакинский. Незадолго до своей кончины, 25.02.1962 г., получил сан митрополита.

² Шереметев Сергей Дмитриевич (1844 – 1918) – обер-егермейстер Высочайшего Двора, археолог, историк, почётный член Академии наук, член монархического «Кружка москвичей» и Русского Собрания.

ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА В КОНТЕКСТЕ САМОПОЗНАНИЯ РУССКОГО НАРОДА

Портрет Александра Сергеевича Пушкина.
Офорт. Худ. В. С. Матэ, ГЭ

не может более назваться национальным, это право решительно принадлежит ему... Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет», – говорит Гоголь в работе «Несколько слов о Пушкине». «Да – чрезвычайное, – подхватывает мысль известный исследователь-пушкинист Н. Н. Скатов, – но это такая чрезвычайность, в которой хоть чуть-чуть заключен любой»¹.

Пушкин – олицетворенная судьба русской культуры, ее неминуемая чаша, ее врата, вход в нее и ее исход. Творчество Пушкина и жизнь Пушкина сопряжены в единство, составляющее культурное событие русской истории – явление Пушкина. В многочисленных исследованиях, образующих русскую Пушкиниану, по истечении лет все более и более проступают его существенные черты. В явлении этом, как в магическом кристалле, световые лучи «национального» и «всемирного» начал русской культуры сочетаются в личное переживание родного и вселенского.

«При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте... никто из поэтов наших...

Захарченко Марина Владимировна, профессор кафедры социально-педагогического образования Санкт-Петербургской Академии постдипломного педагогического образования, доктор философских наук.

¹ Скатов Н. Н. Русский гений. М.: Современник, 1987.

Достоевский видел в событии Пушкина тайну, «загадку всечеловечности, уже сбывшейся и разрешенной в нем»¹. В этой характеристике отразилось переживание исторического времени как точки перелома, как движения к водоразделу, за которым вот-вот «все уже окончательно разрешится», горячее, нетерпеливое стремление утвердить всемирное значение России, услышать хор голосов народов земли, с благодарностью принимающих новую правду о человеке, провозвестить которую уже вот-вот готова Россия. Эта новая правда, раскрывающая тайну укорененного в любви единства человеческого рода, тайну полного и совершенного воплощения христианского идеала, должна заменить собою ложь «низких истин» секулярной европейской культуры, подчиняющей мир на началах жестокой дисциплины «железа и крови»². Это предчувствие нарастало вплоть до революции и резко оборвалось в ней. По свидетельству Анны Ахматовой:

До желанного водораздела,
 До вершины великой весны,
 До неистового цветенья
 Оставалось лишь раз вздохнуть...
 Две войны, мое поколение,
 Освещали твой страшный путь.
 «*De profundis*³... *Мое поколение...*»

В тонах подобного же ожидания небывалого расцвета, внезапно оборванного смертью, воспринималась частью публики и пушкинская жизнь и пушкинская смерть. «Пламеннейшие из читателей поэта, говоря друг другу “сколько песен унес он с собою в могилу”, имели в виду песни, подобные *прежним* песням Пушкина; о песнях мировых, перед которыми побледнели бы песни пушкинской молодости – едва ли кто решался думать, – напишет в середине XIX века критик А. В. Дружинин. – Ему было тридцать семь лет – и назвать Александра Сергеевича поэтом начинающим мог один только грубый невежда. А между тем он был поэтом начинающим. Он заканчивал свою деятельность, как великий поэт одной страны, и начинал свой труд, как поэт всех веков и народов»⁴.

Нам сегодняшним, уже способным видеть русскую духовную историю, не поддаваясь духу нетерпеливого ожидания, не соблазняясь ложными обликами вселенской миссии России, событие Пушкина представляется фактом,

¹ См.: Достоевский Ф. М. Речь о Пушкине // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Л., 1984. Т. 26. С. 129 – 149.

² Об этом стихи Тютчева «Два единства»: «Единство, – возвестил оракул наших дней, – Быть может спаяно железом лишь и кровью...» Но мы попробуем спаять его любовью, А там увидим, что прочней...

³ Из бездны (взываю) (лат.).

⁴ Дружинин А. В. Литературная критика. М.: Советская Россия, 1983. С.80.

утверждающим русскую культуру в ее самобытности и исторической индивидуальности. «Пушкин есть “всечеловек” по преимуществу, как ощутил и определил его в свое время другой великий русский писатель – Достоевский, – пишет митрополит Анастасий (Грибановский). – Однако он плоть от плоти нашей, кость от костей наших; в нем каждый из русских людей невольно опознает самого себя, и это только потому, что он воплотил в себе всю Русь, которую возлюбил всем сердцем. Все, что украшает русскую народную душу – равнодушие к земным суетным благам, тоска по иному, лучшему граду, неутолимая жажда правды, широта сердца, стремящегося обнять весь мир и всех назвать братьями, светлое восприятие жизни как прекрасного дара Божия, наслаждение праздником бытия и примиренное спокойное отношение к смерти, необыкновенная чуткость совести, гармоническая цельность всего нравственного существа, – все это отразилось и ярко отпечатлелось в личности и творчестве Пушкина, как в чистом зеркале нашего народного духа»¹.

Пушкина сегодня невозможно читать и чтить вне сложного контекста «вызова европейской цивилизации», «встречи России и Запада», «борьбы России и Европы», в котором переплетаются, возможно, все важнейшие вопросы духовной истории новейшего времени. Как сказал в своей статье «Россия» (1849) А. И. Герцен, на вызов Петра Россия ответила «громادным явлением Пушкина»². Пушкин глубоко и многообразно пережил и выразил уникальный опыт русской культуры – опыт исторического отчуждения от православной культуры и народного предания посредством организации общественного воспитания и устройства жизни образованных таким образом классов на началах заимствованных; опыт последующего пробуждения исторической памяти, преодоления жестокого различия «чужого» и «своего» вобретении «отеческого», опознание родного как вселенского. «Все волновало нежный ум...» – и плоды его раздумий доселе поучают в трезвости суждений и оценок. Пушкин – наш верный спутник. Он мудр, и мудрость его человечна. Н. Н. Скатов точно передает ощущение многих – мы обращаемся к Пушкину как к собеседнику, и у каждого из нас есть надежда на его отклик, на отзыв, на понимание. И более, чем надежда, – у нас есть опыт его сочувствия, отзыва и понимания. Многие поколения русских детей с детства привыкают слышать Пушкина, учатся читать и внимать слову на произведениях Пушкина, вырастая – думать вместе с Пушкиным, воспринимать и оценивать вместе с ним.

Жизнь и творчество Пушкина неразделимы. И не только в ключе очевидного литературоведческого принципа, направляющего интерес исследовате-

¹ Анастасий (Грибановский), митр. Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви. М.: ИНГА, 1991. С. 4. Первое издание этого очерка было приурочено к 100-летию со дня смерти Пушкина. В предисловии автор пишет о Пушкине: «Поэт и творец Божьей милостью, он сам явился Божией милостью и благословением для Русской земли, которую увенчал навсегда своим лучезарным талантом». С. 3.

² Точная цитата: «...Русский крестьянин... на императорский призыв образоваться ответил через сто лет громадным явлением Пушкина».

ля к изучению жизненных обстоятельств поэта с целью прояснения его литературных опытов. Они неразделимы в более глубоком смысле. Пушкин – создатель, неотступно взыскующий духовного дара свободы, его жизнь и его творчество – единый поток жизнетворчества человеческой личности, подъявшей на себя труды приготовления пути соборной личности народа в предстоящих встречах с культурой европейского Запада, всестороннем освоении и оценке его исторического опыта. В пушкинское время настал черед всем условиям российской империи вслед за образованными классами общества из этой чаши пить и опыта этого набираться. Иными словами, всем предстояло вкусить европейской образованности, и народу русскому сделаться посредством этого образованным народом. Многозначность образа Пушкина в русской Пушкиниане указывает на одну особенность нашей культуры: «вызов Петра» – событие непреходящее, и он обращен лично к каждому из нас. На него нет ответа общеобязательного, в котором все и для всех «окончательно разрешится». Но на него есть ответ универсальный в смысле личностно-событийном, – ответ Пушкина именно таков. Каждый из нас в своем образовании и духовном становлении вновь встречается с «вызовом Петра» и должен дать на него свой личный ответ. И нет нам здесь товарища и спутника более тонкого и чуткого, чем Пушкин.

Размышляя о путях взыскания свободы, на которых запечатлел себя пушкинский гений, невозможно миновать темы о пушкинском пути в православии. Тема «Пушкин и православие» заметно зазвучала в последнее десятилетие. Что значит говорить о Пушкине как о человеке православном? Как о православном поэте? – Эти непростые вопросы предпосылают себе уже совсем трудную проблему православного самосознания в современном мире.

Православное самосознание, вопрошая о человеке, знает, что оно вопрошает о тайне. Пушкинская тайна – это тайна личности и тайна творчества. Гоголь говорит: «Немеет мысль перед бесчисленностью его предметов. Чем он не поразился и перед чем он не остановился? <...> все, что ни есть во внутреннем человеке, начиная от его высокой и великой черты до малейшего вздоха его слабости и ничтожной приметы, его смутившей, он откликнулся так же, как откликнулся на все, что ни есть в природе видимой и внешней... изо всего, как ничтожного, так и великого, он исторгает одну электрическую искру того поэтического огня, который присутствует во всяком творенье Бога, – его высшую сторону, знакомую только поэту, не делая из нее никакого применения к жизни в потребность человеку... Он заботился только о том, чтобы сказать одним одаренным поэтическим чутьем: “Смотрите, как прекрасно творение Бога!” – и, не прибавляя ничего больше, перелетать к другому предмету затем, чтобы сказать также: “Смотрите, как прекрасно Божие творение!”. От этого сочинения его представляют явление изумительное противуречием тех впечатлений, какие они порождают в читателях... Пушкин дан был миру на то, чтобы доказать собою, что такое... в существе своем поэт, это чуткое создание, на все откликающееся в мире и себе одному не

имеющее отклика... При мысли о всяком поэте представляется больше или меньше личность его самого... Все наши русские поэты... удержали свою личность. У одного Пушкина ее нет. Что схватишь из его сочинений о нем самом? Поди, улови его характер, как человека! Наместо его предстанет тот же чудный образ, на все откликающийся и одному себе не находящий отклика... А между тем все там до единого есть история его самого»¹.

Пушкин и православная традиция... В экзистенциальном ключе это вопрос принятия, согласия и понимания. В гуманитарном исследовательском ключе это проблема истолкования и интерпретации. Современный инструментарий гуманитарного знания предлагает идею «герменевтического круга», замыкающего в один контекст личность говорящего и личность принимающего слово. Вопрос о «подлинном Пушкине», таким образом, становится вопросом о контексте и о личности отзывающегося ему.

Помним, как жарко Марина Цветаева отстаивает свое: «*М о й Пушкин*»(!), яростно отвергая любые обозначения и отличия, применяемые к Пушкину:

...Самый вольный, самый крайний
Лоб – навеки заклеив
Низостию двуединой
Золота и середины?
«Пушкин – тога, Пушкин – схи́ма,
Пушкин – мера, Пушкин – грань...»
Пушкин, Пушкин, Пушкин – имя
Благородное – как брань...
«Стихи к Пушкину»

Пушкин в зеркале слова о нем... нет ни одного значительного русского поэта, мыслителя, всерьез размышлявшего о себе и пределах русской культуры, кто не отозвался бы о Пушкине, – не отозвался бы на пушкинское слово. Пушкин в обликах слова, откликающегося ему, – ключ к «тайне Пушкина», а сама потребность возвращаться к нему вновь и вновь – не один ли из аспектов этой тайны? «Никогда не порвется кровная, неизбывная связь русской культуры с Пушкиным... Как мы, так и наши потомки не перестанут ходить по земле, унаследованной от Пушкина, потому что с нее нам уйти некуда»².

В поэзии Пушкина запечатлена духовно-аскетическая практика православия. Аскетическая традиция – это хранительница тысячелетнего опыта духовного трезвения и хранения чувств, учительница «слова правды», сила которого в том, что его не только слышат, но и поступают согласно ему. Пушкинская поэзия аскетична. Она аскетична в поэтическом ключе. Кого не поражала емкость пушкинского слова! Там, где «у другого поэта полились бы

¹ Гоголь Н. В. В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность// Светлое имя Пушкин. М.: Правда, 1988. С.14 – 21.

² Ходасевич В. Ф. Колеблемый треножник. Речь на Пушкинском вечере в Доме Литераторов 14 февраля 1921 г. // Светлое имя Пушкин. М.: Правда, 1988. С. 165.

пылкие стихи на несколько страниц... у Пушкина все в десяти строках... Никто из наших поэтов не был еще так скуп на слова и выраженья, как Пушкин, так не смотрел осторожно за самим собой, чтобы не сказать неумеренного и лишнего...»¹.

Она аскетична в плане дисциплины созерцания, в каком-то смысле прямо-таки деспотичной. Приведенный выше гоголевский пассаж наводит на сопоставление с известной притчей. Некий восточный царь призвал лучших мастеров для украшения залов своего дворца. Китайские мастера украсили стены изображениями всех созданий Поднебесной в самых удивительных и небывалых сочетаниях, используя самые фантастические краски и самые необычайные их соединения. Пришедшие судить о работе ахнули от изумления – никогда не видели они ничего прекраснее! Суфийские же мастера очистили стены зала до невиданной чистоты, и стены стали способны отразить все, что ни есть в мире, и весь мир целиком отобразился в них. И был этот мир прекрасен и совершен в явлении своей целокупности, и пришедшие судить о работе погрузились безмолвно в благоговейное созерцание. Притчу эту разъясняют как истолкование духовной практики суфиев, нацеленной на очищение сердца. Только чистому сердцу принадлежит совершенно мудрое познание, ибо чистое сердце не привносит ничего своего в созерцание Божьего творения, и потому способно к созерцанию его совершенства.

Пушкинское слово аскетично также и со стороны вызываемого им нравственного отклика. Все, чего ни касается огонь поэтического пушкинского слова, освещается светом стремления к лучшему в себе... Отзываясь на «Капитанскую дочку», Гоголь говорит: «...простой комендант крепости, капитанша, поручик; самая крепость с ее единственной пушкой, бестолковщина времени и простое величие простых людей, – все не только самая правда, но еще как бы лучше ее. Так оно и быть должно: на то и призванье поэта, чтобы из нас же взять нас и нас же возратить нам в очищенном и лучшем виде»². Это есть нечто совершенно иное, нежели приукрашенная действительность. Особенность пушкинских образов позднего периода именно в том, что они, будучи созданы из материала неброского и неяркого, заключают в себе особую энергию, способную сообщать силу совершенствования воспринимающей их душе. Это воспитывающие образы. Они далеки от назидательности, которую перенимает обучающаяся на западной литературе современная Пушкину русская словесность (каковы назидательные повести Карамзина). Пушкин сумел уловить и воспроизвести в литературном творчестве тайну народного слова, которое, будучи воспитано на Евангелии и учительной христианской святоотеческой книжности, призвано было питать душу и в кипении сил человеческой души воссоздавать духовную вертикаль – энергию стремления к совершенству, по слову Сына Божия: *Итак, будьте совершенны, как совершенен*

¹ Гоголь Н. В. Указ. соч. С. 15.

² Там же. С. 19.

Отец ваш Небесный (Мф. 5, 48). Он сумел это сделать постольку, поскольку сам шел путем такого совершенствования. «В последнее время набрался он много русской жизни и говорил обо всем так метко и умно, что хоть записывай всякое слово: оно стоило его лучших стихов, но еще замечательней было то, что строилось внутри самой души его и готовилось осветить перед ним еще больше жизнь»¹.

В самом изображении предметов, существование которых поддерживается волей, противящейся Богозаповеданному стремлению к совершенству и добру, пушкинское слово обладает пронизательностью аскетического взгляда, прозревающего саморазрушение зла. Семя зла подтачивает всякий первоначально притягательный образ героя, постепенно разрушает его, снижая пафос его переживаний, преобразует видимую значительность в очевидную пошлость. Пушкинские образы пошлости и ничтожества ироничны, всегда – или почти всегда – оставляя возможность возвращения к заслуживающей сострадания обыденности, область которой словно окружена кристалльной оболочкой, отражающей стиль переживания читающего: неодолимая дистанция восприятия, звонкое пространство, где нет оценивающей меры поэта – и есть место для личности читающего...

Пушкинский стиль воспитывает, не назидая, он вызывает желание и возможность не столько подражать, сколько продолжать – говорить, спрашивать, слышать ответ, не столько истолковывать, сколько отзываться на пережитое им событие собственным переживанием, жизненным ли, поэтическим ли. Гоголь сопоставляет Пушкина с Карамзиным. Карамзин породил литературную школу. Пушкин утвердил традицию русской литературы. И в этом Пушкин также верен духовной практике православия. Православная традиция учила подражать Христу, Он же говорил о Себе: *Я есмь дверь: кто войдет Мною... и войдет, и выйдет, и пажить найдет* (Ин. 10, 9). Так действовали православные святые – и, ближайшим к нам образом, – русские святые. Никто из них не создавал школ, стилей. Но личным событием своей жизни они вновь и вновь утверждали Традицию, оформляли образ действия, которым открывали дверь в нее последующим поколениям. Об истинных продолжателях пушкинского дела в русской культуре нельзя говорить как о тех, кто пишет в пушкинском стиле или подражает Пушкину. Гоголь сказал так: «Пушкин... был для всех поэтов, ему современных, точно сброшенный с неба поэтический огонь, от которого, как свечки, зажглись другие самоцветные поэты...»².

Пушкин никогда не отрекался ни от веры, ни от Церкви, от которой, однако, вплоть до смерти был далек. По свидетельству Вяземского, «он имел сильное религиозное чувство: читал и любил читать Евангелие, был проникнут красотой многих молитв, знал их наизусть и часто твердил их». Умер

¹ Там же. С. 19.

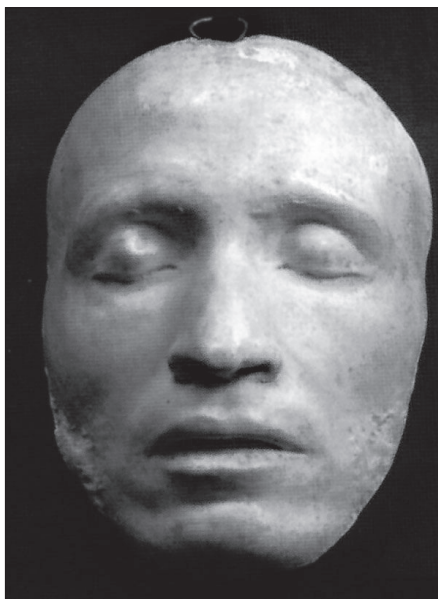
² Там же. С. 20.

Пушкин как христианин. Причащал и исповедовал его о. Петр, священник ближайшей церкви Спаса Нерукотворенного Образа на Конюшенной площади. Отец Петр вышел от Пушкина глубоко растроганный и потрясенный и со слезами рассказывал Вяземскому о «благочестии, с которым он исполнил долг христианский»: «Вы можете мне не верить, но я скажу, что для себя самого желаю такого конца, который он имел».

«Страдания Пушкина по временам превосходили меру человеческого терпения, но он переносил их, по свидетельству Вяземского, “с духом бодрости”, укрепленный Таинством Тела и Крови Христовых... “Требую, чтобы ты не мстил за мою смерть. Прощаю ему и хочу умереть христианином”, – сказал он Данзасу...Христианская кончина стала лучшим оправданием и венцом его славной жизни, – свидетельствует митрополит Анастасий. – Всепрощающая любовь и искренняя вера, ярко вспыхнувшая в его сердце на смертном одре, озарили ему путь в вечность, сделав его неумирающим духовным наставником для всех последующих поколений. Нравственный урок, данный им русскому народу на краю могилы, быть может, превосходит все, что оставлено им в назидание потомству в его бессмертных творениях»¹.

Многих до сего дня глубоко трогает особенное светлое выражение лица поэта, запечатленное на его посмертной маске, о коем Жуковский, пребывая с Александром Сергеевичем в момент смерти, говорит: «то не был ни сон, ни покой, не было выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу, не было также выражение поэтическое. Нет, какая-то важная, удивительная мысль на нем разливалась: что-то похожее на видение, какое-то полное, глубоко удовлетворенное знание. Всматриваясь в него, мне все хотелось у него спросить: “Что видишь, друг?”»². Виденное поразило Жуковского, и вызвало также и поэтический отклик:

...Он лежал без движенья, как будто по тяжелой работе
 Руки свои опустив; голову тихо склоня,
 Долго стоял я над ним, один, смотря со вниманьем

Посмертная маска А. С. Пушкина

¹ Анастасий (Грибановский), митр. Указ. соч. С. 60 – 61.

² Светлое имя Пушкин. М.: Правда, 1988. С. 59.

Мертвому прямо в глаза; были закрыты глаза,
 Было лицо его мне так знакомо, и было так ново,
 Что выражалось на нем. В жизни такого
 Мы не видали на этом лице: не горел вдохновенья
 Пламень на нем; не сиял острой иронией ум!
 Нет! но какую-то мыслью глубокой, высокою мыслью
 Было объято оно: мнилось мне, что ему
 В этот миг предстояло как будто какое виденье,
 Что-то сбывалось над ним, и спросить мне хотелось:
 «Что видишь?»

1837

Пушкин умер как христианин. Но для нас безразлична возможность отыскать свидетельства о том, что и при жизни поэту был не чужд покаянный опыт православной аскезы. Не дело исследователя, читателя или критика этот опыт оценивать. Не каждому ли из верных велит молитва Иоанна Златоуста, прочитываемая перед износимой народу причастной чашей, смотреть на себя как на благоразумного разбойника, раскаявшегося только в момент смерти? Но узнать и признать опыт православной аскезы в духовной истории великого национального поэта – дело, безразличное для народного самопознания. В уразумении путей нашей культуры вопрос о встрече Пушкина с православной традицией имеет важное значение.

Всякий русский человек уже в силу включенности в язык и культуру своего народа в той или иной мере об этой традиции извещен, однако мера личного движения в ней и к ней весьма различна и исторически обусловлена. Традиция в широком смысле – это форма самосознания, устойчиво воспроизводящаяся из поколения в поколение за счет специфических составляющих культуры (таких как уклад, ритуал, обряд, воспитательный обычай, учительные установления, корпус основных текстов и другое), и запечатлевающая в человеке определенный тип работы над самим собой¹. Православная традиция в своем смысловом ядре – это путь духовной аскезы, особого типа духовного упражнения (аскео (*грч.*) – упражняюсь), нацеленного на достижение состояния личного Богообщения, личного восприятия Слова Божией правды. Она наставляет человека на путь взыскания свободы и благодати, учит его «нудить Царствие Божие»². В духовно-аскетической практике находит свое оправдание обряд, к которому зачастую склонны сводить православную традицию внешние по отношению к ней и не очень внимательные исследователи. В историческом бытии православная традиция – это Церковь, народ Божий, призванный к утверждению Божией правды «яко на небеси, и на земли».

¹ Это авторское определение традиции, опирающееся на определение Я. В. Чеснова: «... традиция есть концептуальная рамка мышления», схватывающая процессы культурогенеза. (Чеснов Я. В. Лекции по исторической этнологии. М., 1998. С. 59.)

² См.: Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают е. (Мф. 11, 12).

«Вызов Петра» в отношении к исторической Русской Церкви состоял в подчинении ее священноначалия управлению государственного чиновничьего аппарата и в создании условий наибольшего благоприятствования для влияния на церковную образованность начал западного рационального (рассудочно-волевого) богословия. Русская Церковь ответила на вызов возвращением к творческим началам традиции святоотеческого богословия – к аскетической традиции «умного делания»¹. Этим путем шли и миряне. Те, кого мы знаем как «славянофилов», – делали свое церковное дело на поприще культуры. «Церковь одна» – работа, написанная мирянином А. С. Хомяковым, богословски безупречна. Много святых имен: начальник аскетического возрождения преподобный Паисий (Величковский), святители Феофан Затворник и Игнатий (Брянчанинов), преподобный Амвросий Оптинский и старцы оптинские. Но есть среди этих имен имя, особо значимое – святой Серафим Саровский. Перефразируя, можно сказать: на вызов Петра русская Церковь ответила явлением св. Серафима Саровского. В современном народном предании эти два имени – св. Серафим и Александр Сергеевич Пушкин связаны мистической связью, в особенности говорят о духовном покрове молитвы преподобного Серафима над болдинским периодом (1830) пушкинского творчества, прошедшего в Нижегородской губернии, недалеко от Сарова, где тогда подвизался св. Серафим, почивший в 1832 году.

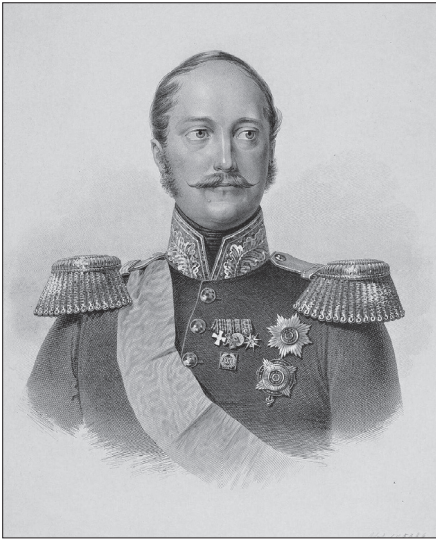
Портрет графа А. Х. Бенкендорфа.
Худ. Джордж Доу, ГЭ

Наша задача – показать, что и Пушкин участвовал в этом соборном народном возвращении к истокам родной культуры, в деле преодоления стеснительных рамок исторически сложившегося обычая и обновления духовной жизни народа на неизменных началах живого Вселенского Предания.

БОЛДИНСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПУШКИНА О ВОСПИТАНИИ В КОНТЕКСТЕ АСКЕТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

«В начале жизни школу помню я...». – Первый раз размыслить о своем образовании и оценить его Пушкин был призван не по собственной воле. Тридцатого сентября 1926 года А. Х. Бенкендорф известил Пушкина: «Его Императорскому Величеству благоугодно, чтобы вы занялись предметом о воспитании юношества... вам предоставляется совершенная и полная сво-

¹ См. об этом повороте в книге: Хоружий С. О старом и новом. СПб.: Алетей, 2001.

Портрет императора Николая I.
Худ. К. Я. Афанасьев, ГЭ

бота, когда и как представить ваши мысли и соображения; и предмет сей должен доставить вам тем обширнейший круг, что на опыте видели все последствия пагубной системы воспитания»¹.

После восстания декабристов проблема воспитания дворянского юношества приобрела в глазах правительственных кругов особую актуальность. Наряду с запиской Пушкина Императору были представлены: «Записка о недостатках нынешнего воспитания российского дворянства и средствах обратить оное совершенно на пользу императорской военной и гражданской службы», составленная начальником южных военных поселений И. О. Виттом, «Исследование коренных причин происшедшим

заговорам и бунтам против престола и царства» тайного советника А. И. Арсеньева, записка Ф. В. Булгарина «Нечто о Царскосельском лицее и духе оно-го». Последнюю пушкинские исследователи оценивают как «донос, направленный непосредственно против Пушкина», и отмечают в связи с этим, что задание Бенкендорфа носило характер своего рода «экзамена на благонадежность» возвращенному из ссылки поэту². В результате появляется известная записка Пушкина «О народном воспитании», датированная 15 ноября 1826 года.

Отношение Пушкина к этой работе отражено в дневнике А. Н. Вульфа. В записи 16 сентября 1827 года передается разговор с Александром Сергеевичем по поводу его записки: «Я был в затруднении, когда Николай спросил мое мнение о сем предмете. Мне бы легко было написать то, чего хотели, но не надобно же пропускать такого случая, чтобы сделать добро. Однако я, между прочим, сказал, что должно подавить частное воспитание. Несмотря на то, мне вымыли голову»³.

Царь сделал на полях пушкинской записки многочисленные пометки – сорок вопросительных и один восклицательный знак. Резолюцию царя Пушкину передал Бенкендорф 23 декабря 1826 года. Он сообщил, что царь ознакомился с запиской и «при сем заметить изволил, что принятое Вами прави-

¹ Пушкин А. С. Полное собр. соч. В 17 т. М.: Изд. АН СССР, 1937 – 1959. Т. 13.

² Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826 – 1830). М.: Советский писатель, 1967. С. 57.

³ Светлое имя Пушкин. М.: Правда, 1988. С. 526 – 527.

ло, будто бы просвещение и гений служат исключительно основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее Вас самих на край пропасти и повергшее в оную толикое число молодых людей. Нравственность, прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному. На сих-то началах должно быть основано благонаправленное воспитание»¹.

Пушкинская записка вызвала упреки и осуждения со стороны ряда современников, расценивших ее как знак отказа поэта идти по пути политической конфронтации с «самовластьем», как измену идеалам вольнолюбия, которым он немало послужил своими юношескими стихами.

Записка эта особенно значима в контексте начала личных взаимоотношений поэта и царя, написано о которых немало. Несомненно, что для Пушкина они стали началом новой, несравненно ответственной и трудной жизненной эпохи.

Для Пушкина в этих отношениях была налицо духовная, бытийственная вертикаль, узнаваемая в библейском архетипе – Царь и Пророк. На узком пути поэта, которому поэтическое творчество открывается как пророческое служение, значение встречи с царем не исчерпывается ее политическим содержанием. В архетипическом отношении пророк призван свидетельствовать перед царем слово Божией правды и обличать человеческие отступления от нее. Памятуя, что царь – помазанник Божий, пророк призывает его быть достойным этого духовного служения и напоминает о решительном влиянии всякого царского поступка и дела на судьбы народа. В библейском архетипе отношение царя и пророка не чуждо человеческому добру, не свободно от человеческого зла. Иной раз царь призывает пророка, чтобы спросить его о Божией воле, иной раз пророк приходит самовластно. Иной раз слова пророка, принятые с покаянными слезами, служат царю к исправлению греховных путей – как то было между царем Давидом и пророком Нафаном. Иной раз, жестокосердно отвергая обличения пророка, царь отвечает ему смертной враждою и гонит его – как то случилось с пророком Илией и нечестивой четой Ахавом и Иезавелью.

Признавая реальность пророческого служения, Пушкин отнюдь не принимал позы ветхозаветного пророка. Древние пророки были призываемы свидетельствовать Слово Божие волей Святого Духа, и слово, сказанное ими, принадлежало не им и было не от них. Устами пророков говорил Дух, обличая отступления царя и народа от Божьей правды, провозвещая о скрытом домостроительстве Божиим, долженствующем обнаружиться в грядущем. Новозаветное Откровение меняет взаимное отношение Бога и человека. Благовествуя всем, «просвещаяй и освещаяй всякаго человека, грядущего в мир»², евангельское слово утверждает личное начало в каждом, слышащем

¹ Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 13.

² Последование Утрени. Молитва иерея на отпуске.

Слово и отзывающемся на него, призывая: *стучите, и отворят вам* (Мф. 7, 7), *доселе Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают е* (Мф. 11, 12). Личность человеческая, ее путь, ее метанойя (*грч.*) – покаяние как «перемена ума» – полагаются в центре мира, образуемого в благовестии Нового Завета. Для сознания, просвещенного евангельским словом, образ Пророка Божия, глаголящего Духом Святым и Царя – Помазанника Божия, действующего волей Божией, никогда не могут быть непосредственно перемещены в реальность событийного ряда личной истории. Личная история неповторима и творится событием индивидуальной жизни, совершающейся в сознании присутствия Божия. Архетипические образы наставляют и назидают, указывают и освещают, но не действуют вместо личности, несущей за свои действия собственную ответственность. Архетип царя и пророка не позволяет уклониться от предельной задачи делания и свидетельствования правды. Покаянный дух – *сердце сокрушенно и смиренно* (Пс. 50, 19) – наставляет на путь глубокого размышления и вглядывания в себя перед очами Божиими и, вместе с тем, самоограничения и смиренного принятия той меры, которой познание правды отпущено здесь и сейчас.

Пушкин очевидно отказывается играть в игру на проверку своей политической благонадежности – он преодолевает обусловленность обстоятельствами времени и места: задание Бенкендорфа, возможно, данное единственно в видах политического фискальства, принимается Пушкиным как вопрос Царя, в ответ на который надобно свидетельствовать слово правды.

Ответ этот, однако, дан был далеко не сразу. Написанная через две недели записка, безусловно, честно отображает пушкинское миропонимание в период после Михайловского, и едва ли кто посмеет сказать, что он кривил душой в целях угодить Государю. Однако ответ, соответствующий задаче свидетельствования правды, достигающей глубины личностного самоотношения, требовал глубокого вглядывания в себя, и ответ этот вызревал еще долго. Спустя четыре года в болдинскую осень Пушкин написал небольшое произведение, начинающееся строкой «В начале жизни школу помню я...», – и вот оно-то и есть чистейшее правдивое слово: ответ как перед Богом на заданный царем вопрос, слово, до самой глубины высвечивающее правду о постановке народного воспитания в России в лучшем на то время учебном заведении – Царскосельском лицее. Примечательно следующее – этот ответ народный поэт дает народу, изливая понимание в слове, важно и нужно услышать которое тем, кто на пути своего образования идет и долго еще вынужден будет идти теми же стезями.

В видах дальнейшего развития пушкинского размышления, центральному вниманию заслуживают два тезиса «Записки...».

Первый – Пушкин неоднократно возвращается к одной и той же мысли, указывая на праздность ума «более вредную, чем праздность телесных сил», которой предается большинство молодых людей, пусть и получивших воспитание, но крайне поверхностное, не образовавшее в них ни твердых осно-

Царское Село. Императорский лицей

вательных познаний, ни положительных правил, ни понятий о справедливости, о взаимных отношениях людей, об истинной чести. Праздным – то есть «пустым» – оказывается такое образование, полученное либо «в шумной праздности казарм», либо в патриархальной праздности усадьбы, среди дурных примеров, под руководством случайно нанятых учителей. «Пагубной роскоши полупознаний» приписывает он «сие своевольство мыслей, источник буйных страстей..., сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча нравов, а конец – погибель». Так воспитанный человек беззащитен на поприще идей: «всякая мысль для него нова, всякая новость имеет на него влияние. Он не в состоянии ни поверять, ни возражать; он становится жалким приверженцем или жалким повторителем первого товарища, который захочет оказать над ним свое превосходство или сделать из него свое орудие».

Второй тезис – «Просвещение истинное» и «прочные познания» должны быть поставлены на службу России. Россия слишком мало известна русским.

«Изучение России должно будет преимущественно занять в окончательные годы умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою, имея целию искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве».

При этом он выступает против патриархального домашнего воспитания: «Воспитание иностранных университетов, несмотря на все свои неудобства, не в пример для нас менее вредно воспитания патриархального... Н. Тургенев, воспитывавшийся в Геттингенском университете, несмотря на свой политический фанатизм, отличался посреди буйных своих сообщников нрав-

Пушкин лицеист в Царском Селе. Худ. И. И. Витман. 1954 г.

ственностью и умеренностью – следствием просвещения истинного и положительного познаний...». Занять ум изучением России юношество должно «в тишине казенных училищ», под руководством опытных и достойных руководителей.

Две эти мысли – о преодолении праздности ума и о познании России – в большой степени занимали ум Пушкина последующие годы. Заметим, что их глубинная внутренняя связь, их существенное единство, очевидны в контексте православной традиции.

Обратимся теперь к тексту указанного уже стихотворения – «В начале жизни школу помню я...».

В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много;
Неровная и резвая семья.

Смирная, одетая убого,
Но видом величавая жена
Над школою надзор хранила строго.

Толпою нашею окружена,
Приятным, сладким голосом, бывало,
С младенцами беседует она.

Её чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса.
Но я вникал в её беседы мало.

Меня смущала строгая краса
Её чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.

Дичась её советов и укоров,
Я про себя превратно толковал
Понятный смысл правдивых разговоров,

И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный порфирных скал.

Там нежила меня теней прохлады;
Я предавал мечтам свой юный ум,
И праздномыслить было мне отрада.

Любил я светлых вод и листьев шум,
И белые в тени дерев кумиры,
И в ликах их печать недвижных дум.

Всё – мраморные циркули и лиры,
Мечи и свитки в каменных руках,
На главах лавры, на плечах порфиры –

Все наводило сладкий некий страх
Мне на сердце; и слезы вдохновенья,
При виде их, рождались на глазах.

Другие два чудесные творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двух бесов изображенья.

Один (Дельфийский идол) лик молодой –
Был гневен, полон гордости ужасной,
И весь дышал он силой неземной.

Другой женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал –
Волшебный демон – лживый, но прекрасный.

Пред ними сам себя я забывал;
В груди младое сердце билось – холод
Бежал по мне и кудри подымал.

Безвестных наслаждений ранний голод
Меня терзал – уныние и лень
Меня сковали – тщетно был я молод.

Средь отроков я молча целый день
Бродил угрюмый – всё кумиры сада
На душу мне свою бросали тень.

1830

Это произведение принадлежит циклу болдинских сочинений, в которых наиболее полно отобразилась «вселенская панорама» пушкинского поэтического гения. Стихотворение принято помещать в один ряд со «Сценой из Фауста» и рассматривать как отклик на поэзию великого Данте, поскольку оно написано стихотворным размером «Божественной комедии» – терцинами.

В. Г. Белинский считал, что этот отрывок «впервые ввел русских читателей в художественный мир Данте и раскрыл им подлинное величие автора “Божественной комедии”»¹. Исследователи в большинстве своем склонны были истолковывать его как стилизованный под Данте автобиографический рассказ о юности в Царском Селе. Такое мнение высказал Н. В. Гоголь: «Суровые терцины Данта внушили ему мысль, в таких же терцинах и в духе самого Данта, изобразить поэтическое младенчество свое в Царском Селе, олицетворить науку в виде строгой жены, собирающей в школу детей, и себя – в виде школьника, вырвавшегося из класса в сад затем, чтобы остановиться перед древними статуями, с лирами и циркулями в руках, говорившими ему живой науки...»². Д. Благой высказывает версию, что в данном отрывке мы видим начало неоконченной поэмы о юности Данте и еще одну иллюстрацию удивительной пушкинской способности проникаться философским и эстетическим мировоззрением и мышлением самых различных веков и народов³.

Мы предлагаем, однако, вернуться к прежнему – гоголевскому, в частности, восприятию стихотворения, однако существенно поменяв интерпретацию основных образов и смысла композиции.

Обилие царскосельских мотивов в стихотворении бросается в глаза – это и «великолепный мрак» сада, и «светлые воды», и «белые в тени дерев кумиры», и «двух бесов изображенья» – статуи Аполлона и Венеры, чрезвычайно точно описанные. Нет нужды видеть только аллегорию также и в образе Величавой Жены. Этому образу в Царском Селе налицо вполне вещественное со-

¹ «В начале жизни школу помню я...» // Пушкин А. С. Собр. соч. В 6 т. М., 1969. Т. 3. С. 112.

² Гоголь Н. В. Указ соч. С. 18.

³ Благой Д. Указ соч. С. 518 – 521.

ответствие. Речь идет о чудотворной Царскосельской иконе Божией Матери «Знамение». В пушкинское время этот образ находился в Знаменской церкви Царского Села, на службах в которой часто присутствовали лицеисты, и юный Пушкин, вероятно, не один раз предстал перед ним во время богослужений. В настоящее время икона Божией Матери Царскосельская «Знамение» находится в храме во имя святого апостола Иоанна Богослова в Санкт-Петербургской православной духовной академии. Пушкинское описание ее чрезвычайно точно: икона выполнена в сдержанных, подчеркнута «бедных» тонах, и облик Богоматери на ней полон строгого величия и смиренного достоинства.

Царскосельская икона Божией Матери
«Знамение»

К такому же выводу пришел исследователь Пушкина, московский священник Борис Александрович Васильев¹. Священник Геннадий Беловолов, составивший сборник о Царскосельской иконе Божией Матери «Знамение»², указывает со ссылкой на это исследование, что «само сочетание величия и смирения в образе Величавой Жены у Пушкина восходит к евангельским словам Богоматери: *величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем, что призрел Он на смирение Рабы Своей, ибо отныне будут ублажать Меня все роды; что сотворил Мне величие Сильный, и свято имя Его...* (Лк. 1, 46 – 49). Эти слова читаются на ежедневной вечерней службе и безусловно были известны Пушкину, знавшему многие православные молитвы наизусть и часто повторявшему их.

Приведу еще два аргумента исследователя. Текст чернового варианта стихотворения:

...Лик и взоры Дивной Той Жены
В душе глубоко напечатлены...
Протяжно сладким голосом, бывало,
Читает иль беседует Она...

Ведь это не что иное, как описание церковного пения или чтения во время службы или молебна.

¹ Гришунин А. Л. Царскосельская икона Знамения Божией Матери и стихотворение «В начале жизни школу помню я»: Исследователь Пушкина московский священник Б. А. Васильев (1899 – 1976)// Пушкинская эпоха и христианская культура. Вып. 4. 1994.

² Икона Знамения Царскосельская / Сост. Геннадий Беловолов, свящ. СПб., 1995. С.70 – 74.

Знаменская церковь Царского Села

Описание Царскосельской иконы Богоматери у Пушкина: «Меня смущала строга краса...» и далее, – удивительно совпадает с описанием иконы, составленным настоятелем придворной Знаменской церкви протоиереем Иоанном Цвиневым: «Многие утверждают, и сами мы замечали, что лицо Богородицы почти в одно и то же время производит на молящихся разные впечатления: то оно кажется светлым и умильным, то вдруг “темнеет”, и принимает строгий вид, хотя бы вы стояли в том же месте»¹.

Протоиерей Геннадий Беловолов, указывая на архитектуру стихотворения, в котором Величавая Жена противопоставляется лживым демонам, рассматривает его как знак поворота Пушкина от стихии языче-

ских страстей к христианской аскезе: «Стихотворение задумано как противопоставление двух миров. Подобно “отроку Библии, блудному сыну”, достигнув тридцатилетия, Пушкин возвращается из “мрака чужого сада” в Храм под Покров Величавой Жены... Можно говорить, что в высшем смысле Царскосельская Богоматерь спасла нашего русского поэта, призвав его под Свой Покров, явив ему величие Своего смирения. И это можно считать одним из чудес этой чудотворной иконы»².

Если все же принять к сведению гоголевский прием и посмотреть на образ Величавой Жены как на символ – то это символ самой Православной Церкви. И тогда общую композицию стихотворения можно прочесть как рассказ о бегстве юноши от наставничества Церкви к мечтательному и страстному времяпрепровождению среди возрожденных новой западной образованностью кумиров античности.

Мысль этого произведения, однако, глубже и не исчерпывается одною композицией. Я предлагаю шаг за шагом прочесть стихотворение, размышляя над чередой образов, чтобы увидеть и еще раз удивиться, сколь глубокие пласты народной судьбы поднимает Пушкин, покаянным взором проникая в отдаленные годы собственной жизни. Он делает здесь предметом самосознания духовное содержание встречи культур России и Европы, которые предстают в символах, образующих лично значимые смыслы внутреннего нравственного мира в его становлении. Это своего рода «археология самосо-

¹ Икона Знамения Царскосельская. С. 11.

² Там же. С. 74 – 75.

знания», позволяющая проникнуть в недра исторических обстоятельств и, минуя хитросплетения судеб народов и культур, увидеть духовное ядро истории, как оно открывается народу.

Итак, в начале стихотворения – эпическая картина детства. Школа рисуется в тонах семейного воспитания, – мать, окруженная детьми:

...нас, детей беспечных, было много;
Неровная и резвая семья.

«Смиренная, одетая убого, но видом величаява жена...» окружена «толпою детей». Она беседует с ними. Что помнит ребенок? – Он помнит голос и тон: «приятный, сладкий голос», он помнит «очи светлые, как небеса» и покрывало на челе. Но слова ее он не слышит: «... я вникал в её беседы мало...». Почему? И здесь – покаянное признание:

Меня *смуцала* строгая краса
Её чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.
Дичась её советов и укоров,
Я про себя *превратно толковал*
Понятный смысл правдивых разговоров...

Что это, как не точнейшее воспроизведение состояния Адама после грехопадения – смущение перед взором Бога и превратное толкование понятного смысла правды? Почему «превратно»? Оправдания здесь нет – это произвол человеческой природы, которая в падении возлюбила более света мрак и в состоянии противоестественном становится чуждой сама себе, прячется и бежит от святыни:

...я *украдкой* убегал
В великолепный *мрак чужого* сада,
Под свод *искусственный* порфирных скал.

И там, в этом саду:

Я предавал *мечтам* свой юный ум,
И *праздномыслить* было мне отрада.

Состояние праздномыслия и мечтания – так отозвались в стихотворении плоды размышлений, начало которым было положено работой над «Запиской...». Образование поверхностное и пустое – поскольку первоначальные основания его заложены в отчуждении человека от себя самого. Оно начинается не с преодоления отчуждения, но с блуждания ума по разнообразным предметам. Православная аскетика указывает на неизбежность такого блуждания ума в противоестественном состоянии. Прежде, чем образовываться и развиваться, человек должен быть исцелен, возвращен в состояние естественное, должен вернуться из разлуки с самим собой, в которой он неизбежно пребывает, уходя от Бога. Необходимо покаяние, духовное трезвение и концентрация душевных сил, чтобы преодолеть разлад и вернуться в то

состояние, когда возможно вникать в «полные святыни словеса», – все это основные мотивы православного аскетического воспитания.

По истечении еще шести лет Пушкин уже смог с сердечной простотой отразить в поэзии начала покаянной аскезы – великопостную молитву Ефрема Сирина. Широко известное стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны...» (1836 год) представляет собой ничто иное, как близкое к исходному тексту ее поэтическое переложение. Пушкинский текст:

Отцы пустынноики и жены непорочны,
 Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
 Чтоб сохранять его средь дольних бурь и битв,
 Сложили множество божественных молитв;
 Но ни одна из них меня не умиляет,
 Как та, которую священник повторяет
 Во дни печальные Великого поста;
 Всех чаще мне она приходит на уста
 И падшего крепит неведомою силой.
 Владыка дней моих! дух праздности унылой,
 Любоначала, змеи сокрытой сей,
 И празднословия не дай душе моей.
 Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
 Да брат мой от меня не примет осужденья,
 И дух смирения, терпения, любви
 И целомудрия мне в сердце оживи.

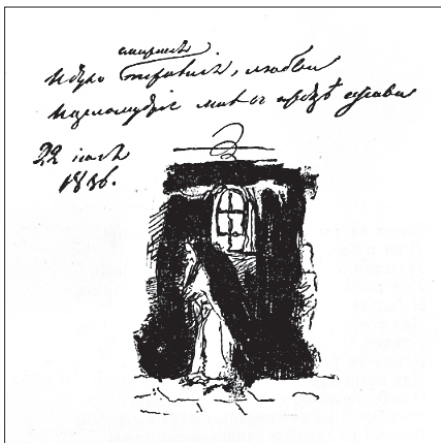
Сравним его с текстом молитвы прп. Ефрема Сирина, которая по церковному уставу, действительно, повторяется ежедневно во время служб Великопостного поста:

Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь ми.

Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми рабу Твоему.

Ей, Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь.

Обратим внимание, что в молитве Ефрема Сирина дважды отвергается праздность – как «дух праздности» и «дух празднословия». И дважды же отвержение праздности воспроизводится в тексте пушкинского стихотворения.

Автограф и рисунок А. С. Пушкина

Мы еще обратимся к тексту молитвы Ефрема Сирина и ее поэтическому переложению. Пока же вернемся к царскосельскому стихотворению и посмотрим на композицию описания «чужого сада», который отроку любезен: «Любил я светлых вод и листьев шум», его «нежила теней прохлада», а праздное времяпрепровождение дарило «отраду».

Первое, что встречает его в «чужом» саду под «искусственными» сводами – это живая природа – творение Божие: «светлые» воды вышли из тех же хранящих рук, что и «светлые» небеса, с которыми сравнивают очи Величайшей Жены. Но среди этого творения уже не слышно голоса, произносящего святые слова. Звуки сада – это шум вод и шелест листьев. В этой безмятежности творения уже нет Творца, нет Его личного присутствия и Его слова. Но отрок уже «возлюбил творение более Творца», уже отказался от первой из заповедей Декалога. И его встречают

... белые в тени дерев кумиры,
И в ликах их печать *недвижных* дум.

Создания не Божии, молчаливые, неподвижные, иные. В музыке стиха начинают звучать грозные ноты постепенно нарастающего внутреннего волнения:

Всё – мраморные циркули и лиры,
Мечи и свитки в *каменных* руках,
На главах лавры, на плечах порфиры –

Все наводило *сладкий* некий *страх*
Мне на сердце...

Страх этот, однако, сладок, он странным образом притягивает, вызывает отклик в душе, и душа, бегущая от святыни и не отзывающаяся на слово Жены, отзывается на недвижимое молчание каменных истуканов:

... и слезы вдохновенья,
при виде их, рождались на глазах.

Кульминация композиции стихотворения – встреча отрока с изображениями «двух бесов». Впечатление встречи усиливается умножением колдовских определений: «чудесный», «волшебный», «волшебный демон». Подобный преизбыток определений этого ряда встречается в «Руслане и Людмиле» при описании Черномора и его садов.

Другие два чудесные творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двух бесов изображенья.

Один (Дельфийский идол) лик молодой –
Был гневен, полон гордости ужасной,
И весь дышал он силой неземной.

Другой женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал –
Волшебный демон – лживый, но прекрасный.

Дельфийский идол – несомненно, Аполлон, женообразный идол – Афродита. Пушкинские поэтические образы, однако, бесконечно далеки от персонажей греческого пантеона, где Аполлон и Афродита – пластически оформленные образы верховных божеств – играют сложные и многообразные роли, отражая различные стороны жизни античного полиса. Далеки они и от французских рациональных аллегорий Творчества и Любви. Пушкинское слово вызывает древний, архаический тип демонической силы, обнаженной от всякого рационального оформления. Стихийной силы, живущей в душе человека. Православная аскетика, складывавшаяся прежде всего на греческой почве, последовательно разоформляет греческий пантеон, добираясь до динамической основы рационализированных в период классики духовных энергий. Эти первичные силы в аскетике называют страстями. Падший человек не может избежать действия страсти. Задача аскетической духовной практики – не попасть под власть этих древних сил, по природе своей центробежных, влекущих прочь от духовного центра, – и выстроить духовные энергии в иерархическом соподчинении, сосредоточивая умное внимание на центре, именуемом в аскетике «сердце». Опыт наблюдения за действием страстей, объемлемый в аскетической традиции, огромен. Пушкинские образы очень точно воспроизводят несколько важнейших указаний этой традиции. Идолы являют собой страсти: дельфийский идол – «полон гордости ужасной» – страсть гордости, женообразный идол – сладострастия.

В аскетике называют несколько главных страстей¹, допустив неограниченное действие которых в своей душе, человек подпадает под власть смертных грехов. Что такое смертный грех? – Это грех, который приводит человека к утрате всякой интуиции вечной жизни и Божией любви и, в конечном итоге, – к хуле на Святого Духа, о чем сказано: *всякий грех и хула простятся человеку, но хула на Духа не простится* (Мф. 12, 31). В формах добродетелей, противоположных смертным грехам, аскетика указывает на те духовные энергии, которые в состоянии обуздать страсти, напоминая о них в важнейших православных молитвах. Приведенная выше молитва Ефрема Сирина

¹ Труды православных аскетов многочисленны. Практически у каждого из древних святых отцов есть указания на аскетическую практику. Особо следует выделить св. Максима Исповедника, св. Симеона Нового Богослова, св. Григория Паламу. Существует много сборников, принадлежащих разным авторам. Известна работа афонского подвижника Никодима Святогорца. Назовем также большой труд под названием Добротолюбие, составленный святителем Феофаном Затворником в XIX веке на основе трудов древних святых отцов. Систематически описывает «умное делание» работа святого Нила Сорского «Устав о скитской жизни», работы самого святителя Феофана Затворника и другого русского богослова и аскета XIX века святителя Игнатия (Брянчанинова). Особо можно указать на небольшую работу последнего «В помощь кающемуся», где описаны азы покаянной аскезы. Научное описание традиции православной аскестики дает современный философ С. Хоружий.

воспитывает душу к отвращению от праздности, гордости и сладострастия, – то есть как раз тех страстей, речь о которых ведется в царскосельском стихотворении: «дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми...»

И в пушкинском переложении: «дух праздности унылой...И празднословия не дай душе моей... и дух... терпения, смирения, любви и целомудрия мне в сердце оживи».

Смирение – та добродетель, та энергия, которую «не переносят бесы», поскольку начало действия их силы коренится в гордости. Дух целомудрия укрощает власть сладострастия над душой человека. Совместное действие энергии целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви прекращает игру страстных сил в человеке, делает его сердце чистым и открывает ему видение Бога: *Блажени чистии сердцем: яко тиши Бога узрят* (Мф. 5, 8).

Если же человек не желает вступать в борьбу со страстями, они действуют по своим собственным законам, постепенно овладевая душой человека и полностью подчиняя все его жизненные энергии.

Вначале страсти лишь слегка волнуют человека, как бы прилаживаются к нему, – такое действие называют «прилогом». Волнение это сладко для души: «Все наводило сладкий некий страх мне на сердце». Человек готов принять «прилог» – он «сочетается» с образом действия страсти и впускает ее в свой внутренний мир. Теперь он еще свободен в своих влечениях, но страстность уже овладела его переживаниями: «и слезы вдохновенья при виде их рождались на глазах». Далее страсть овладевает и влечениями. Уже человек не свободен в выборе предметов своего внимания, его влечет страсть. В этом состоянии человек еще в состоянии оценить действие страсти, различить себя и ее, почувствовать, что некая чужая, неведомая сила увлекает его, овладевает им.

«...два чудесные творенья влекли меня волиебною красой».

В конечном же итоге страсть овладевает всем человеком, преобразуя его мысли, чувства, действия. Он становится «одержим» страстью и не свободен более. Центрирующие силы души больше не способны поддерживать единство личности, человек «забывает сам себя», отдаваясь центробежным силам, дробящим единство душевной жизни, он следует от желания к желанию, не насыщаясь и не зная успокоения, страсти множатся, порождая одна другую, питаются энергиями души и постепенно растрачивают их. Так, страсть гордости приводит к унынию. Сладострастие же приводит к расслабленности, рассеянности, лени.

В «чужом саду» отрок не встречает никого, кто наставил бы его на путь «духовного упражнения» – аскезы. Он созерцает искаженные страстью черты недвижимых истуканов, и страсти начинают играть его душой в полную силу:

Пред ними сам себя я забывал;
В груди младое сердце билось – холод
Бежал по мне и кудри подымал.

Безвестных наслаждений ранний голод
Меня терзал – уныние и лень
Меня сковали – тщетно был я молод.

Страсти разрушают душу. Что означает это? В Богзданности своей душа проста и целостна. Целостность эта поддерживается энергией Божественной любви, которую человек непременно встречает, выполняя заповедь Христа: *возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим* (Мф. 22, 37).

Эта встреча – венец аскетического «умного делания». Ее описывает Симеон Новый Богослов. В мировой поэзии в незабвенных строках «Божественной комедии» эту встречу описал Данте:

...и тут в мой разум грянул блеск с высот,
неся свершенье всех его усилий.
Здесь изнемог высокий духа взлет,
но страсть и волю мне уже стремил,
как если колесу дан ровный ход,
любовь, что движет солнце и светила.

Целомудренный взгляд открывает для себя бесконечную и тесную взаимосвязанность мира:

...Любовь как в книгу некую сплела
то, что разлиста по всей вселенной
суть и случайность, связь их и дела,
все – слитое столь дивно для сознанья, –

питает своей энергией живую любовь к людям: *Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, но сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит* (1 Кор. 13, 4 – 7). Любовь в смирении и целомудрии открывает тайну общей жизни людей друг с другом.

Напротив, страсть отвращает взгляд человека от Бога, разрушает целомудрие души и целостность мировоззрения, уничтожает живую связь людей. Покидая пределы рая и облачаясь в «кожаные одежды греха», человек оказывается окружен непроницаемой стеной отчуждения от мира, от других людей. Таков отрок из болдинского стихотворения:

Средь отроков я молча целый день
Бродил угрюмый – всё кумиры сада
На душу мне свою бросали тень.

Как велик контраст этой картины и той, что представляет нашему взору начало стихотворения: семья «беспечных детей», Величаява Жена, тесно окруженная внимающей Ей детской толпою!

«Вот все, пожалуй...». Не поддаваясь соблазну извлечь из предложенного анализа отвлеченный назидательный смысл, возвратим стихотворение в полноту бытия личности, его подарившей. В «Колеблемом треножнике» Владислав Ходасевич тонко замечает: «В каждом художественном произведении находим ряд заданий, поставленных себе автором. Задания эти бывают разного порядка: философского, психологического, описательного и т.д... Одно из самых поразительных свойств пушкинской поэзии, может быть – одна из тайн ее пресловутой гармоничности, заключается в необыкновенном равновесии, с каким разрешает поэт эти параллельные задания...»¹ Вещам своего мечтаемого мира он придает такую же полноту бытия..., какой обладают предметы мира реального. Поэтому к каждому из его созданий приложим целый ряд критериев, как он приложим к вещам, окружающим нас»¹.

Да, Пушкин создает не изображения вещей, не картины событий, но нечто иное. Что же это иное? Созданный ли его мечтою мир, в возникновении которого есть какая-то «чудесная тайна»? Мир этот, раз возникнув, обретает собственную судьбу, и в разных творениях Пушкина разные люди усматривают разное – с равными на то основаниями. Дух ли эпохи, о которой теперь говорят: «пушкинская эпоха, пушкинский Петербург», эпоха ли, которая теперь навсегда будет нести печать пушкинского пребывания в ней и пушкинского о ней свидетельствования². И то, и другое – и большее, чем то и другое вместе. Русское слово Пушкина являет в себе энергию преодоления разлада наблюдателя с наблюдаемым им миром. В творениях Пушкина мы находим событие и произведение, «слитые столь дивно для сознания», что русская речь наша доселе обретает в них достойные предметы для собственного становления в качестве языка мысли. Поэтический мир Пушкина являет особую архитеконику бытия – событийно-личностную, и освоиться в таком бытии – творческая задача нашего русского будущего еще и до сего дня. Пушкин создал больше, чем образ или отображение эпохи, но точку наблюдения и пространство созерцания, позволяя всякому занять ее и вновь въявь пережить произведение как свидетель и очевидец в личном со-бытии с ним. Именно поэтому размышления Пушкина о воспитании поистине питают душу и воспитывают ее к восприятию непростых путей русской культуры.

¹ Ходасевич В. Ф. Указ. соч. С. 158 – 159. Здесь же Ходасевич говорит о неизбежности изменения душевного уклада своих современников, которые покидают пределы пушкинского времени, они стоят «уже на той незримой черте, которой история разделяет эпохи». «Созданиям Пушкина предстоит претерпеть ряд изменений в сознании читателей...», что есть явственный признак того, что Пушкин уже... отделился от своего времени и вышел в открытое море истории...». Но «никогда не порвется кровная, неизбывная связь русской культуры с Пушкиным. Только она получит новый оттенок».

² В «Слове о Пушкине» Анна Ахматова указывает на стоявший долго вопрос о том, как и почему представители высшего света ненавидели Пушкина, и говорит: «настало время вывернуть эту проблему наизнанку и громко сказать не о том, что они сделали с ним, а о том, что он сделал с ними... Вся эпоха... мало-помалу стала называться пушкинской... Он победил и время и пространство... В залах, где они танцевали и сплетничали о поэте, висят его портреты и хранятся его книги, а их бедные тени изгнаны отсюда навсегда. Про их великолепные... особняки говорят: здесь бывал Пушкин, или: здесь не бывал Пушкин...» (1967 год) // Светлое имя Пушкин... С. 427.

«ИЗ ДОБРОГО СОКРОВИЩА СЕРДЦА СВОЕГО»

С. А. Рачинский. Фото

Личность Сергея Александровича Рачинского в начале XXI века становится все более значимой в разных кругах общественной жизни. Сегодня, изучив даже не в полной мере его труды, сознаешь со всей очевидностью, что профессор Московского университета, учитель сельской школы, крупнейший специалист XIX века по физиологии растений, философ, идеолог Православия, литератор, собеседник Л. Н. Толстого, К. П. Победоносцева, В. В. Розанова, П. И. Чайковского – Сергей Александрович Рачинский – фигура всероссийского масштаба.

Его публицистические статьи, выступления, письма, а также знаменитая книга «Сельская школа» представляют для нас важные исторические документы, поскольку в них отражены события, происходившие во второй половине XIX века в Бельском уезде Смоленской губернии, и выведены

имена людей, которые, так или иначе, творили нашу историю. Из описанных им картин жизни прошлого мы можем предположить, какой стала бы наша земля сегодня, если бы трудились на ней такие хозяева, как Рачинские.

Печатается по: Ушакова И. В. «Из доброго сокровища сердца своего...». Нижний Новгород: Родное пепелище, 2013.

Ирина Владимировна Ушакова родилась в п. Оленино Тверской области. Окончила факультет журналистики Московского Экстерного Гуманитарного Университета по специальности «литературный редактор». В 1998 – 2008 гг. – корреспондент, ответственный секретарь редакции «Историческая газета», выпускаемой Международным фондом им. М. Ю. Лермонтова; действительный член правления фонда. Автор двух поэтических сборников: «Пробуждение» (2000) и «По велению ранней весны» (2011). Составитель сборника статей и писем педагога-просветителя С. А. Рачинского «Из доброго сокровища сердца своего...» (2013). Публиковалась в журналах: «Подвиг», «Роман-журнал XXI век», «Путеводная звезда», «Камертон» и в газетах: «Русь Державная», «Слово». Лауреат премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина (2013). Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Родился Сергей Александрович 15 мая 1833 года в селе Татеево в семье капитана Муромского пехотного полка Александра Антоновича Рачинского и сестры знаменитого поэта Евгения Баратынского Веры Абрамовны. После окончания в 1853 году естественного отделения физико-математического факультета Московского университета продолжил обучение в германских университетах, а возвратившись на родину, стал руководителем кафедры физиологии растений в Московском университете и в 24 года получил ученую степень доктора ботаники.

Преподаватель Рачинский был членом попечительского комитета о бедных студентах, избирался судьёй университетского суда. Начиная с 1861 года Сергей Александрович и его брат Константин ежегодно жертвовали из своего жалования каждый по 500 рублей серебром на обучение за границей молодых людей по назначению физико-математического факультета. В числе таких студентов был и будущий физик А. Г. Столетов.

В 1867 году Рачинский вышел в отставку. В его доме в Москве собирались многие выдающиеся люди того времени: братья Аксаковы, В. Ф. Одоевский. С великим теплом и любовью вспоминал встречи с хозяином дома композитор П. И. Чайковский. Приведем фрагмент из его письма: «Вы спрашиваете, помню ли я Вас? Не только помню, но часто думаю о Вас, вспоминаю про различные выражения сочувствия Вашего к моим музыкальным трудам, ободрявшие и утешавшие меня еще в то время, когда это было для меня величайшей радостью. Люблю вспоминать приятные вечера, которые проводил в Вашей уютной квартирке на Дмитровке, нередко задумываюсь над странной судьбой Вашей, столь неожиданно перенесшей Вас с университетской кафедры на стул сельского учителя, – ну, словом, Ваш милый светлый образ жив в моей душе и никогда не изгладится из моей памяти». Бывал здесь и Л. Н. Толстой, беседы с которым привлекли внимание Рачинского к проблемам народного просвещения, и он начал помогать сестре Варваре Александровне проводить занятия с детьми в сельской школе.

Первая школа для крестьянских детей, попечителями и учителями в которой стали старший брат Рачинского Владимир и сестра Варвара, была открыта отцом Сергея Александровича в 1861 году, им же было положено начало богатейшего татеевского архива и библиотеки. Десять лет спустя, в 1871 году, открылось народное училище в селе Сергиевка Вяжлинской волости Кирсановского уезда Тамбовской губернии, учредительницей и попечительницей которой стала двоюродная сестра Сергея Александровича – Софья Сергеевна Чичерина (урожденная Баратынская).

В 1872 году С. А. Рачинский навсегда вернулся в родовое имение Татеево и до конца своих дней не оставлял забот и попечений об устройстве крестьянских школ. Его трудами положено начало педагогики для народной школы, закрепленное немалой практикой.

Обер-прокурор Священного Синода К. П. Победоносцев рассказывал о своем друге Рачинском наследнику цесаревичу, великому князю Александру Алек-

На террасе дома в с. Татеве. Братья Сергей и Владимир Рачинские и их мама Вера Абрамовна с художником Богдановым-Бельским.

сандровичу, в письме от 10 марта 1880 года: «Впечатления петербургские крайне тяжелы и безотрадны. Жить в такую пору и видеть на каждом шагу людей без прямой деятельности, без ясной мысли и твердого решения, занятых маленькими интересами своего я, погруженных в интриги своего честолюбия, алчущих денег и наслаждения и праздно-болтающих, – просто надрывать душу...

Добрые впечатления приходят лишь изнутри России, откуда-нибудь из деревни, из глуши. Там еще цел родник, от которого дышит... свежестью: оттуда, а не отсюда наше спасение. Там есть люди с русскою душою, делающие доброе дело с верой и надеждою...

Не угодно ли, Ваше Высочество, я покажу Вам одного такого человека. Все-таки отраднo хоть одного такого увидеть. На досуге извольте прочесть прилагаемые письма. Если Вы сочувственно примете их, то не пожалеете, что читали.

Это письма приятеля моего Сергея Рачинского, поистине доброго и честного человека. Он был профессором ботаники в Московском университете, но, когда ему надоели поднявшиеся там распри и интриги между профессорами, он оставил службу и поселился в своей деревне, в самой глуши Бельского уезда Смоленской губернии, вдали от всех железных дорог. Живет он там безвыездно вот уже около 10 лет и посвятил себя всего сельским школам, которыми и занимается с утра до ночи – в каком духе, извольте увидеть из писем. Он подлинно стал благодетелем целой местности, и Бог послал ему людей – из священников и помещиков, которые с ним работают. Отраднo читать его письма, – от них веет новым и здоровым, ободряющим духом. Тут не болтовня, а дело и истинное чувство...».

«Он вдохнул совсем новую жизнь в целое поколение крестьян... Стал поистине благодетелем местности, основав... с помощью четырех священников пять народных школ, которые представляют теперь образец для всей земли. Это человек замечательный. Все, что у него есть, и все средства своего имения он отдает до копейки на это дело, ограничив свои потребности до последней степени», – писал он три года спустя императору Александру III.

В своих статьях Рачинский многократно говорил о нравственных идеалах русского крестьянина, на которых строилась его жизнь, о том, какой духовной силой и творческой способностью обладает русский народ, восхищался художественными дарованиями сельских детей, их поэтичностью, питаемой близостью к природе и живой крестьянской культурой. Удивительный, так и не узнанный русской интеллигенцией крестьянский мир предстает перед нами на страницах его дневников. Задолго до революционного лихолетья в своих статьях и многочисленных письмах Рачинский указывал на кровоточащие раны общественной жизни: отстраненность интеллигенции от народа, её теплохладное отношение к Православию – стержневой, государствообразующей религии, пороки и отсутствие усердия, в том числе у самих священников.

«Много безмолвной печали было в его душе, очень много разочарований, – отзывался о народном учителе философ Василий Розанов. – Рачинский всегда был очень наблюдателен, никакой рассеянности, присущей поэтам или мыслителям, у него не было. Ум его был сух и точен, без капризов и беспорядка, вообщем он был замечательно деловой человек, но с большою примесью влечения к тихой бесшумной созерцательности».

Но истории уже вершили не тихие подвижники и духовные мыслители, а полуобразованные выдвигенцы из народных масс, доверившиеся чуждым и ложным учениям.

В своих прогнозах С. А. Рачинский предварил писателей, называемых «деревенщиками», которые более чем через полстолетия после него станут в тревоге возвещать миру о том, что угасание русской деревни приводит к угасанию искусства, падению нравов в обществе, оскудению здоровых народных сил.

Чем же созидались эти недюжинные народные силы? Трудом. Учебный день в школе Рачинского начинался с молитвы в 6 часов утра. После завтрака ребята, жившие одной дружной семьей, исполняли хозяйственные обязанности: привозили воду, рубили дрова, убирали школу, помогали кухарке готовить еду. С 9 часов до полудня продолжались уроки, а после обеда школьники отправлялись на прогулку в лес, зимой – кататься с горы. Вечерами Рачинский сам читал детям духовную литературу и мировую классику, затем чтение продолжали старшие ребята.

В свободное от занятий время Сергей Александрович переписывал ноты для хора своей и соседних школ, отвечал на многочисленные письма знакомых и незнакомых людей, обращавшихся к нему за советом.

В 17 лет выпускники школ, устроенных семьей Рачинских, сдавали специальный экзамен комиссии при средних учебных заведениях и получали звание

*На крыльце Татевской школы. Стоят: Михаил Емельянов, Сергей Сеодзи, Семен Толстой, Антон Альховиков; сидит в центре С. А. Рачинский, рядом с ним Андрей Воскресенский.
Фото Н. П. Богданова-Бельского. Конец 1880-х*

сельских учителей. Сначала работали помощниками учителя, а затем сами становились старшими учителями. В 1890 году в окрестных школах трудилось уже сорок преподавателей, подготовленных стараниями Рачинского.

Вот как описывает народную школу писатель Василий Ян: «...Татевская школа находится возле церкви, – сейчас за оградой парка, окружающего старинный дом Рачинских. В школе – несколько комнат (из них классная очень просторная, с высоким потолком). Учится в ней больше 60 детей (из них около 30 – из дальних деревень и живет в самой школе). Меня поразило в ней особенное настроение учеников, – это было тихое счастье детей, странное в наше время, любовное, братское и почтительное отношение друг к другу. Была заметна торжественность настроения, точно это была не школа, а церковь, хотя я был в школе вечером в субботу, когда никаких занятий не было. К С. А. Рачинскому ребяташки относятся как к любимому и доброму “дедушке”, доверчиво обступают его, – совершенно не так, как обыкновенно дичатся деревенские ребята перед “барином”.

Я видел нескольких учительствующих бывших учеников Рачинского. От всех от них веяло чем-то искренним и честным. Я глядел в задумчивые глаза

этих людей, поднявшихся, вышедших из народной массы, но не порвавших ни одной из нитей, связывающих их с коренной народной силой, землей-матушкой, и мне было отрадно и тепло возле них. Казались невероятными и раздутыми все толки о вырождении великорусской народности: эти люди не сойдут с дороги, не пропадут, с ними не оскудеет земля...»¹.

Народный учитель радел не о том, чтобы приобщить своих крестьян к европейской культуре, но желал утвердить народ в исконных традициях, в подлинном искусстве, сохранившемся только в Православной Церкви. Рачинский считал, что если человек научится читать по-церковнославянски, ему будут понятны и Данте, и Шекспир, а кто освоит древние «роспевы», без труда поймет Бетховена и Баха. Он также успешно практиковал лечение заикания с помощью чтения старо-славянских текстов и церковного пения.

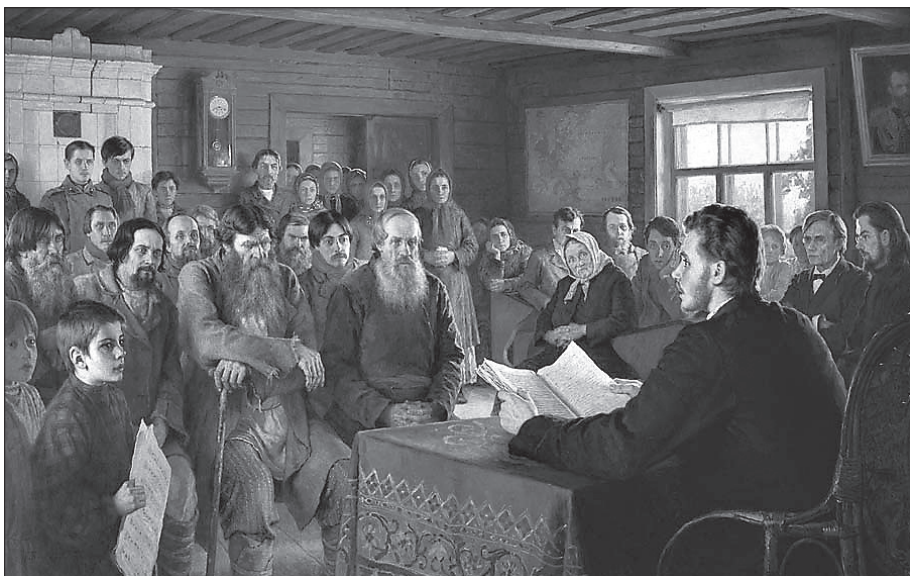
Трудами Рачинского получили масштабное развитие возродившиеся общества трезвости. В первую очередь, он уделял внимание воспитанию будущих священников, поэтому обращался в своих письмах к преподавателям и воспитанникам семинарий. По типу Татевского общества трезвости вскоре возникли общины по всей стране, и к началу XX века в них состояли десятки тысяч человек.

Деятельность Рачинского на благо народного просвещения была высоко оценена Императором Николаем II в рескрипте от 14 мая 1899 года: «Сергей Александрович! Многолетняя ваша деятельность на пользу народную обращает на себя особенное Мое внимание. Обширное образование ваше и опытность, приобретенную на государственной службе в Московском университете, посветили вы с ранних лет делу просвещения посреди населения, наиболее в нем нуждающегося. Поселясь безвыездно в отдаленном родном имении, вы явили для всего благородного сословия живой пример деятельности, соответствующей государственному и народному его призванию. Труды ваши по устройству школьного обучения и воспитания крестьянских детей в нераздельной связи с церковью и приходом послужили образованию уже нескольких поколений в духе истинного просвещения, отвечающего духовным потребностям народа. Школы, вами осно-

Протоиерей Александр Васильев, ученик С. А. Рачинского. Духовник Царской семьи. Фото 1912 г.

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 6 (18) марта 1899 г.

Воскресное чтение в сельской школе. Худ. Н. П. Богданов-Бельский

ванья и руководимья, состоя в числе церковноприходских, стали питомником в том же духе воспитанных деятелей, училищем труда, трезвости и добрых нравов и живым образцом для всех подобных учреждений.

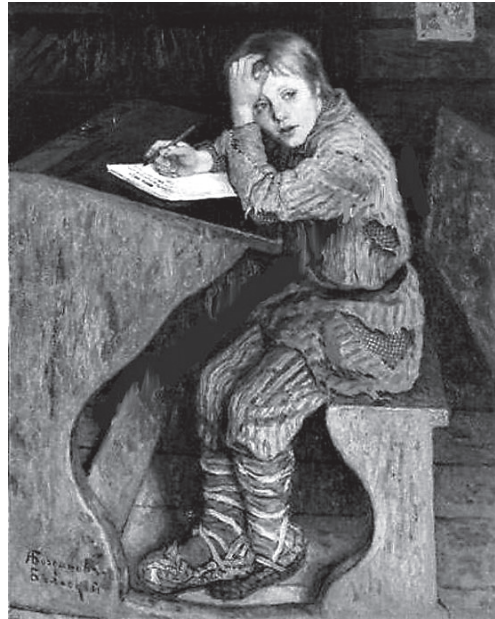
Близкая сердцу Моему забота о народном образовании, коему вы достойно служите, побуждает Меня изъявить вам искреннюю Мою признательность. Пребываю к вам благосклонный. НИКОЛАЙ».

Рачинский ушел из жизни 15 (2 ст. ст.) мая 1902 года, в день своего рождения, на руках одного из своих учеников и последователей. На его погребение съехались десятки священников и учителей, ректоры духовных семинарий, писатели, ученые. За десятилетие перед революцией о жизни и деятельности Рачинского было написано более десятка книг, опыт его школы использовался далеко за пределами страны – в Англии и в Японии.

Не меньший интерес к трудам педагога-просветителя существует и сегодня, в начале XXI века, поскольку многим видится в них основательность и правда, а дело, которому татевский учитель посвятил всю свою жизнь, ждет новых учеников и последователей: «Приступая к занятиям школьным в годах уже зрелых, я был вполне убежден, что не доживу ни до одного из тех результатов, из-за коих стоит только заниматься этим делом. Убеждение мое, нисколько не умаляя моей веры... заставило меня работать усиленно в надежде, что труд мой сколько-нибудь приблизит отдаленное время жатвы, которую собирать суждено не мне».

У дверей школы

Сочинение

Деревенский мальчик

Новички. Рисунки Н. П. Богданова-Бельского

В церкви

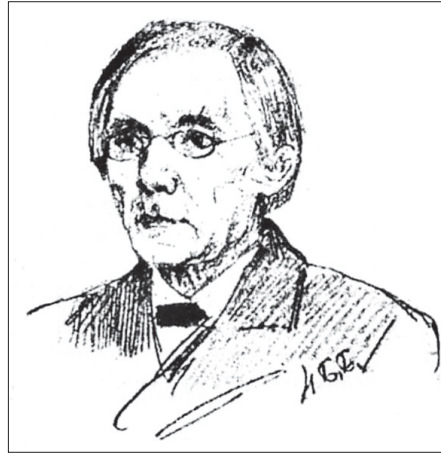

В классе. Рисунки Н. П. Богданова-Бельского

Из трудов С. А. Рачинского

Из статьи «Заметки о сельских школах»

Почти во всяком из наших школьников есть педагогическая струнка, часто весьма сильная. Учитель, умеющий играть на этой струнке, приобретает драгоценное... необходимое подспорье в почти неограниченной работе, возлагаемой на него исключительными условиями нашей школьной жизни. Во всякой школе найдется два-три толковых и усердных мальчика, которым, с великою обоюдною пользою, можно смело поручить младших товарищей для известных нехитрых, но необходимых упражнений. Замечательная распространенность этой склонности между крестьянскими ребятами имеет огромное значение для всей будущности нашего школьного дела. Она поведет, и уже начинает вести, к распространению элементарной грамотности вне школьных стен. Она обеспечивает нам тот громадный контингент дешевых сельских учителей, который понадобится нам в близком будущем, и который не может быть почерпнут ниоткуда, как только из среды грамотного крестьянства.

Портрет С. А. Рачинского.
Рисунок Н. П. Богданова-Бельского

* * *

В прямой связи с этим деловым направлением наших школьников находится их отличное, бодрое и веселое, но скромное и ровное поведение в школе. Им не до шалостей, не до ссор. В них нет и следа того отвратительного сквернословия и скверномыслия, которыми заражены наши городские учебные заведения, в особенности столичные. В нормальной крестьянской жизни нет места тем преждевременным возбуждениям воображения, тем нездоровым искушениям мысли, которыми исполнен быт наших городских классов. Русский народ, вошедший в пословицу своим сквернословием, в сущности, самый стыдливый народ в мире. Грязь в глазах русского человека есть грязь. Когда в нем проснется зверь, живущий в каждом человеке, он кидается ею. Но пока он трезв, пока он остается сам собою, он чист в мыслях и словах. Гаденькая, любезничающая грязноватость, проникнувшая из Франции в нравы нашего полубразованного общества, в нашу литературу низшего разряда – глубоко ему чужды. Каждый наш крестьянский мальчик – такой, еще не испорченный русский человек.

* * *

Та высота, та безусловность идеала, которые делают русский народ народом христианским по преимуществу, которые в натурах спокойных и сильных выражаются безграничною простотою и скромностью в совершении всякого подвига, доступного силам человеческим; которая в натурах страстных и узких ведет к ненасытному исканию, часто к чудовищным заблуждениям; которая в натурах широких и слабых влечет за собой преувеличенное сознание своего бессилия и, в связи с ним, отступление перед самыми исполнимыми нравственными задачами, необъяснимые глубокие падения; которая во всяком русском человеке обуславливает возможность внезапных победоносных поворотов от грязи и зла к добру и правде, – вся эта нравственная суть русского человека уже заложена в русском ребенке. Велика и страшна задача русской школы ввиду этих могучих и опасных задатков, ввиду этих сил и слабостей, которые она призвана поддержать и направить. Школе, отрешенной от Церкви, эта задача не по силам. Лишь в качестве органа этой Церкви, в самом широком смысле этого слова, может она приступить к ее разрешению. Ей нужно содействие всех наличных сил этой Церкви, и духовных, и светских...

* * *

Легко ссылаться на Петровские реформы, на целый ряд правительственных постановлений, облекших нашу Церковь в мертвящие формы казенного ведомства. Но все это еще не корень зла, а вопиющий его признак. Над живою Церковью никакое правительство в мире не властно; зло не в мерах правительства, а в медленном, постепенном, по большей части бессознательном отпадении от Церкви всего, что у нас есть образованного, богатого, властного...

...Положение нашей Церкви опасно. Опасно оно не для самой Церкви – ее победоносная жизненность проявляется и теперь для всякого, кто имеет глаза, чтобы видеть, уши, чтобы слышать. Оно опасно для тех, которые от нее отпали. Не тайным ли сознанием этой опасности объясняется позорное равнодушие нашей интеллигенции к делу образования нашего народа, ее торопливая жажда захватить внешнюю власть, за неимением внутренней. Спасти эту интеллигенцию от гибели, которую она себе готовит, могут только дружные усилия людей мыслящих и верующих, неустанная их работа на почве Церкви, на почве школы. Медлить невозможно. Предостережений было довольно.

* * *

...Всего важнее то искреннее благочестие, тот интерес к вопросам веры и духа, который вынесли из дома и внесли в сельскую школу ее ученики, в ней становятся сознательнее и глубже, становятся могучими будильниками ума и впоследствии поддерживают те навыки и знания, которые приобретены ими в школе. Духовная жажда становится для них главным побуждением не только к чтению, но и к писанию, находящему в их быту так мало постоянных практи-

ческих приложений. В свободные минуты они с величайшей охотой переписывают молитвы, духовные стихотворения, отрывки церковно-назидательного содержания. Понимание церковно-славянского языка, знакомство с богослужением, способность участвовать в нем пением или чтением привязывает их к церкви. Крестьянина, прошедшего через школу, в которой отведено должное место церковному элементу, нелегко совратить в раскол. В материальном отношении школьная грамотность приобретает особую важность для тех крестьян, которые ищут занятий в городах, а также для поступающих в военную службу...

* * *

Дело народной школы шире и глубже, чем всякая иная общественная деятельность. Для того, чтобы осилить его, нам нужно совершить внутренний подвиг. Нужно... выйти из того лабиринта противоречий, в который завела нас вся наша внутренняя история нового времени – совместное расширение нашего умственного горизонта и сужение кругозора духовного, совместное развитие у нас европейской культуры и крепостного права. Внешний узел разрублен. Пора разрешить внутренний.

Достаточно мы жаловались на то взаимное непонимание, на то полное отчуждение, ту бездну, которая отделяет у нас массу народа от образованных его слоев и тормозит все отправления нашей будничной жизни, поражая бессилием все наши благие начинания, направленные к ее устройству. Достаточно оплакивали мы тот роковой разрыв, который составлял суть нашей внутренней истории нового времени и однако не мешал в великие минуты этой истории нашему полному единению. Пора нам вспомнить, что у нас под ногами есть общая почва, и твердо, и сознательно встать на нее. Пора осознать, что настало время взаимодействия, благотворного для обеих сторон, не только мгновенного, случайного взаимодействия и единения, которое вызывается событиями чрезвычайными, а взаимодействия постоянного, ежедневного. Почва этого взаимодействия, этого единения – Церковь; орудие его – школа, и по преимуществу – школа сельская.

Из статьи «Народное искусство и сельская школа»

Глохнут и гаснут в народе народная песня, народная сказка, эти живучие отголоски иной веры, иного мирозерцания. Уже нужны чуткий слух художника, зоркий труд ученого, чтобы уловить и спасти от забвения их драгоценные обломки. Среди тягостного однообразия серой, трудовой жизни, среди лжи и пошлости, веющей от полуобразованного слоя сельского населения, где просвет для души нашего крестьянина, где отзыв на те стремления, которые лежат на дне этой души, составляют существеннейшую ее суть? В церковном празднике, приносящем ему полуискаженный отголосок дивного древнего напева, в баснословном, но согретом верою рассказе темного странника, в долго откладываемом и наконец удавшемся походе в дальний монастырь, где его молитва обретает достойные ее звуки, укрепляющую ее обстановку, где он видит, увь!

лишь призрак истинно христианской жизни, и еще – все чаще и чаще ныне – в долгих чтениях при свете лучины в бесконечные зимние вечера Священного Писания или житий святых...

Из статьи «О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ НАРОДНОМ ОБРАЗОВАНИИ»

Свобода образования есть начало истинное и неоспоримое. Но утверждать свободу образования является надобность там, где в государстве несколько противоборствующих и по существу равноправных сил стремятся овладеть народной мыслью; где само государство есть случайное скопление разнородных элементов. Там государство, покровительствуя одной какой-либо силе, одинаково нарушает и справедливость и безопасность; самая жизнь государства, все спасение его зависит там именно от умения уравновешивать враждебные стремления предоставлением каждому из них полной свободы. Россия же, благодарение Богу, живет не враждою разнородных начал, и не имеет нужды в искусственном уравновешивании небывалых противоположностей. За исключением части общества, случайно презревшей русские начала, и за исключением раскола, двинувшегося в противоположную сторону, весь русский народ представляет сплошную массу. Весь он живет одной жизнью, стоит на одном просветительном начале, движется по одному духовному направлению, которое дано Церковью. Законодательству остается только давать всевозможный простор этому всеобщему направлению, вспомоществовать всеми мерами его развитию, устранять лежащие у него на дороге препятствия: и в этом будет состоять у нас свобода образования. Другими словами, истинно понятная свобода образования в России требует мер, которые бы, согласно с собственными склонностями народа, помогали ему глубже и сознательнее утверждаться в церковном учении. Следовательно, свобода-то образования и требует, чтоб обучение народа вверено было духовенству.

* * *

...Вопрос о народном обучении есть вопрос уже не о частном зле и не о частном благе, которое может разлить та или другая система: здесь вопрос о будущем целой России, вопрос гораздо более важный, чем все вопросы о финансах, судопроизводстве, полиции и вообще о государственных учреждениях. Ибо как ни плохи будут учреждения, но когда дух народа цел, государство останется непоколебимо; а когда последовало в народе нравственное разложение, тогда самые превосходные учреждения не удержат государство от гибели.

Дух народа и его нравственные силы держатся или преданием, или обычаем, пока народ не образован, или даются направлением просвещения, когда настала пора образования. Для нашего народа наступает такая пора; он не хочет идти более ощупью, руководствоваться слепым преданием и обычаем, он хочет действовать сознательно и просить у старших своих братьев указания к этой сознательной дороге. Итак, весь вопрос в том: дадим ли мы ему таких проводников, которые будут для него не более, как просветителями в собственном смысле

ле, то есть помогут ему только сознательно утвердиться в таких же преданиях и обычаях, которые до сих пор он признавал слепо? Или же предоставим общественному меньшинству, колеблемому всяким ветром учения, и в настоящую минуту случайно настроенному противоположно исконным русским началам, вывести народ на совершенно новую дорогу, которой и конца не видно?

1880 – 1900 гг.

Из «ПИСЕМ К ДУХОВНОМУ ЮНОШЕСТВУ»

Любезный Н.

...Пишу Вам ночью. Учю и живу в школе с общежитием, и весь мой день принадлежит ребятам. Однообразие этой жизни прерывается только воскресной службой. К службе этой готовимся всю неделю. Работаем с ребятами, между коими распределены чтения предстоящего Воскресения, над их пением. И служба выходит хорошая. Старый наш батюшка служит превосходно. Ребята поют верно и читают отчетливо. Несравненная красота служебного чина ничем не нарушается. Церковь всегда полна молящимися. Так течет моя жизнь уже шестнадцатый год, зимою и летом, – ибо летом со мною живут другие ученики, более взрослые.

И только? Нет. Жизнь эта была бы несносна, если бы не имела иных результатов, кроме внешнего благолепия службы, ибо она была бы ложью. Есть и плоды нравственные. Самый видный из них, конечно, возникновение при церкви общества трезвости, насчитывающего ныне 1018 членов. Каждое Воскресенье происходит несколько присоединений, вполне обдуманых и искренних. Разве недельный труд, как бы он ни был напряжен, не оправдывается, не вознаграждается сторицею годом трезвости хотя бы одного человека из тех, для коих винопитие есть синоним пьянства?

* * *

Утопии о земном блаженстве чужды христианскому мировоззрению. Но обязанность всякого христианина – сделать земную жизнь сносною для себя и для ближних, сносною настолько, чтобы дать людям возможность не забывать о небесной.

Достижение этой скромной цели требует усилий громадных, непрестанных, и это, убаюканные мечтаниями о прогрессе, мы забыли. Для достижения этой цели лилась кровь мучеников, подымались труды подвижников, изводилась жизнь всех светочей человечества. И эти труды, эти подвиги, эти жертвы должны повторяться постоянно сознательно и радостно, чтобы земля не обратилась в ад.

1898 г.

ПЕРВОСТЕПЕННЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ МЕРЫ СПАСЕНИЯ РУССКОГО НАРОДА

Анализ причин революции показывал, что государственные и духовные устои русского общества были поколеблены растущей секуляризацией населения и образованной его части. А. В. Репников* отмечал, что еще в XIX в. русские консерваторы видели причины государственных нестроений в религиозно-нравственном состоянии народа¹. Данная мысль находила свое отражение и на страницах правомонархической прессы, в которой нередко были случаи жесткой критики русского народа как основного виновника собственных проблем. Благодатной почвой для распространения различных революционных учений стал отход от Православия, который захватил, по выражению монархической прессы, «столь громадное число образованных русских людей, да и не только образованных...»². Революция казалась черносотенцам лишь симптомом глубокой болезни общества и карой Божьей за колебания русского народа в вере: «...Господь за такое наше отношение к вере попускает в нашем Отечестве совершаться величайшим бедствиям, в том числе и гонениям на святую веру, к которой мы стали так равнодушны»³. Нравственное состояние современного им социума черносотенцы оценивали как «шатание всех мировоззрений, время смуты в умах и сердцах русских людей...»⁴. Вопрос спасения русского народа напрямую был связан с укреплением религиозно-нравственных основ. В связи с этим черносотенцы предлагали реализовать следующую систему мер: просвещение народа через национально ориентированное образование, укрепление русской экономической основы хозяйства и борьбу с пороками, в частности с пьянством. Рассмотрим их более подробно.

1. Просвещение народа через национально ориентированное образование. Черносотенцы признавали огромное влияние школьного воспитания на все сферы жизни общества. Обращаясь к опыту Франко-прусской войны, когда разгромленные французы утешали свое уязвленное самолюбие заявлениями, что их разгромили не прусские солдаты, а прусский школьный учитель, крайне правые проводили параллель, что Россию во время Русско-японской войны поставили на грань катастрофы не японские солдаты, а «собственная

Размолodin М. Л. Русский вопрос в идеологии черной сотни. Монография / Под редакцией Ю. Ю. Иерусалимского. Ярославль: Ньюанс, 2-е издание, доп. и перераб., 2013.

* Репников Александр Витальевич, кандидат исторических наук, доцент, специалист первой категории Центра по разработке и реализации межархивных программ документальных публикаций федеральных архивов РГА социально-политической истории (Москва).

школа, русская школа XIX в., ставшая как-то незаметно школой отрицания, ненасытным Молохом, поражающим светлые идеалы тех прошедших поколений, которые создавали и возвеличивали нашу Родину исключительно благодаря поддержке этих идеалов»⁵.

Концентрированный взгляд на сущность школьного образования выразило в своем обращении в декабре 1906 г. Русское собрание, заявившее, что «признает настоятельно необходимым самое широкое развитие образования, которое должно быть распространено во всем населении как посредством частных, так и правительственных учебных заведений, причем, однако, государственная школа должна быть национальной, русской, основанной на христианских началах»⁶. Школьное образование должно было быть направлено в патриотическое русло, что поставит преграду духовному и политическому развращению народа. Задача начального и среднего образования виделась в воспитании русских подданных, сознательных и самоотверженных слуг Бога, Царя, Отечества и народа русского.

Иными словами, декларировалась необходимость последовательного возвращения народа и его образованной части к своим национальным истокам, борьба с ориентацией на западные образцы. В деле воспитания предлагалось опираться не на западные заимствования, а на опыт и теоретические наработки русских педагогов, к которым относились имена Н. И. Пирогова (попечителя Киевского округа) и В. С. Бардовского (директора 1-й Петербургской гимназии). Бесспорным авторитетом русского педагога для черносотенцев являлась М. М. Манасейна, которой Александр III лично поручил разработку вопросов воспитания русских детей. Последняя не смогла довести порученное дело до конца, но оставила обширное наследие в нескольких томах, главным из которых стала выпущенная в 1895 г. в Санкт-Петербурге книга «Основы воспитания с первых лет жизни и до полного окончания университетского образования»⁷. Данный труд, основывавшийся на религиозном воспитании подрастающего поколения, стал настольной книгой консервативных учителей дореволюционной России.

Теоретическое обоснование необходимости возрождения духовной жизни российского общества посредством исправления школы было зафиксировано во всех программных документах крайне правых организаций, которые намеревались создать «здоровую русскую национальную школу» под надзором Церкви и руководством правительства. Для осуществления своей цели черносотенцы выступали с многочисленными проектами и декларациями, направленными на корректировку правительственной политики в данном вопросе. Резкое недовольство состоянием дел в сфере начального и среднего образования, «устроенным безответственной бюрократией», высказывали практически все органы крайне правой печати.

В период между двумя революциями правые активизировали свою деятельность в учебных заведениях России. Вопросы образования рассматривались IV Всероссийским съездом Объединенного русского народа (1907 г.),

Монархическим съездом русских людей в Москве (1909 г.), Нижегородским совещанием уполномоченных правых организаций и правых деятелей (1915 г.). Как отмечала С. М. Никифорова, правомонархисты учредили научно-педагогическое общество, делали конкретные предложения по реформированию начальной и средней школы, поддерживали движение студентов-академистов в высшей школе, вели культурно-просветительную работу среди различных групп населения, в том числе в земских школах и общественных организациях, реализовывали комплекс мер по усилению влияния Православия среди молодежи посредством создания православных братств, гимнастических и трезвеннических обществ⁸. Среди молодежи крайне правые организовывали т. н. «потешные роты»⁹, опыт которых по патриотическому воспитанию был заимствован советской системой образования.

Анализ программных документов крайне правых позволяет выделить следующие основополагающие принципы подхода к организации школьного дела.

Опора на религиозно-нравственное просвещение. Для черносотенцев нравственное состояние человека не зависело от уровня его интеллектуального развития. В отличие от либеральной точки зрения понятие «просвещение» рассматривалось не как комплекс усваивавшихся учащимися основ естественно-научных знаний, а как категория религиозно-нравственного характера. Критикуя либерально-секулярную политику Министерства народного просвещения в области образования, правомонархисты указывали: «Учащиеся не находят смысла в жизни, потому что вместо выставленной веры в Бога в их душах осталось пустое место. Нет смысла в жизни, не стоит и жить, говорят они, и самоубийства учащейся молодежи стали так учащаться, что перешли в эпидемию...»¹⁰.

Исходя из данных оценок, черносотенцы пытались найти оптимальную модель «гармоничного сосуществования» научных знаний с религиозной традицией. Роль Русской Православной Церкви в воспитательном процессе, по их мнению, должна была значительно возрасти, а школе следовало возратить ее просветительскую функцию, направленную на формирование основ нравственности. Следуя данному посылу, в начальной школе юношеству надлежало внушать преданность вере православной, Царю, Отечеству и любовь к своей народности¹¹. Считая необходимым поставить религиозное воспитание в основу учебного дела, они выступали за увеличение часов преподавания в школах Закона Божьего, в котором видели панацею от болезней общества: «Паства сейчас духовно искалечена... Уроки Закона Божьего – это душевные беседы уважаемого и любимого пастыря-миссионера, который является пламенным проповедником слова Божьего среди христиан... которых необходимо предохранить от соблазнов и от влияния лжеучений и воспитать истинными сынами Христианской церкви»¹².

Рассматривая православное духовенство своим союзником в деле воспитания подрастающего поколения, черносотенцы предлагали закрепить за

законоучительским персоналом большие права и привилегии. Черносотенцы возмущались: «Теперь же благодаря программе, составленной инородцами, Закону Божьему отведено только 2 урока в неделю, гораздо меньше, чем французскому, которому отведено 5 уроков, а самого законоучителя держат в черном теле: ему и жалованья меньше и пенсия скудная»; «Теперь стало понятным, в каких целях инородцы так мало уроков предоставили Закону Божью. Вот почему они хотят отделить Церковь от государства. Они хотят в школе вытравить из детской души веру в Бога и во все святое. Они хотят провести в жизнь учащейся молодежи идею самообожания, идею сатанинской гордости... Они хотят внушить ей, что истинный прогресс в отрицании религии, в том, что для прогрессиста нет и не может быть ничего святого, ничего дороже своего я»¹³.

Внедрение верноподданнического сознания. Как отмечал А. В. Репников, еще консерваторы неоднократно подчеркивали преданность русского народа самодержавному Царю¹⁴. По мнению черносотенцев, самодержавный монархизм в народе носил «бессознательный» характер, в то время как политическая ситуация начала XX в. диктовала необходимость «осознанной» его приверженности. Идеологи правомонархических союзов с сожалением констатировали, что идея самодержавия осознается массами только на уровне чувств. В связи с этим свою задачу они видели в трансформации данного понятия из «области чувства в область разума» посредством разработки рациональной аргументации преимуществ монархии перед другими способами правления¹⁵. Задачу перевести стихийный традиционализм масс в качественно новую форму – осознанную консервативную систему взглядов – и должны были выполнять школы при деятельном участии патриотических организаций, в частности: «...способствовать просвещению народа для развития в нем сознательной политической жизни в духе самодержавия...»¹⁶.

Воспитание патриотизма. Важнейшей функцией школы должна была стать защита от вредных идейных влияний посредством культивирования патриотизма. Признавая необходимость противостоять агитационной работе противников самодержавия и «падкость» русского народа на новомодные веяния, черносотенцы предлагали направить народное образование в патриотическое русло. «В России школ недостаточно, особенно мало таких школ, которые действительно воспитывают русских граждан, сознательных и самоотверженных слуг Бога, Царя, Отечества и народа русского», – утверждалось в документах крайне правых¹⁷. В этой связи особая роль отводилась Церкви, проникновение которой в учреждения начального образования приветствовалось как заслон «от растлителей и тлетворных влияний, дабы юношество воспитывалось в духе церковности, государственности и воинского героизма, основанного на исторических примерах и почитании родных героев»¹⁸.

Наибольшую тревогу черносотенцев вызывало состояние высших учебных заведений, ставших в ходе революции вотчинами оппозиции. Первоочередными мерами в сфере высшего образования монархисты называли лик-

видацию автономии университетов, способствовавшей их превращению в «революционные клубы», и увольнение оппозиционно настроенных преподавателей.

Кроме того, правые настаивали на прекращении практики получения образования за границей, следствием которой являлся экспорт революционных идей в Россию. Во главе народного образования предлагалось поставить Русский народный университет, в котором преподавание основывалось на русской исторической традиции: «Нужны высшие школы, русские, патриотические, чуждые политики и разрушительных учений, дающие основательные знания и воспитание, а не одни дипломы со служебными правами»¹⁹.

Черносотенцы ставили будущее России в зависимость от успеха внедрения системы патриотического воспитания. Истоки победы Японии в войне с Россией они находили в японской системе школьного воспитания. «...Грандиозных результатов способна достигнуть нация (японцы. – М. Р.), благодаря высокому подъему своего патриотического духа, и какую поразительную слабость обнаруживает самый многочисленный и, по-видимому, крепкий народ, когда он игнорирует национальный вопрос»; «японцы победили нас не потому, что они сильнее или крепче нас, а потому, что эта победа составляла для них их национальный долг, их патриотическую гордость. Между тем наши войска, от генерала до рядового солдата, заранее пессимистически были настроены против войны, не верили в победу, не стремились к ней и, естественно, не могли ее одержать», – делал заявления орган Союза русского народа газета «Русское знамя»²⁰.

Черносотенцы предлагали заимствовать японский опыт системы школьного воспитания, где царили порядок и уважение к своей родине, а патриотизм составлял основу всех знаний, каких бы предметов это ни касалось: истории, литературы, искусства и т.д. «...Патриотизм с раннего детства прививается японцу повсюду: и дома, среди окружающих его родных, и в школе, начальниками и учителями, и в храме, и в обществе; он впитывается с молоком матери; и, главное, прививается и впитывается не в форме сухой морали, путем прописных истин, а живым примером глубокой патриотической проникновенности старших. У нас не было, да и теперь нет таких патриотических школ и заведений...», – писала черносотенная пресса²¹. Даже западная система образования выгодно отличалась от российской, так как в тамошних школах детей прежде всего учили быть: немцев – немцами, англичан – англичанами.

Придание практического (прикладного) характера школе. Признавая необходимость введения всеобщего начального образования, монархисты стремились придать ему сугубо практическую направленность, делая акцент на ремесленных и сельскохозяйственных школах, чем хотели решить одновременно две задачи: стимулировать развитие экономики повышением уровня технической грамотности населения и сохранить сословную структуру общества. Следуя данному письму, Союз Михаила Архангела в мае 1912 г. наста-

ивал на жесткой специализации образовательных учреждений: «Нужны, главным образом, ремесленные учительские школы, подготавливающие учителей и воспитателей здоровых, верующих, проникнутых духом служения Отечеству и любви к нему. Нужны средние школы, выпускающие русское юношество к русской жизни, с курсами настолько законченными, чтобы давали выход к практической жизни и без высшей школы»²². В целях укрепления сословности и иерархии в апреле 1908 г. «Русское знамя» предлагало открыть как можно больше сельскохозяйственных (для крестьян), ремесленных и технических (для мещан), торговых (для купцов) образовательных учреждений²³.

Ликвидация народного невежества. Помимо нравственного воспитания населения и внедрения таких принципов, как любовь к Родине, уважение и почитание Церкви, трепетное отношение к семье, основная задача сельских школ должна была состоять в ликвидации народного невежества. Высокий уровень детской смертности в стране ставил решение этой проблемы на повестку дня: «По количеству умирающих грудных детей наша Россия в ряду европейских государств занимает первое место. Число умирающих грудных детей доходит приблизительно до 1200000 в год». Крайне правые предлагали ориентировать школы на распространение «особенно среди крестьянских матерей понятия о более правильном уходе за грудными детьми. Дети мрут, главным образом, от страшного небрежения матерей... Большинство из них не хотят кормить своего ребенка грудью, не хотят быть его настоящей матерью, как назначила сама природа»²⁴.

Указывалось, что причина такого положения – поражающее невежество и предрассудки: «Питание ребенка, сон его, покой, опрятность – все это опутано глупостью, сложившейся путем безотчетного подражания, и только железные натуры среди детей в силах это преодолеть»²⁵. В частности, «в раннем младенчестве дети крестьян лишены молока матери и сколько-нибудь умеренного ухода. По беспросветному невежеству народа распространился пагубный обычай не кормить детей грудью или кормить очень недолго. В то время как инородцы – евреи, татары, чуваша вскармливают детей как должно... русские матери отказывают младенцам в молоке, и по невежеству они вместо груди дают соску. Эта соска (из жеваного хлеба, творогу, каши и т.д.) истинный бич Божий. Он вырывает из жизни тысячи деревенских детей, особенно в летнюю пору. Поэтому борьба с детской смертностью есть по преимуществу борьба с гнилою соской. Хотя дети гибнут и от множества других причин, но главная причина детской смертности – эта»²⁶.

Решение материальных проблем школы. Исправление положения в деле народного просвещения виделось в улучшении материального положения учительского состава, повышении жалования, которое ликвидирует почву для озлобления и вражды к правительству. Черносотенцы считали, что по своей природе человек не тяготеет ко злу, а является жертвой «дурных инстинктов, порождаемых тяжелыми условиями жизни, в которые он поставлен»²⁷. Попытки подорвать оплот народного образования на селе не прекра-

Слушательницы женской учительской семинарии. 1902 г. Из коллекции М. С. Парийского

тились и с созданием русского парламента. Так, комитет по делам земского хозяйства Государственной Думы обвинялся крайне правыми в том, что «систематически стремится отнять всякое пособие у церковноприходских школ, единственных школ, могущих поддержать русское дело»²⁸. Предложение Думы урезать финансирование низших церковных образовательных учреждений (их в стране насчитывалось 45 тыс.) рассматривалось черносотенцами не только как удар по народному образованию, но и как уничтожение «последнего оплота борьбы против революции».

Как видим, важную роль в своей деятельности правые отводили воспитанию подрастающего поколения, стремясь оградить его от проникновения оппозиционных идей. Черносотенцы указывали, что после подавления революции, когда появились первые ростки национального движения, Союз русского народа тут же поддержал его, создавая школы и гимназии, в которых осуществлялось национальное воспитание²⁹. Считалось, что именно крайне правые организации должны были дать импульс по преодолению национального упадка. В обязанностях члена Союза русского народа говорилось: «Член Союза русского народа, и вообще русский человек, должен не по имени только, но всей душой быть преданным и верным своей родной православной вере и в правилах её должен учить и воспитывать свою семью; врагов своего царя русский человек не должен принимать в свой дом, не должен вверять им обучение своих детей; врагов своего царя русский человек должен чуждаться

во всех своих общественных делах и предприятиях... во всяком деле и на всяком месте русский человек должен поддержать прежде всего своего родного брата, русского человека»³⁰.

Но создать широкую сеть школ и других учебных заведений под эгидой монархических партий черносотенцам так и не удалось. Объясняется это, в первую очередь, отсутствием средств, так как финансирование учебных заведений производилось за счет добровольных пожертвований, приток которых не отличался стабильностью. Данную проблему предлагалось решить за счет состоятельных слоев общества: «Дело Государственной Думы обратить внимание, главным образом, на цифры доходов и расходов. Одно из средств увеличить доход – это ввести справедливый строгий подоходный налог и большой налог на наследство богачей»³¹. Трудно было найти и преподавательские кадры для школ. В этот период в стенах учебных заведений преобладали оппозиционные настроения, поэтому представляется весьма вероятным и то, что сами учащиеся не очень охотно шли в черносотенные школы.

2. Защита крестьянской общины и землевладения, укрепление русской экономической основы хозяйствования. Помимо укрепления религиозно-нравственных основ черносотенцы уделяли внимание хозяйственной сфере, долженствующей обеспечить материальную основу возрождения русского народа. Первоочередным предметом забот правительства должно было стать сохранение за русским народом приоритета в сфере сельскохозяйственного производства, для чего предлагалось реализовать комплекс мер по укреплению крестьянской общины, решению проблемы малоземелья, упрочению русского землевладения как на коренных русских территориях, так и на национальных окраинах³².

Под тезисом об укреплении крестьянского землевладения на коренных русских территориях подразумевалось недопущение перехода земель в руки несельхозпроизводителей или, иначе говоря, декларировался принцип фактической неотчуждаемости земель земледельческих сословий. Состоявшийся в 1909 г. в Москве Монархический съезд заявлял, что крестьянское землевладение должно быть ограждено от «скупки и перехода каким бы то ни было способом к лицам иных сословий, инородцам и особенно евреям». Мещанству предоставлялось право приобретения лишь некрестьянских земель, а казачеству – только в пределах войсковых областей³³. Иными словами, в «коренных областях» продажа и аренда частной земли могла осуществляться только православными сельхозпроизводителями.

Выступая против столыпинской реформы, сторонники А. И. Дубровина* (в отличие от обновленцев) указывали, что уничтожение крестьянской об-

* Дубровин Александр Иванович (1855 – 1921) – детский врач, статский советник, вождь Чёрной сотни, организатор и председатель Главного совета Союза русского народа, член Президиума Монархического Движения. Благословил А. И. Дубровина на борьбу с революцией и на защиту святынь русского народа святой праведный Иоанн Кронштадтский, вручая ему хоругвь и знамя Союза русского народа.

щины приведет к потере крестьянским сословием основного средства производства – земли, так как в условиях неготовности крестьян к проникновению капиталистических отношений в деревню основными бенефициарами преобразований станут ростовщический капитал и земельные спекулянты. Указывалось, что Закон от 9 ноября 1906 г., дозволявший залог и продажу надельной земли, неизбежно обострит социальные противоречия на селе, так как создаст массу выброшенных на рынок труда лишенных средств производства сельских тружеников, которые неизбежно подвергнутся закабалению или пополнят ряды революционной армии³⁴.

Основания для таких утверждений крайне правые находили в результатах крестьянской реформы 1861 г. Ссылаясь на пример пятидесятилетней давности, черносотенцы напоминали, что полученные из казны за урезанную в пользу крестьян землю компенсационные средства часть помещиков по своей неподготовленности растратила, вместо того, чтобы вложить в оборот. Финансовая несостоятельность заставила их закладывать и продавать земли ростовщикам, которые сделали ее объектом спекуляций. В целях недопущения такого развития событий, по мнению крайне правых идеологов, правительству следовало бы установить систему, не допускающую продажу земли и закрепляющую ее в наследственную семейную собственность. Ошибка правительства Александра II состояла в том, что при проведении Великой реформы не были введены правила, согласно которым продажа земли могла быть допущена только с разрешения правительства и только представителям дворянского или крестьянского сословий. Эти меры поставили бы преграду перед земельными спекуляциями: «И тогда бы русская земля, политая кровью и потом русского народа, не осталась бы инородцу, а осталась бы в руках народа-хозяина»; «А теперь посмотрите, большая часть лучших русских земель в руках инородцев, немцев, поляков, жидов и пр., пр., и даже, стыдно сказать, иностранцев»³⁵.

В аграрных мероприятиях правительства Столыпина черносотенцы видели серьезную угрозу и традиционным устоям страны, так как потеря крестьянством земли – основы русской государственности, неизбежно привела бы к утрате государством национальной идентичности³⁶. Здесь они вновь обращались к опыту реформы 1861 г., деструктивность которой виделась в разрушении оплота самодержавия на селе: «Лишившись земли, почвы под ногами, может ли дворянство быть так твердо, как прежде, так же авторитетно поднять свой голос за веру, царя и Отечество?»³⁷ Следствием крестьянской реформы стало не только увеличение безземельного дворянства, в ряды которого проникли оппозиционные настроения, но и разрушение помещичьего класса, представлявшего «культурную, а не кулачную, обычную теперь силу нравственную и материальную, следовательно, независимую»³⁸.

В целях локализации негативных последствий столыпинской аграрной реформы черносотенцы предлагали принять закон, закрепляющий

крестьянское землевладение в семейную собственность с правом продажи (только при переселении) при согласии всех членов семьи в общественный земельный запас при общине. Это гарантировало бы сохранение земли в руках сельхозпроизводителей и предотвратило бы земельные спекуляции со стороны «скупщиков – кулаков, хищников инородцев и пр., всяческими способами истощающих русские земли»³⁹. При этом крайне правые не теряли надежды исправить ошибку 60-х гг. XIX в., лелея надежду на возвращение дворянству потерянной в результате Великой реформы земли. Здесь черносотенцы выступали за укрепление и единение крестьянского и дворянского сословий, не видя непреодолимых между ними социально-экономических противоречий.

В связи с невозможностью остановить набирающую темпы аграрную реформу крайне правые выдвинули идею установления строгого запрета на покупку земель инородцами, а уже имевшиеся в их руках угодья рекомендовали передать дворянскому или крестьянскому сословию. Предлагалось законодательно запретить еврейское землевладение, как «непосредственно, так и под прикрытием анонимных компаний (безымянных товариществ) и аренд на чужое имя, дабы русская земля стала действительно русскою»⁴⁰. Состоявшийся в ноябре – декабре 1911 г. в Москве Всероссийский съезд Союза русского народа потребовал ограничить скупку земель в Юго-Западном крае немцами и поляками⁴¹. Особо подчеркивалось, что принятие указанных законов не потребует никаких материальных затрат для правительства и будет «мирным ответом на смуты инородцев»⁴².

Для укрепления русских крестьянских хозяйств черносотенцы предложили систему мер по развитию землеустройства и земледелия, страхованию сельскохозяйственного инвентаря и оборотного денежного фонда, борьбе с перекупщиками и ростовщиками в хлебной торговле, которые, «роняя хлебные цены для хлебопроизводителя и, с другой стороны, взвинчивая цены для хлебопотребителей русских и иностранных, обирают тех и других»⁴³. Для нейтрализации последних предлагалось ввести государственную монополию хлебного вывоза за границу и организовать сеть земских и государственных элеваторов⁴⁴.

Остро стоявшую проблему малоземелья в коренных русских губерниях планировалось решить за счет окраин посредством «планомерного переселения туда избытка русского населения и укрепления там чисто русской государственности русскими руками»⁴⁵. Впервые сформулированное состоявшимся в апреле – мае 1907 г. в Москве IV Всероссийским съездом Объединенного русского народа данное предложение⁴⁶ получило детальное развитие в Своде основных понятий и положений русских монархистов, выработанных IV Всероссийским съездом Союза русского народа, состоявшимся в мае 1912 г.⁴⁷ В этих целях предлагалось предоставить крестьянству преимущественные права на приобретение и аренду казенных земель, заселение свободных территорий. «Все свободные земли в Закавказье

казье должны быть предоставлены русским православным крестьянам по закону 1 мая 1900 года», – провозглашалось в постановлениях II Всероссийского съезда русских людей, состоявшегося в апреле 1906 г. в Москве⁴⁸. Здесь проявляется комплексный подход крайне правых к проблеме удержания окраин, которое должно было происходить не только силой, но и культурно-экономической экспансией русского трудового населения.

Массовая колонизация окраин решала и другую важную задачу: прикрепляла инородческие территории к русской метрополии. Прочное закрепление за русским крестьянством пустующих пространств империи, обреченных в противном случае стать объектом военного и экономического завоевания соседних стран, несло за собой поднятие культуры земледелия покоренных народов и экономическое развитие территорий. Наиболее благоприятные условия для переселения крестьянства представлял Туркестан, где «масса незанятых земель, юридически считающихся собственностью туземцев, земельный быт которых не устроен. При условии правильного отношения земля дает громадные урожаи. Но Туркестан не имеет свободных рук. Надо вселить сюда возможно большее количество русских из внутренних губерний», – предлагала черносотенная газета «Земщина»⁴⁹.

Первостепенным объектом русской колонизации должны были стать мятежные окраины: Польша, Финляндия, Кавказ, Закавказье, а также коренные русские земли, подвергшиеся экономическому натиску инородцев. Крайне правые планировали переломить ситуацию в западных губерниях России, где согласно их заявлениям, «покоренные нами поляки не только посягают на нашу православную веру, но и хотят отобрать земли, завоеванные земли и облитые родной кровью веками победоносного всероссийского воинства»⁵⁰. Озабоченность нестерпимым положением русского 18-миллионного населения Западной Руси звучала и с думских трибун⁵¹. «С 1905 года наступила не свобода исповедовать беспрепятственно любую веру, а свобода насиловать совесть православных. Все служащие и работающие у поляков-помещиков, все арендующие их землю и все зависящие от них материально подверглись натиску – меняй веру или убирайся прочь! Многие не устояли под угрозой лишиться куска хлеба. Среди православного населения идет самая яростная агитация... Народу внушают, что сам царь принял католичество, что скоро у православных отнимут землю, что каждый католик делается паном»⁵², – сообщал участникам состоявшегося в сентябре 1909 г. Монархического съезда русских людей Г. К. Шмидт*.

Православная «реконкиста» в западных губерниях должна была проходить при деятельной поддержке властей. Черносотенцы указывали, что

* Густав (в православном крещении Михаил) Карлович Шмидт (1852 – 1916) – общественный деятель и публицист, член правой фракции III Государственной Думы, активный участник монархического движения в Западной Руси.

православное население Западного края находилось в неравном экономическом положении с польскими землевладельцами, так как было значительно ограничено в получении банковских кредитов на расширение наделов, развитие и интенсификацию сельскохозяйственного производства. С дотошностью изучившие в этом регионе ситуацию крайне правые функционеры утверждали, что польское землевладение укреплялось благодаря Виленскому земельному банку. Будучи создан для проведения строго национальной экономической политики по поддержанию и развитию русского землевладения, он быстро оказался в польских руках и переориентировал свою деятельность на то, чтобы «ни единой пяди польской земли не перешло к москалям». Назначенный контролировать работу банка правительственный чиновник получал жалование от самого же банка, определявшего и размер такового жалования. В результате само русское правительство невольно финансировало экономическое усиление поляков, так как покупало закладные листы банка, – возмущались участники состоявшегося в 1909 г. в Москве Монархического съезда русских людей⁵³.

Слабая надежда на помощь властей в охране белорусского, украинского и русского населения западных губерний от «порабощения» поляками приводила крайне правых к мысли о необходимости самостоятельной мобилизации на противодействие враждебным поползновениям. «Передовые борцы на сторожевых постах северо-западной окраины, нам прежде всего нужно сплотиться, так как поодиночке нас легко одолеют многочисленные враги России», – обращались к русскому населению западных губерний руководители Союза русского народа⁵⁴. В этих целях предлагалось формирование православных братств самообороны под патронажем Русской Православной Церкви. В частности, состоявшийся в мае 1912 г. IV Всероссийский съезд Союза русского народа постановил ходатайствовать об учреждении при Святейшем Синоде Западно-Русского братства для координации деятельности существующих в западном крае православных структур⁵⁵.

В вопросах защиты русского крестьянского землевладения жестко следившие за чистотой идеологических установок черносотенцы готовы были поступиться принципами и объединиться с конституционными партиями. Так, состоявшийся в 1909 г. Монархический съезд в Москве признал возможным сотрудничество с Всероссийским национальным союзом (ВНС) «на западе России, где русская народность во всех отношениях жестоко страдает от притеснений поляков и евреев, объединившихся для экономического и национального порабления русских, где возникает стремление украинофильства к сепаратизму...»⁵⁶. Оба движения предлагали идентичную систему мер по противодействию инородческой угрозе посредством ужесточения правовой и экономической дискриминации.

В целях поощрения крестьянского переселения и лишения крамолы экономической основы черносотенцы высказывали даже мысль о насиль-

ственном отъеме у инородцев земельной собственности. Политическое обоснование этих дискриминационных мер в декабре 1907 г. дала газета «Русское знамя»: «Безопасность каждого государства требует одноплеменности его народа. Если бы в России... отнимали земли у поляков, хотя бы восставших только... для поселения на польских землях русских людей и хотя бы даже крестьян, то это вовсе не было бы принудительным отчуждением земли у владельцев в пользу крестьян, но отбиранием имущества у неблагонадежных людей ради государственной безопасности. Такое отчуждение земли можно было бы лишь приветствовать...»⁵⁷.

С началом I Мировой войны крайне правые выступили с очередной инициативой по расширению русского крестьянского землевладения за счет конфискации земельной собственности немецкого населения империи. «Достояние православной России, т.е. земля русская, ни одной пядью своей не должно принадлежать немцам и жидам», – декларировало в своих решениях Совецание уполномоченных правых организаций и правых деятелей, состоявшееся в ноябре 1915 г. в Петрограде. Черносотенцы потребовали от правительства распространить на всю Россию действие закона от 2 февраля 1915 г. о ликвидации немецкого землевладения и *запретить* покупку земли всеми подданными враждебных государств⁵⁸.

Оправдывая применение столь жестких мер, черносотенцы ссылались на опыт «цивилизованных» стран Запада: «В составе Германии находится только одно не немецкое племя – поляки, которые сохраняют свой язык и обычаи исключительно благодаря земле, на которой они живут кучно. Если лишить их земли, то, рассыпавшись по всей Германии, они быстро потеряют свои народные особенности и сольются с немцами. В этих государственных соображениях решено правительством Германии приступить к отчуждению земель не у собственников вообще, но только у поляков. Отнятие у поляков земель с вознаграждением их из государственной казны явится лишь следствием государственной необходимости, случаем частным, а не общим правилом. Поэтому выставлять этот случай примером государственного отчуждения земельной собственности вообще является неправильным приемом»⁵⁹.

3. Борьба с пороками народа, в частности, с пьянством. Важнейшее средство духовного и физического спасения русского народа черносотенцы видели в борьбе с народным пьянством. В советской историографии причина всесословного характера черносотенных организаций объяснялась привлечением значительного числа представителей непривилегированных сословий за счет «даровой водки»⁶⁰. Мнение о целенаправленной алкоголизации населения для отупления народных масс и отвлечения их от революционной борьбы, получившее широкое звучание в либеральной и революционной прессе, заставляло черносотенцев оправдываться: «Газету же “Русское знамя” никто из знающих ее не понаслышке не заподозрит в покровительстве пьянству и в потакательстве “винополии”»⁶¹. На-

Антиалкогольный плакат

оборот, анализ программных документов и деятельности крайне правых организаций опровергает возведенные обвинения. Страницы черносотенных газет кричали о необходимости «принять надлежащие меры к скорейшему ослаблению этого зловредного порока...»⁶² Проводя широкую культурно-просветительную работу, монархические организации не только резко выступали против народного пьянства, но и сделали ряд серьезных предложений по борьбе с этим социальным злом. В 1909 г. вопрос о борьбе с пьянством был вынесен на обсуждение состоявшегося в Москве Монархического съезда русских людей, на котором была создана специальная комиссия и выработана программа, направленная на сокращение потребления населением алкогольных напитков.

Обращаясь к истокам народного пьянства, крайне правые находили их в незрелости населения и отсутствии государственного протекционизма. В отличие от своих политических противников монархисты не акцентировали внимание только на критике желающего пополнить казну правительства, находя благодатную почву для пьянства в народном невежестве. В газете «Русское знамя» в упрек населению говорилось, что «больше всего виновато оно само в том, что погибает от пьянства, и никто не сможет помочь, если само крестьянство помочь себе не захочет...»; «Пьянство в народе будет процветать, пока он останется непросвещенным, пока выпивка будет являться почти единственной формой общения, пока деятельность попечительств о народной трезвости будет стоять на ложно-пагубном пути при-

вития народу яда космополитических идей, пока малоземельный крестьянин периодически голодает и почти всегда недоедает»⁶³. В связи с этим черносотенцы предлагали усилить просветительскую работу среди населения.

Понимая, что одних запретительных мер для борьбы с пьянством недостаточно, монархисты развернули активную антиалкогольную кампанию. Впервые в российской истории черносотенцы попытались мобилизовать широкие народные массы, объявив борьбу с пьянством всенародной задачей: «Если теперь удастся поднять могучее народное движение, в котором примут участие все слои общества, то мы можем надеяться на победу над огромной силой капитала пивоваров и винозаводчиков»⁶⁴. На базе провинциальных черносотенных организаций по всей стране создавались общества трезвости. Возглавив широкое трезвенническое движение, черносотенные идеологи надеялись на повторение успешного зарубежного опыта: «Если такая свободолюбивая страна, как Северная Америка, являет примеры целых штатов с абсолютным запретом алкоголя, даже в форме пива и виноградных вин... почему бы не начать вытрезвлять наше пьяное царство не той или иной посудиною или крепостью питей, не театрами или танцами, или, наконец, чтением и фонарями волшебными, а полным упразднением водки»⁶⁵. Для отвлечения народа от кабаков и винных лавок правые использовали многообразные средства: открывали библиотеки, читальни, народные дома, организовывали благотворительные театральные представления, литературные вечера, концерты, лекции в школах. В проповедях против пьянства активно использовалась и печатная агитация: издание воззваний, обращений, листовок, брошюр. Велась борьба и с таким негативным следствием пьянства, как хулиганство.

В целом, система мер для борьбы с народной бедой включала следующие позиции.

Ужесточение условий продажи и повышение цен на алкогольную продукцию. Крайне правые предлагали снизить производство водки с сохранением доходов казны за счет поднятия цен на алкогольную продукцию: «Как ни говори, а если бы “мерзавчик” стоил 4 рубля, а не 4 коп., то от него пришлось бы отказаться очень и очень многим, совершенно точно так же, как отказываются от шампанского люди, не могущие платить по 6 руб. за бутылку»⁶⁶. Для более эффективной борьбы с пьянством на страницах черносотенной печати выдвигалось мнение о необходимости «передать монопольную продажу вина обществам трезвости с широкими национально-русскими задачами и свободным приливом консервативных сил народа»⁶⁷, а также «сократить число кабаков и дней торговли вином, способствуя этим сокращению повального пьянства, с исчезновением которого исчезли или значительно уменьшились бы голодовые недоборы в налогах, деревенская безнравственность, а с нею всякого рода насилия и поджоги, одинаково разорительные как для отдельных лиц, так и для государства»⁶⁸. В перспективе ставилась задача закрыть все торговые точки.

Борьба с незаконной продажей алкоголя. Для борьбы с тайными питейными заведениями (шинкарными и корчмами) предлагались меры как репрессивного, так и экономического характера. На беспощадное искоренение незаконного промысла должны были быть ориентированы как властные, так и правоохранительные органы на местах (старшины, становые, исправники и земские начальники). При неспособности государства решить эту проблему предполагалось использовать народный самосуд. Экономический блок включал создание конкуренции путем открытия государственных питейных: «Опыт показывает, что при казенках тайное корчемство не процветает. Там, где “казенки” нет, корчемство развивается открыто и спокойно, ибо там нет никакого надзора, никакого препятствия»⁶⁹.

Прекращение экспорта спирта из-за границы. Черносотенцы указывали правительству на недопустимость экспорта спирта из-за границы по соображениям не только сбережения народа, но и защиты отечественного производителя. В июле 1907 г. «Русское знамя» писало: «...придется уплатить за спирт лишний десяток миллионов золотом, а за границу и без того уходит его на погашение и по нашим займам на сумму около 400 млн. рублей»⁷⁰. Политика правительства казалась не поддающейся логическому разумению: «Какой же расчет, с одной стороны, увеличивать бюджет за счет народного пьянства, а с другой – тратить десятки миллионов на помощь голодающим, терпеть недобор налогов и способствовать вырождению никуда не годных физически и нравственно поколений»⁷¹. Кроме того, сокращением закупок спирта у русских помещиков государство лишало их финансового подспорья, а деревенских рабочих – заработка⁷².

Сохранение государственной монополии на продажу алкоголя. Впрочем, черносотенцы понимали бесперспективность принятия властями многих своих предложений. Исходя из мнения о том, что полностью отказаться от продажи алкоголя в государстве невозможно, важнейшей мерой по спасению русского народа от деградации могло стать сохранение государственной монополии на продажу водки. При этом черносотенцы высказывали следующие соображения. Монополия является меньшим злом по сравнению с акцизной продажей алкоголя, на введении которой настаивали политические противники крайне правых – кадеты, октябристы и националисты. Введение монополии на продажу водки признавалось черносотенцами за правительством Витте единственной заслугой: «...за эту монополию графу Сергею Юльевичу простится... четверть Сахалина, отданного им японцам. Сознывая возможность регулирования потребления водки, граф Витте думал, вероятно, об увеличении этого потребления – в целях пополнения казенного сундука, конечно. А вышло так, что орудие, скованное им, способно также успешно задержать и обуздать распространение пьянства. Что ж, случается, что изобретатель сложной машины сам не знает, какие благодетельные силы кроются в его изобретении»⁷³.

Оспаривая тезис националистов о вине монополии в усилении пьянства, газета «Русское знамя» писала: «Нельзя же в самом деле поверить, чтобы серьезные, умные и образованные люди... вроде, например, Меньшикова*, – чтобы такие люди могли действительно воображать, что монополия виновата в усилении пьянства и что с возвращением к системе акцизов или откупов все народонаселение России сразу превратится в трезвенников, от водки же неказенной – станут с негодованием отказываться даже продрогшие на морозе ломовые извозчики, даже когда ее будут подносить “на даровщинку”»⁷⁴. При этом идеологи крайне правых признавали, что «с внедрением монополии смертность от алкоголизма почти не уменьшилась»⁷⁵. Однако вина за это налагалась на бюрократический аппарат, выступивший «непосредственным и прямым защитником кабака... обнаружив систематическое противодействие составлению сельскими обществами приговоров о закрытии казенных лавок»⁷⁶.

Защита монополии зиждилась не на признании ее достоинств, а на возможных негативных последствиях ее отмены. Введение акцизной продажи водки грозило масштабным спаиванием населения дельцами, заинтересованными лишь в собственной выгоде. Иными словами, монополия была меньшим из зол: «Монополия – великая сила. В ней единственный способ бороться с синдикатами, делающими жизнь современного человечества совершенно невыносимой»⁷⁷. В декабре 1912 г. «Русское знамя» заявляло: «Акционеры пивных и водочных заводов, а также другие лица, заинтересованные в потреблении алкоголя, суть тяжкие преступники перед страной и своим народом»⁷⁸. При уничтожении монополии, введении акцизов на производство спирта и появлении откупщиков в алкогольной отрасли появился бы слой предпринимателей, напрямую заинтересованных в увеличении производства и продаж. Законы рынка привели бы к конкуренции, снижению цен, «облегчению» реализаций (кредит при покупке и т.д.), распространению шинкарных, принимающих в залог и «сапоги, и шапку, и соху, и борону и т.п. уже изведенные Россией прелести частной торговли “питей”»⁷⁹. Черносотенцы указывали, что ликвидация монополии закончится взрывом народного пьянства: «Смешно же предполагать в самом деле, что при “откупах” будут пить меньше, чем теперь, или что с введением акцизной системы нынешние “спившиеся” деревни сразу дадут зарок даже не нюхать водки... Нам сдается, что будет совсем наоборот»⁸⁰.

Вопрос об отмене монополии стал для крайне правых очередным поводом обратить внимание на ущербность парламентских институтов власти, оказывавшихся подчиненными не «воле народа», а интересам крупной буржуазии. Крайне правые указывали, что борьбу с монополией ведет колоссальный капитал, вложенный в пивоварение, винокурение и трак-

* Михаил Осипович Меньшиков (1859 – 1918) – ведущий публицист «Нового времени», один из основателей и идеологов Всероссийского национального союза и Всероссийского национального клуба.

тиры: «...этот капитал прямо или косвенно повелевает печатным словом и не позволяет истинному знанию проникнуть в народ»⁸¹. Доказывая тезис о продажности депутатского корпуса и бюрократии водочным и винным королям, черносотенцы ссылались на пример Франции, где пьянство «гораздо более пагубнее, чем у нас...»⁸². Лоббирование интересов французских винопроизводителей оборачивалось деградацией населения, демонстрируя «гибельную картину нравственного растления Франции и вырождения ее населения по причине непомерного употребления алкоголя».

Зависимость русской правительственной бюрократии и депутатов Государственной Думы от тугих кошельков претендентов на занятие водочной ниши находила отражение на страницах черносотенной прессы: «Ужасный вред, причиняемый пьянством стране, хорошо сознается ее правительством и представителями народа, но, тем не менее, реформы к ограничению пьянства не вносятся в законодательную палату министерством из боязни быть отвергнутыми депутатами, ставящими свои интересы выше общественных, из боязни не быть избранными вновь, если пойдут против выборных заправил, во главе которых стоят кабатчики, винокуры, возделыватели свеклы и картофеля и фальсификаторы вина и которым общественное пьянство служит средством для личного обогащения»⁸³. Крайне правые прямо указывали, что выступавшие за отмену монополии думские фракции октябристов, кадетов и националистов лоббируют интересы спиртопроизводителей. «Их ненависть не столько к водке и пьянству, сколько к “монополии” – т. е. к казенным доходам казны от продажи спирта. Очевидно, главной целью является не уменьшение употребления спирта, а изъятие его продажи из казны...», – утверждали монархисты⁸⁴. Иными словами, «прогрессивные трезвенники», как черносотенцы называли представителей вышеуказанных депутатских фракций, ополчились не на водку, а на монополию.

Предпочтительность сохранения монополии базировалась на ее недостатках как коммерческого предприятия. Бюрократическая машина империи не выдерживала критики как эффективный управленец, что подчеркивало «Русское знамя»: «Государственная власть, казна – единственный безличный и бескорыстный принцип, могущий не поддаться соблазну крупной – очень крупной – выгоды от продажи водки»⁸⁵. Государственные управленцы не гнались за сверхприбылями, проявляя безразличие, «сколько миллионов получит одно ведомство, недобор которого покроется увеличением доходов или уменьшением расходов по другим ведомствам»⁸⁶. В данном случае общеизвестные недостатки бюрократии оборачивались пользой для народа: «...равнодушие к успеху государственного дела, которому служат господа, получающие содержание каждое двадцатое число. На казенных заводах подобное безразличие чиновников и продавцов казенных винных лавок мешает расширению употребления спирта. Они ведь все равно жалованье свое получают»⁸⁷.

Другой положительной чертой монополии являлось приемлемое качество производимого спиртного, что было бы утеряно при введении акциза. Передача производства и реализации алкоголя в частные руки в условиях рынка заставила бы предприятия увеличивать производство за счет качества: «Мы считаем водку отравой, но именно потому находим, что изготовлять эту отраву и распоряжаться ею может только казна, т.е. только государство, которому несомненно выгодно уменьшение пьянства, а не его увеличение»⁸⁸. На примере Франции черносотенная пресса предупреждала, что ликвидация монополии неизбежно приведет в этот бизнес еврейских предпринимателей, которые в погоне за прибылью будут производить фальсифицированные алкогольные напитки. Даже в условиях монополии имелись многочисленные факты фальсификата, производимого еврейскими гешефтмахерами: «Когда же правосудию, напуганному громадным количеством жертв или припертому к стенке очевидностью фактов, доказывающих отравление того или иного напитка, удастся добраться до первоисточника отравы, то... всегда и везде виновником оказываются евреи»⁸⁹. Крайне правые указывали, что неотягощенные сантиментами по поводу здоровья «гоев» предприниматели в ермолках выбрасывали на рынок некачественный продукт для извлечения максимальной прибыли: «Русский народ уже не спаивают только, его отравляют... все те же враги законности и порядка, царя и Бога»⁹⁰.

В требовании сохранения государственной монополии на продажу водки черносотенцы проявляли государственный подход, видя в ней неисчерпаемый источник пополнения бюджета страны: «Винная монополия предпринята исключительно в целях увеличения средств государственного казначейства путем незаметного повышения продажной цены вина, а равно в целях сокращения смертности от алкоголизма»⁹¹. В случае введения акцизных продаж произойдет перераспределение прибылей из кармана государства в кошелек предпринимателей. Это неизбежно отразилось бы на финансировании армии и флота, что было недопустимо в условиях роста международной напряженности. Черносотенцы также подозревали, что в борьбе с монополией их политические противники преследовали далеко идущие планы ослабления государства посредством опустошения его бюджета и принуждения власть предержащих к переговорам по путям реформирования страны.

Рассуждая о перспективах крайне правого движения в России, черносотенные идеологи приходили к выводу, что основной задачей их союзов в ближайшем будущем должна стать защита интересов наиболее угнетенных слоев населения в целях ликвидации правового дисбаланса между верхами и низами. Разрабатывая в мае 1916 г. проект «Основных положений народных монархических союзов», Н. Н. Тиханович-Савицкий* писал, что

* Нестор Николаевич Тиханович - Савицкий (1866 – 1917) – астраханский купец, один из руководителей монархического движения, основатель и руководитель Астраханской народно-монархической партии и Президиума монархического движения.

по своему составу они должны быть «преимущественно союзы просто-народные» и ставить целью повышение благосостояния народных масс, под которыми понимались «крестьяне, рабочие, мещане, разные служащие и вообще бедный малосостоятельный люд...»⁹². Реализация этой задачи, по его мнению, могла установить социальную гармонию в обществе, служить единению разных слоев русского народа и обеспечивать политическую стабильность в государстве, исповедующем принципы Православия, самодержавия, народности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. М., 1999. С. 55.

² Русское знамя. 1913. 16 марта.

³ Там же. 1911. 9 марта.

⁴ Там же. 1913. 16 марта.

⁵ Там же. 1908. 4 января.

⁶ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1265. Л. 6.

⁷ Русское знамя. 1908. 4 января.

⁸ Никифорова С. М. Политическая борьба правых партий за сохранение самодержавия в России (1905 – 1917 гг.): автореф. дис.... канд. ист. наук. Орел, 1999. Режим доступа: <http://dissertationl.narod.ru/avtoreferats/avtorefl67.htm>

⁹ Размолодин М. Л. Черносотенные организации губерний Верхнего Поволжья в 1905 – 1914 гг. (на материалах Ярославской, Костромской и Владимирской губерний). Ярославль, 2001. С. 197.

¹⁰ Русское знамя. 1911. 18 марта.

¹¹ ГОПБ. ОРК. Кор. № 46/2. № 981/33.

¹² Русское знамя. 1911. 18 марта.

¹³ Там же.

¹⁴ Репников А. В. Русские консерваторы о природе и сущности самодержавного государства и власти //Перспективы: фонд исторические перспективы. (Электронный ресурс). М., 2008. Режим доступа: http://www.prospekts.ru/hisrory/russkie_konservatory_o_priode_i_suschnosti_samoderzhavnogo_gosudarstva_i_vlasti_2008-10-27-11-52.htm

¹⁵ Русское знамя. 1907. 22 мая.

¹⁶ Колокол. 1908. N 642. Приложение.

¹⁷ Прямой путь. 1912. Вып. V (май).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Русское знамя. 1908. 13 января.

²¹ Там же.

²² Прямой путь. 1912. Вып. V (май).

²³ Русское знамя. 1908. 3 апреля.

- ²⁴ Там же. 4 января.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. 13 января.
- ²⁸ *Вече*. 1909. 30 сентября.
- ²⁹ *Русское знамя*. 1911. 27 апреля.
- ³⁰ Там же. 1910. 28 января.
- ³¹ Там же. 1908. 3 апреля.
- ³² *Русское знамя*. 1907. 18 сентября.
- ³³ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1909. Оп. 1. Д. 172. Л. 124.
- ³⁴ *Русское знамя*. 1910. 2 июня.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1909. Оп. 1. Д. 172. Л. 124.
- ³⁷ *Русское знамя*. 1910. 2 июня.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ *Прямой путь*. 1912. Вып. V (май).
- ⁴¹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 74 – 78.
- ⁴² *Русское знамя*. 1910. 2 июня.
- ⁴³ *Прямой путь*. 1912. Вып. V (май).
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ *Вестник Союза русского народа*. 1912. № 104.
- ⁴⁶ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 96.
- ⁴⁷ *Вестник Союза русского народа*. 1912. № 104.
- ⁴⁸ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 1350. Ч. 17. Лит. А. Л. 269.
- ⁴⁹ *Земщина*. 1910. 10 февраля.
- ⁵⁰ *Русское знамя*. 1907. 6 февраля.
- ⁵¹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 9. Л. 178 – 179.
- ⁵² Там же. Ф. 102. 4 д-во. 1909. Оп. 1. Д. 172. Л. 55.
- ⁵³ Там же. Л. 124.
- ⁵⁴ *Русское знамя*. 1907. 6 февраля.
- ⁵⁵ *Прямой путь*. 1912. Вып. V (май).
- ⁵⁶ *Вече*. 1909. 18 октября.
- ⁵⁷ *Русское знамя*. 1907. 5 декабря.
- ⁵⁸ *Совещание монархистов 21 – 23 ноября 1915 года в Петрограде*. С. 30 – 38.
- ⁵⁹ *Русское знамя*. 1907. 5 декабря.
- ⁶⁰ *Евгеньев А. Е.* Царские погромщики. Пг., 1919; *Конокоткин А.* Черносотенное движение в Костромской губ. // 1905 год в Костроме: Сб. статей. Кострома, 1926; *Бруснянин Б.* Черная сотня на фабриках и заводах Петербурга в годы реакции: Материалы по истории рабочего движения // Красная летопись. 1929. № 1 (28). С. 154 – 181; *Залежский В. Н.* Монархисты. Харьков, 1929 и др.

- ⁶¹ *Русское знамя*. 1912. 18 сентября.
- ⁶² Там же. 1907. 3 июля.
- ⁶³ Там же. 1908. 13 февраля.
- ⁶⁴ Там же. 1907. 5 декабря.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же. 1913. 7 мая.
- ⁶⁷ Там же. 1908. 13 февраля.
- ⁶⁸ Там же. 1907. 3 июля.
- ⁶⁹ Там же. 1912. 18 сентября.
- ⁷⁰ Там же. 1907. 3 июля.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Там же. 1913. 7 мая.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Там же. 1908. 13 февраля.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Там же. 1913. 7 мая.
- ⁷⁸ Там же. 1907. 5 декабря.
- ⁷⁹ Там же. 1912. 18 сентября.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же. 1907. 5 декабря.
- ⁸² Там же. 3 июля.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Там же. 1912. 18 сентября.
- ⁸⁵ Там же. 1913. 7 мая.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ Там же. 1912. 18 сентября.
- ⁸⁸ Там же. 1913. 7 мая.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ Там же. 1908. 13 февраля.
- ⁹² *Минувшее*. Исторический альманах. В 25 т. М., 1993. Т. 14. С. 196.

Размолодин Максим Львович, 1972 года рождения, уроженец г. Ярославля, выпускник исторического факультета Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, в настоящее время – военнослужащий. В 1999 году защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Черносотенные организации губерний Верхнего Поволжья в 1905 – 1914 гг.», а в 2012 г. – докторскую по теме: «Идеология правомонархических организаций в России в начале XX в.». Область научных интересов – история России кон. XIX – XX вв. Автор более сорока научных работ по исторической тематике.

«ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ ПЕДАГОГИКА?»

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ЦЕННОСТИ В ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

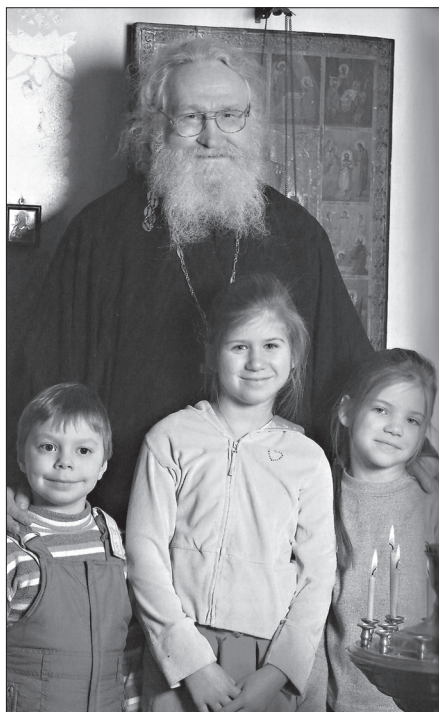
Какова цель воспитания наших детей? Мы с Вами должны привести детей к свободному принятию евангельских ценностей. Современный мир и евангельские ценности – такой заголовок был на сцене Международных Рождественских образовательных чтений несколько лет назад. Мы поставили такой же вопрос перед делегатами самого большого общественного форума страны: «Наш российский народ, наши соотечественники готовы ли жить по евангельским ценностям? Могут ли положить Евангелие в основу своей жизни?» Спросили несколько сот человек: аудиторию составляли епископы, чиновники, педагоги, простые смертные. География – вся Россия. Ну как Вы думаете? Готов ли народ в основу своей жизни положить евангельские ценности, так, чтобы они стали реально действующими мотивами нашей жизни? Знаете, какой у нас результат оказался? Девяносто процентов отвечали таким образом: не готов народ. И мы не готовы. Всего десять процентов считали, что народ расположен к Евангельской жизни. В реальной жизни нами двигают совсем другие цели: заработать нам надо, кров иметь, другие какие-то мотивы действуют, связанные по работе, то есть нами движет совсем другое.

Но интересно то, что в этом опросе нас выручили и удивили педагоги, которых, естественно, много было на Рождественских чтениях. Они стали говорить: «Мы-то не готовы, а вот дети, которым преподаем, они на девяносто процентов готовы». А мы этот вопрос даже не задавали, но с радостью услышали: «Они готовы, они еще чистая доска, они могут, когда мы преподаем евангельские ценности, они могут их воспринимать. Искренне принять, как реально действующий мотив в их жизни, и начать его реализовывать».

Как-то раз я в воскресной школе рассказал притчу о милосердном самарянине. Помните содержание притчи, да? Шел человек из Иерусалима в Иерихон, разбойники его ограбили, раздели, избили до полусмерти. Прошел мимо священник, прошел мимо левит, которые и должны были ему помочь. А самарянин, который вообще-то не общался с иудеями, вдруг остановился, взвалил избитого на осла, привез в гостиницу, заплатил деньги, оказал ему милость и уподобился Христу.

Эта притча должна перелagаться в деятельность детей. Меня заразил в свое время подход к решению этой задачи величайшего педагога, Софьи Сергеевны Куломзиной. Она написала много книг, самая известная

из них – «Наша церковь и наши дети». Ее главный педагогический принцип, ее кредо: «Главное дело педагога – перенести Евангелие на реально действующие мотивы детей». Евангелие должно стать реально действующим мотивом жизни. Мы с Софьей Сергеевной много общались в одной из моих поездок во Францию, и я начал применять этот принцип на практике. После пересказа евангельской притчи детям я давал им такие задания: следующая у нас неделя милосердия, давайте какую-нибудь милость совершим на примере притчи о милосердном самарянине. На третий день ко мне прибегает мама одного из детей: «Батюшка, прекратите эксперимент. Мой ребенок уже третьего бомжа приводит домой. Его отмывать надо, одевать, кормить». Ну вот, ребенок действительно искренне воспринял притчу

и начал ее применять в своей жизни. Мне пришлось провести воспитательную беседу: «Ведь самарянин сам пожертвовал собой и своим ослом. А ты помогаешь спастись маме, вместо того, чтобы спастись самому. Приводишь бомжа, и мама за тебя все делает. Ты делай то, что ты в силах сделать сам: помолиться, помочь чем-то по своим силам. Дети очень искренне воспринимают Евангелие.

Для того, чтобы передать евангельские ценности детям, нам нужно смотреть на Евангелие как на духовно-нравственный идеал жизни: «Настоящий человек – не тот, кто правильно говорит, но тот, кто живет правильно, по-евангельски»¹. Или вот притча о Закхее. Он залез на дерево, когда Христос проходил мимо, чтобы увидеть Мессию. Христос говорит ему: «Закхей, слезай с дерева, я к тебе приду в гости». Закхей побегал, приготовил все к приходу гостя. Он – самый ненавидимый человек в городе, как нечестный налоговый инспектор, который всех грабит, и вот Христос пришел к нему. И что Закхей произносит, какие слова? Пол-имения отдам нищим и кого чем обидел – воздам вчетверо. И мы с детьми эту притчу разбираем: «Вот давайте у нас будет безобидная неделя». Они спрашивают: «Это как, безобидная?» – «Ну постарайтесь никого

¹ Паисий Святогорец, *прп.* Творения. М.: Изд. дом «Святая Гора». С. 325.

На курсах по Основам православной культуры. МДА

не обижать всю неделю». – «Ну, так невозможно. Столько людей вокруг. Их и не хочешь обидеть, они сами обижаются». – «Ну хорошо. Если Вы уже кого-то обидели или кто-то на вас обиделся, воздайте им вчетверо. А через неделю обсудим». Это такой опыт милосердного делания. И это самое важное – перевести Евангелие в реальное практическое действие. Вот где у нас педагогика начинается.

Собираемся через неделю. Тянет руку один мальчик: «Можно я расскажу?» – «Ну, давай». – «Пришел я в школу. Ванька, мой лучший друг, за партой одной сидим, принес в школу жвачку, такую благоухающую... Достал, жует. Одну пластинку. Вторую. Третью. Я ему говорю: “Ванька, дай попробовать”. “Чего пробовать. Жвачка – она и есть жвачка”. Съел четвертую пластинку и пошел на перемену. Осталась одна пластинка. Я не помню, как это даже произошло. Я взял пластинку, повертел, съел, а фантик выбросил в парту. Ванька, значит, пришел с перемены, говорит: “Слушай, Богдан, ты не видел тут жвачку?” – “Не видел”. Ну он вертелся, вертелся, в парте нашелся у него фантик. И говорит мне: “Ну-ка дыхни. Все! Попался!” Он обиделся, ушел, даже со мной не попрощался. Я иду со школы, размахиваю портфелем и вспоминаю: а нам же отец Киприан сказал – всю неделю никого не обижать. А если уж обидел – воздай вчетверо. А как это – вчетверо? Ну и тогда у меня возникла идея: я пришел, взял копилку, вытащил деньги. Пошел искать такую же жвач-

На Рождественских чтениях
с Г. А. Калябиным и О. Л. Янушкявичене

Архимандрит Георгий с игуменом Киприаном
на онлайн интернет-конференции

ку. Искал жвачку – нигде нет. Только в каком-то большом супермаркете нашел. Пришел пораньше на следующий день в школу. Там пять пластинок было. Ну я одну вытащил, четыре положил на парту. Пришел Иван, я перед ним извинился, отдал ему эти четыре пластинки. Мы с ним обнялись, расцеловались, и он мне половину отдал: и он стал щедрым от щедрости друга».

Так сердце детей начинает работать, в голове возникает мысль, как исполнить Евангелие в своей повседневной жизни. Мы вот *близко, при дверях*¹, у Царства Небесного. Если такие установки создавать, и такой опыт у них появится: опыт терпеть, опыт не оскорблять других людей, опыт творить милость и добрые дела. – Это вот и станет настоящим христианским образованием. И если мы зложим его в маленьком возрасте, он будет вспоминаться всю жизнь, этот навык. И человек со школы будет жить по другому, спасаясь от греха и укрепляясь в добродетели.

И думается, что вот эта система духовного образования, она, по замыслу Феофана Затворника, должна быть такой: «Не слепым исповедником быть есть честь человеку, а сознающим, что, поступая так, он действует как должно. Все это он сделает, когда сознательно наложит на себя благое иго Христово»². Сознательно: *Иго мое благо и бремя мое легко есть* (Мф. 11, 30). И вот этот сознательный обет быть христианином, он очень многого стоит.

Попробую еще один пример привести. Вот у меня был крестник семи-восьми лет, Сергей. Сейчас он уже вырос. Мать совершенно воспитывать его не могла, портила ребенка. Отец у него был богат, они баловали его деньгами, покупали ему деликатесы, всякую одежду. Ну и он, конечно, растлевался, считая, что ему все дозволено. Он стал совершенно неуправляем. Мать часто ко мне приезжала, привозила крестника на перевоспитание. И вот с таким озверевшим ребенком, который реагиру-

¹ Мк. 13, 29.

² Феофан Затворник, *свт. Путь ко спасению*. Вып. 1. С. 53.

ет на все неадекватно, как с ним быть? Я на него особо не наседаю. У меня правило такое: что-то одно он должен делать, что-то одно нужно и потребовать. Как Бог Адаму в раю поставил только одно условие, свободы было у Адама достаточно. Делай в раю что хочешь, но только не вкушай с древа добра и зла. Вот нам надо всегда найти такое древо добра и зла. Всякая педагогика начинается с запрета: «Если хочешь погубить человека – дай ему полную свободу». Начинается все с того, что нельзя делать. А второе – послушание, что нужно делать.

И вот я ему поначалу самое простое послушание давал. Начинаем с того, что понятно: с пищи. Утром даю ему кашу, он говорит: «Я такую кашу есть не буду». Даю ему компот, он и компот немного отпил. Хлеб не стал есть. Оделся, побежал гулять. Я ему говорю: «Сережа, обед у нас в час». Он говорит: «Хорошо». В одиннадцать прибегает: «Слушай, я такой голодный, дай мне что-нибудь покушать». Как вы думаете, можно дать? Нет, вся педагогика провалится. Я ему с любовью говорю: «Сереженька, дорогой, нет ничего. Давай потерпим с тобой еще немножко». Он убежал, в двенадцать прибегает: «Ну все, я не могу. Дай бутерброд, дай хоть кусочек хлеба». Я его всячески опять уговариваю: «Сереженька, ну еще час потерпи давай, ты же мужик». Вдохновил его. В час прибегает, раздевается и за стол. Суп ему наливаем. Он попробовал: «Фу, такой суп я есть не буду». Я ему говорю: «Ужин у нас в восемнадцать часов...» Он уже понял, что за словом стоит дело и нехотя, но половину съел. Кашу, которую утром не ел, съел. Компот вообще весь выпил, даже второй стакан попросил...

Через два дня он ел все! Мать приезжает на третий день, привозит ему всякие деликатесы, я ей говорю: «Убери немедленно, Сергей все ест», – а она удивляется; потому что он никогда к этому не прикасался. Нормальный ребенок, нормальная пища. И вот дальше начинается его духовная реабилитация, а начинается она хотя бы с послушания в чем-то одном. А потом потихонечку он у меня и посуду начинает мыть, и убирать, и все остальное – золотой ребенок становится. И я его в таком реабилитационном тяжелом духовном состоянии каждый день водил в храм, причащал, молились мы, вымаливали его. Потому что мальчик-то такой способный был, но очень озлобленный: «Чтобы услышать Божественное вещание Слова Божия и благодаря этому измениться, нужно самому повернуть ручку “приемника” на ту же частоту, на которой через Священное Евангелие вещает Христос, и с благоговением исполнять его Божественные заповеди»¹.

И еще у Сережи была такая слабость: он все время залезал под диван. Залезет и сидит там. Час, два, а может и больше там сидит. Я думаю: надо же дать ребенку какую-то свободу. Ну залез, пусть сидит там, дол-

¹ Паисий Святгорец, *прп.* Указ. соч. С. 325.

жен же у него быть какой-то свой секрет, какая-то своя отдушина, свое место. Чем он там занимался, я не видел. Потом мы как-то идем с ним в храм, он меня спрашивает: «Отец Киприан, а как ты думаешь, Бог – Он все видит?» – «Ну конечно, Бог, Он видит все наши дела, слова, слышит все. Бог – всех нас знает». Крестник мой шел, шел... «Отец Киприан, а вот как ты думаешь, Бог под диваном видит или нет?» Я почувствовал, что он задал один из сокровенных своих детских вопросов. И мне захотелось, чтобы он сам ответил на него: «Сережа, Бог видит не только наши слова и дела и где мы находимся. Бог знает и все наши мысли, желания, переживания – Бог все видит». Он долго шел молча. Потом вздохнул повзрослому так и выдохнул: «Да, я понял. Бог и под диваном видит».

Вот удивительно, что в шесть лет ребенок познал свойство Бога, он понял, что Бог Всевидящий. И Сережа больше никогда не залезал под диван. И я потом часто слышал, как он говорил другим детям: «Ну вот что ты делаешь?» – «Да никто же не видит». – «Как никто не видит? Бог же все видит, ты что, не знаешь об этом?» Ему стало уже все равно: видит мама или кто-то из взрослых или нет, – Бог все видит.

Вот как легко у детей налаживается жизнь с Богом, и как трудно этого достичь взрослым. Потому что здесь умом что-либо сложно понять, это свойство ребенка, хотя в каждом возрасте свои особенности: и в пренатальный период, и в дошкольное и школьное время есть свои духовные новообразования. Если они не произойдут у ребенка, дальше их развивать тяжело, даже, можно сказать, невозможно. Даже есть такая, говорят научным языком, корреляция между несчастными браками и тем, какой образ семьи получил ребенок в дошкольном возрасте. Что воспитывает ребенка в дошкольном возрасте? Отношения между папой и мамой.

Ко мне часто приходят мамы и говорят: «Батюшка, ребенок совершенно не слушается, что я только ни делала». А я спрашиваю ее: «А ты мужа слушаешься?» – «А что его слушаться? Это он меня должен слушаться». Это обычная ситуация. Почему так происходит? Вспомним слова преподобного Паисия: «В наше время, когда везде такое брожение умов, мы оставили святоотеческие книги и взяли в руки журналы, которые вносят в умы еще большую путаницу. Большинство из нас оставили Священное Евангелие»¹. И я часто, рискуя, предлагаю такой маме: «Давай с тобой дома организуем православный театр. Давай будем брать благословение у мужа публично, как у батюшки: руки складываешь и берешь благословение: “Когда будем ужинать, сейчас или через полчаса?” – Пусть он почувствует, что он правитель: он повелевает, он благословляет». Приходит она ко мне через месяц: «Батюшка, – говорит, – чудо! Ребенок ко мне подбегает: “Мамочка, благослови”. – Я ему ничего не говорила». – «Ну правильно, говорю: ты же показала ему образ действий».

¹ Там же.

Иерархически более высокий человек, глава семьи, – он и должен благословлять.

У Василия Белова есть такая книга «Лад». Там как раз говорится о традициях уклада русской семьи. Он интересно описывает: даже если муж умственно отсталый, больной – все равно к нему было отношение как к главе семьи. Он садился во главе стола, ему первому накрывали, он благословлял все. Он не мог мыслить здраво, но никто этого не подчеркивал. К нему супруга относилась как к главе, и дети так же относились – как к главе. И всякий наш начальник, который, может быть, не очень высоких интеллектуальных способностей – то же самое. Если к нему относиться как к начальнику, то он, в конечном счете, поумнеет. Это такой неизбежный принцип: *Чти отца твоего и мать твою* (Исх. 20,12), и начальника твоего. И долго в благоденствии будешь жить на земле.

Как-то раз у меня была публикация на эту тему. Спустила какое-то время звонят учителя 11 класса, которые прочитали наш журнал: «Батюшка, у Вас там статья... мы хотим по поводу этой статьи поговорить». И как раз у меня появилось время. Я звоню классному руководителю, который названивал мне несколько месяцев. Он меня приводит в школу. Большая такая московская школа, мы поднимаемся на пятый этаж. Открываю дверь, захожу, такой большой класс... Сидят человек сорок детей, юноши и девицы, уже взрослые. Я встаю у доски и смотрю: они все развалились, полулежа сидят, жуют жвачки. Я даже все, что хотел сказать, забыл, – не знаю, что и сказать. Я даже попробовал рывок сделать: там дверь была, и я хотел выйти, как будто перепутал – не туда зашел. Но классный руководитель с той стороны подпер: он уже знал, что будет бегство. И я был обречен: выйти невозможно.

И я тогда уже решил... Применил главное педагогическое оружие. Какое?

Молитву. Читаю про себя: «Царю Небесный, Утешителю, душе Истины, иже везде сый и вся исполняй... Господи, благослови, что им сказать». У меня такие мысли начали вертеться: скажи им что-нибудь простое, самое интересное, самое важное, что для них самое ценное, то, чего они больше всего хотят в жизни. Я думаю: как же на их язык перевести? Я стоял минут пять: они даже заерзали, что это такое? Я стою и молчу, ничего не говорю. И они уже начали шевелиться. А мне пришла мысль; я их спрашиваю: «Ребята, поднимите руки, кто из Вас хотел бы быть счастливым и красивым?» Они все подняли руки. «Ребята, а кто бы из Вас хотел жить счастливым, красивым и очень долго?» Они подумали: вроде все подходит, – и подняли руки. Тогда говорю: «А вы знаете, что в Священном Писании есть такой закон – кто его выполняет, тот живет счастливо, красиво и очень долго». Дальше произошло что-то невероятное: они выплюнули жвачки, полезли в портфели, достали ручки, тетрадки, листочки, сели в нормальную ученическую позу и говорят: «Батюшка –

давайте диктуйте. Что за закон, что нам делать нужно?» Здесь мы на исходную позицию пришли. Я им диктую пятую заповедь: «Чти отца своего и мать, и долго и в благоденствии будешь жить на земле» (см.: Исх. 20,12). После этого у нас налачился диалог, мы несколько часов проговорили. И они оказались очень открытыми, много рассказали о себе, потом в храм приходили – писали записки о упокоении душ своих предков и здравии родителей. Это ведь тоже – как заповедь, примененная на практике.

Даже такие, как мне поначалу показалось, безнадежные дети, оказались восприимчивы к заповедям. Поэтому для нас главная задача – по каждому положению, по каждому тезису из Евангелия предлагать исполнить какое-то маленькое, посильное практическое действие. И такой поступок по Евангелию отпечатывается на всю жизнь. Это – тот принцип, которого придерживалась Софья Сергеевна Куломзина, великий русский педагог. И он был подтвержден опытно и мной, и многими другими педагогами. Давайте, дорогие мои, потрудимся на ниве исповедования Евангелия в нашей педагогической практике передачи опыта естественной жизни в раю уже здесь, на земле: «Если бы люди жили просто, по-евангельски, со Христом, тогда они непрестанно услаждались бы Христом, их бы не мучило мирское душевное беспокойство»¹.

¹ Паисий Святогорец, *прп.* Указ. соч. С. 323.

АНДРЕЕВНА – ПОЛКОВНИЧЬЯ ДОЧЬ

«Радуйся Нико-о-о-лаيه, радуйся Нико-о-о-лаيه, радуйся Нико-лаيه» – торжественно звучит церковный хор, и на третьем «радуйся», споткнувшись, умолкает.

«Альты! Опять вы “низите”! Ну сколько вам показывать? А вы, Максим Петрович, бас или тенор? Держитесь, наконец, одной партии», – взволнованно и громко говорит о. Евгений своим певчим.

По приезде на приход священник застал на клиросе полный развал. И хотя хор в Сорочинске в 1963 году состоял, как в Оренбурге, из двух частей, «большого», то есть основного, и «малого» или монашеского, как его называли прихожане, потому что там пели в основном монахини из закрытых еще в тридцатые годы монастырей, проживавшие в окрестных селах. Не было грамотно и четко написанных нот. Не было и официально утвержденного состава хора, спевки проводились нерегулярно, наспех и в самый последний момент перед праздником, так что пение поставлено было из рук вон плохо. Положение усугублялось еще и тем, что певчие, приезжавшие в Сорочинск из разных мест огромного благочиния, включавшего территорию четырех районов (Тоцкого, Сорочинского, Переволоцкого и Новосергиевского), привозили каждый свои напевы. Из благих побуждений каждый пытался внести во время пения антифонов, стихир или тропарей свое, и тогда начиналась жуткая какофония. Сорочинские басы гнули свое, платовские тенора пытались их пересилить, а стоявшие в храме сторонники и тех и других пытались, потихоньку подпевая им, помочь, и тогда начинался настоящий хаос. Помучившись месяц, отец Евгений решил во что бы то ни стало организовать хор если не лучше, то и не хуже, чем в соседнем Бузулуке.

Еще в годы обучения в Саратовской духовной семинарии он усиленно занимался церковным пением, изучил нотную грамоту, освоил осмогласие и хороведение. Регентовал уже к третьему классу так хорошо, что его во время отсутствия семинарского регента ставили на воскресные и праздничные службы и даже назначали субрегентом. Десять лет служения в Никольском кафедральном соборе довершили дело. Батюшка познакомился со многими профессиональными певчими, тогда еще живыми, отдельно брал уроки пения у регента архиерейского хора, а главное, переписал для себя ноты всех

Протоиерей Евгений Зеленцов (Глевский) родился в г. Вильнюсе (Литва). В 1980 году окончил Куйбышевский государственный педагогический институт (историко-английский факультет). С 1984 по 1990 годы работал преподавателем истории. В 1990 году принял сан священника и по настоящее время состоит в штате Покровского кафедрального собора г. Самары. Окончил МДС и МДА. С 1995 г. является преподавателем СамПДС.

двунадесятых и великих праздников, что сейчас, как нельзя кстати, пригодилось ему. Именно с нот о. Евгений и начал. Подобрал группу наиболее увлеченных церковным пением прихожан, он с их помощью вручную размножил ноты (ксероксов тогда не было, размножали чернилами или химическим карандашом). Затем официально утвердил состав хора, самолично прослушав партию каждого. А потом начались еженедельные спевки, и почти сразу же пошли непонятные трудности. Да и немудрено. Ведь пятнадцать человек певчих Сорочинского Михайло-Архангельского храма были не профессионалами, а обычными людьми со всеми своими жизненными проблемами и потребностями. Объявит о. Евгений спевку, а вместо пятнадцати соберется всего семь человек, и тут выясняется, что тенор поехал на станцию уголь получать, альтам надо встречать коров, а у сопрано очередь подошла в поликлинике к зубному врачу. Но о. Евгений и здесь нашел выход, он с каждой партией стал проводить спевки в отдельности, а за три дня до праздника собирал всех вместе, чтобы певчие успели «спеться». Вот и сегодня, за три дня до празднования перенесения мощей из Мир Ликийских в Бар святителя Николая чудотворца, «Николаи весеннего», он собрал свой хор прямо у себя дома.

В храме всюду шла генеральная уборка, было шумно и неудобно, в конторке и крестильной тесно, семерым не повернуться, не то что двадцати. Вот и решено было генеральные спевки проводить дома у священника в просторном зале. К тому же и священнику неудобств никаких. Старшие дети, Николай и Ирина, покинули родительский дом. Николай сразу после армии поступил в Московскую Духовную семинарию, а теперь уже заканчивал Академию и дома бывал лишь на каникулах. Ирина училась в Саратовском политехническом и приезжала домой только летом. Матушка Фаина сама пела в «большом» хоре и была участницей всех спевок. А младшая Олечка, хотя и училась только в шестом классе, была нужным во время спевок человеком. Параллельно она училась в местной музыкальной школе по классу фортепиано и в случае чего могла для певчих взять ту или иную ноту. С любимым своим чтением, очередным томом Житий святых, она сидела на кухне и с готовностью прибегала всякий раз по просьбе отца, помогала хору, воспроизводя нужную ноту на пианино.

Но сегодня в доме была еще Анна Андреевна Шишилова, близкий Иноземцевым человек со времен их жизни в Оренбурге. Анна Андреевна была хорошо известна в среде духовенства Никольского собора своей способностью бескорыстно помочь по хозяйству. Если в доме священника стирают, белят потолки, красят полы, клеят обои, – Андреевна, как ее по-свойски звали все батюшки, тут как тут. Взяв благословение, она молча включалась в работу, лишь изредка ласково ворча на неумелых матушек, и работа становилась веселее и заканчивалась раньше срока. Ну а уж если в семье священника заболит кто, или ребёнок родится, то лучше сиделки или няньки и не сыскать в округе. Таким преданным и умелым человеком была Анна Андреевна.

евна. Она и за ребенком, а то и за тремя сразу присмотрит, и в доме приберет. Если нужно, за лекарствами и продуктами ходит, да еще все с песнями да прибаутками. Поэтому для духовенства соборного она стала своим человеком, как бы неофициальным членом их семей. Отец Евгений, как только начал в соборе служить, Андреевне сразу понравился: спокойный, вежливый, прекрасно знает службу и всегда прост в обращении, – «не то что приезжие из Бузулука», – он всегда пользовался ее вниманием и уважением. В дом Иноземцевых она вошла незаметно и просто, как будто всегда была тут. У о. Евгения к тому времени вслед за сыном родилась еще и дочка – Ирина, а за ней и младшая Олечка. Матушке становилось все трудней справляться по хозяйству. Нужно и в доме прибрать, и обед вовремя приготовить, и за детьми присмотреть, – и все это между службами в храме. Особенно много времени отнимала стирка белья. Стиральные машинки были в конце пятидесятых большой редкостью, и матушке приходилось вручную

кипятить, стирать, полоскать белье, вначале наполнив водою два корыта, лохань и бак. Воду нужно было носить из колонки со двора домой, поднимаясь по крутым ступеням. По окончании стирки эту же воду нужно было вынести из дома в выгребную яму. И так почти каждый день, – ведь детей трое и у них постоянно что-нибудь пачкается, да и у батюшки подрясников всего два, а они всегда должны быть чистыми и выглаженными. Летом выручала погода, стирали прямо во дворе рядом с колонкой. И вот однажды, едва успев наполнить водою оба корыта и поднять большой таз с бельем, матушка услышала через открытые окна дома сначала громкий шум, а потом крик и плач: это упала со стула потянувшаяся за старшими двухлетняя Олечка. Опустив в сердцах таз на землю, матушка поспешила в дом, чтобы унять озорников. Она и не заметила, как к забору их дома подошла Анна Андреевна и, ласково улыбаясь, смотрела на нее.

Когда молодая хозяйка скрылась за дверью, Андреевна вошла во двор, подняла таз с бельем и принялась за работу. И когда матушка Фаина вновь показалась в дверях, уложив Олечку спать, а старшим дав задание рисовать и не шуметь, то чуть не споткнулась от изумления. Выполосканное и отжатое белье сушилось на протянутой веревке во дворе, а Андреевна, вытерев оба корыта и таз, весело говорила: «Ну, хозяйка, благослови чем еще помочь». С этого дня она и вошла в жизнь Иноземцевых, став своей. Приходила всегда без приглашения, будто заранее чувствуя, когда нужна ее помощь. С виду Анна Андреевна была суровая, даже насупленная немного, но кто знакомился с нею поближе, через час уже знал, какой это добрый, порядочный и честный человек.

Её напускная ворчливость и строгость были всего лишь попыткой скрыть добрый, иногда чрезмерно мягкий характер. Но она бывала и неуступчива, и своенравна и неуживчива до невозможности. «Как могут совмещаться в одном человеке такие противоположные качества. – Вот чудеса!» – удивлялся всегда о. Евгений, вспоминая Андреевну. Наверное, нелегкая жизнь наложила свой отпечаток и на ее характер.

Родилась Анна Андреевна в одной из станиц на Кубани в семье казачьего полковника Андрея Дмитриевича Шишилова. В семье была десятым ребенком и единственной дочерью. Внешне очень похожая на своего отца, она и пользовалась его особой любовью и заботой. Отцова дочь, звали ее в семье и в станице. Сам полковник Шишилов недаром среди своих казаков слыл человеком крутого нрава. В пылу гнева мог и жену побить, и сыновей выпороть, несмотря на то, что двое уже были женаты, – а вот Анну за всю жизнь и пальцем не тронул. Бывало, вспылит на жену, сверкнет зло черными глазами – и за нагайку, но тут Анна подойдет, ласково посмотрит, прижмет к отцу, – и враз он отойдет, сменит гнев на милость, словно подменят сурового полковника. Потому и решено было не выдавать единственную дочь замуж: отец не мог представить, как он с ней расстанется, а мать, хоть и говорила вслух, что негоже-де Аньке в девках сидеть, что она у нас,

бесприданница что ли? – но втайне боялась, что без Анны суровый муж совсем озверет.

Образование дочери полковник дал по тем временам хорошее. Сначала закончила Анна с отличием четырехклассную церковную школу в станице, а потом поступила в соседний уездный город в гимназию. И хотя от города до станицы двадцать восемь верст, Андрей Шишилов самолично, каждый день возил дочь на занятия и обратно в шикарной бричке, запряженной двумя вороными. «Чтоб моя Анна да на казенном коште жила? Не будет этого!» – заявлял гордо он.

Так и промелькнули незаметно семь лет обучения в гимназии. Превратилась худенькая девица Анна Шишилова в статную чернобровую девушку с величественной осанкой. Научилась каллиграфически писать, читать так, что и станичному писарю не угнаться. Но главной гордостью отца было то, что Анна умела читать и говорить по-французски и по-латыни. Специально для нее из Новочеркасска привез он книжек на французском и в присутствии товарищей заставлял читать вслух, а уж после того, как Анна запросто поговорила на незнакомом языке с самим войсковым атаманом, гордости отца и вовсе предела не было. Знала Анна Андреевна блестяще и русскую историю и литературу, чему немало удивлялись впоследствии и оренбургские священники, и их дети. Бывало, учит кто-нибудь из детей Иноземцевых «Бородино», «Полтаву» или басни Крылова, Анна Андреевна тут как тут – проверяет. «Бабушка Аня, а почему ты не по учебнику проверяешь?» – «А зачем мне ваш учебник, если я его много лет назад изучила?» И начнет наизусть читать и «Бородино» Лермонтова, и все басни Крылова, и даже то, чего в советских учебниках не было. Пушкина и Некрасова также Анна Андреевна читала на память, как и утреннее и вечернее молитвенные правила, да еще и основные псалмы из Псалтири. И горе было тому чтецу, который при чтении часов в соборе или «соврет», неправильно произнес слово, или пропустит тропарь. Анна Андреевна тут как тут: при всех обличит, да еще посрамит, показав свое знание церковного устава. Потому певчие и чтецы побаивались ее и никогда на клирос не приглашали, да она и сама туда не просилась. И, как выяснилось позже, по одной лишь причине: вспылчива была очень.

Когда прошло около полугода со времени окончания Анной гимназии, соседи стали уязвлять полковника Шишилова вопросами: «Что же это, господин полковник, Анна-то ваша выучилась, а толку никакого. За муж не идет, так пусть хоть знания свои применит. А так ни то ни се».

Шишилов сначала зло отшучивался, – вас-де спросить забыли, за своими, мол, построже смотрите, но вскоре аналогичный вопрос, только в более вежливой форме, задали ему войсковой атаман и станичный священник. И тогда было решено Анну определять к делу, но так, чтобы и дома была, и делом занималась. У Анны был еще один талант от приро-

ды: красивое, чистое меццо-сопрано. С детских лет она вызывала восхищение станичников, когда пела в церковном хоре «Иже херувимы» или Великим постом на литургии преждеосвященных даров вместе с басом и баритоном на середине храма выводила «Да исправится молитва моя». Попробовал было полковник пристроить дочь в церковный хор, но получил от священника отказ. «Что ты, Андрей Дмитриевич, у меня в хоре все парни да вдовицы. А Анна-то у тебя девица, какой соблазн прихожанам. Ведь в иноческий чин ты ее постригать не собираешься. Не так ли? А что касается денег, так у меня все Христа ради поют». Шишилов даже сплюнул с досады.

– Какие деньги, отец Афанасий? Я что, несостоятельный, чтобы способности ее к делу приставить? Сам ведь давеча говорил мне, что зажженный светильник под кровать не прячут, а ставят на видное место.

– Что правда, то правда! Говорил и еще скажу, что дочь твоя умна и образованна. Вот пусть и послужит образованию деток-то наших станичных. Учительница наша, Серафима Яковлевна, уже преклонных лет, трудно ей одной-то. Вот пусть Аннушка твоя ей и поможет. А там, глядишь, и сама станет школой руководить. Да и церковному пению детей научит, голос-то у нее от Господа.

По душе пришлось полковнику Шишилову слова о. Афанасия. И в конце августа он сам на своей знаменитой на всю округу бричке, запряженной двумя вороными, сопровождении двух верховых казаков привез с великим торжеством Анну в станичную школу. Высокая, с черной косой до пояса, чернобровая учительница пришла по душе и старенькой Серафиме Яковлевне, и школьному сторожу, отставному казаку-бобылю Игнатию, да и ученикам тоже. Но через двенадцать дней случилось происшествие, которое навсегда поставило крест на ее учительской карьере. Был в школе озорник-третьеклассник Васька Донцов, сын станичного атамана. Был он в семье Донцовых младшеньким, а потому балованным и озорным. То сороку в школу принесет и во время урока выпустит, то девчонку соседскую за косу дернет, а однажды принес в класс ужа и выпустил Серафиме Яковлевне под ноги. Целых две недели отлеживалась после этого Серафима Яковлевна после сердечного приступа, и уроков в школе не было. Даже специальный сход собирали станичники по поводу Васьки, после которого в присутствии старшин и священника атаман собственноручно высек разлюбезного сынка, чтобы неповадно было. И Васька после этого происшествия затих было, а тут и появился в школе молодая учительница. Первые дни Васька к ней приглядывался, а на исходе второй недели решил действовать. Однажды на уроке французского языка ка поднял руку и с ехидцей спросил:

– Правда ли, Анна Андреевна, что французы лягушек едят?

– Правда! – коротко ответила учительница и, ничего не подозревая хотела продолжать урок.

– А каких едят, – своих французских или нашенских станичных? – не унимался озорник.

– Каких еще нашенских? Ты что ерунду говоришь? – начала терять терпение Анна Андреевна.

– А вот и нет. Откройте свой портфель и увидите, что я прав. А может вы и не знаете вовсе, чему же тогда вас учили? – язвительно заявил Васька.

– Ну хорошо, смотри! – ответила, нахмутив брови, учительница и решительно открыла портфель.

Жабы и лягушки с учительского стола распрыгались по всему классу. – Что тут началось! Перепуганные девочки визжат, мальчишки на парты прыгают. Одному Ваське все нипочем, сидит и хохочет.

– Но, на свою беду, плохо он знал дочь полковника Шишилова: не успел опомниться, как оказался поверженным на скамью, а указка в руке учительницы превратилась в страшное орудие, высекая ниже спины молниеносные зигзаги. Только тогда и опомнилась Анна Андреевна, когда Васька завопил благим матом, а из рассеченных штанов брызнула кровь. Закрыв поротый зад руками, Васька бросился наутек к родительскому дому, а за ним с перепугу и все ученики разбежались, опасаясь грозной учительши. Вот так позанимались французским языком!

Уже к вечеру станичные языки повсюду раззвонили, как «отцова дочь» Анна Шишилова прилюдно выпорола атаманского сына Ваську Донцова. Разгневанный атаман вызвал к себе Шишилова и потребовал у него увольнения. Или, дескать, дочь свою поучи в присутствии старшин, или в суд на тебя рапорт подам. Что тут было делать? – Дочь наказать прилюдно, значит опозорить, замуж уже точно никто не возьмет. Да и как наказывать-то, ведь голоса, не повышал на нее никогда, не то что руку поднимать. А не накажешь, прощай военная служба. На помощь пришел о. Афанасий, хорошо знавший нравы обоих отцов и их слабые стороны.

– Ну ты, Игнатий Сергеевич, и хватил тоже, – девицу из приличной семьи пороть прилюдно! Да за что? За то, что она твоего сорванца за дело взгрела? Сам-то каждую неделю его учишь, думаешь не слышно во дворе-то?

– Так это я по-отцовски, имею право сына воспитывать. А она нам кто? Чужая, даром что учительша, а права у нее сына моего наказывать нет! Я потомственное дворянство имею.

– Да кто спорит, Игнатий Сергеевич? – ласково уговаривал батюшка. Шишиловы-то тоже дворянство от государя после русско-турецкой 1879 года получили, а значит, не простолюдинка какая сына твоего поучила, а равная тебе. А что касается наказаний, сам же знаешь, до 1863 года всех в гимназиях секли: и дворян, и духовных. Сам, небось, в кадетском корпусе-то испытал? Ведь не хуже своего Васьки был, – заговорщицки толкнул о. Афанасий атамана в плечо.

– Так-то оно так! Но честь семейства задета – начал колебаться атаман, будучи совсем не злым человеком.

– А мы сделаем так, что и честь семейная не пострадает, и ты в выгоде останешься!

– Это как же? – окончательно растерялся атаман Донцов.

– А вот так. Сынок-то твой средний, Николай, ему уже двадцать два года, а не женатый. Так ли?

– Ой, сам знаю, что так. Да кто же за него пойдет? – вспыхнув что порохов. Чуть что, в драку лезет. Я неделю назад на поле кнутом его поучить хотел, так он кнут выдернул и о колено сломал, подлец!

– Ну вот, значит жена ему нужна под стать. Чтобы окорот давала и сама в обиду не давалась, да и положения была бы с вами одного. Так что и выходит, Игнатий Сергеевич, что лучше Анны Андреевны Шишиловой тебе невестки в округе и не найти.

У атамана даже брови приподнялись от удивления. И вправду, ведь девица хоть куда, семья богатая, да и, честно сказать, с полковником Шишиловым ссориться не хотелось, ведь с малых лет дружили и в походы ходили вместе. А тут из-за мальчишки сопливца эдакая рознь. Да если дело так представить, что Анна и Николай жених и невеста, то получится, что Ваську она не как чужая, а на правах будущей родственницы, свояченицы, значит, поучила. Какой же тут позор?

– Ну а что вспыхивая, так значит наших, казачьих кровей-то. Да и Колька у меня что надо, быстро отучит ее руки распускать – совсем повеселел атаман Донцов. Сказано – сделано. Из дома Донцовых отец Афанасий отправился к Шишиловым. Как шли переговоры там, никто так и не узнал, но только через неделю Анна и Николай стали встречаться официально как жених и невеста, а еще через месяц облетела округу радостная весть: дочь полковника Шишилова Анна венчается в следующую пятницу с сыном станичного атамана Николаем Донцовым.

Чернее тучи был на свадьбе полковник Шишилов, через силу ел и пил, сквозь зубы говорил поздравления, недружелюбно поглядывая на зятя. Улучив момент, даже шепнул на ухо, дескать, гляди, Колька, Анна у меня одна, если что, со дна морского достану. Колька в долгу не остался: «Вот на дне, папаша, и поговорим». Но, на удивление всем, молодые жили так дружно и мирно, что даже полковник Шишилов перестал тиранить жену и утихомирился.

Станичный же атаман Донцов до конца дней благодарил Бога и отца Афанасия за такую любящую и добрую сноху. Вскоре Господь даровал молодой казачьей семье двух сыновей, нареченных при крещении отцом Афанасием Борисом и Глебом, а в начале 1914 года у Донцовых родилась дочь Анастасия. И было бы на прекрасной Кубанской земле одной счастливой православной семьей больше, но начавшаяся в 1914 году Первая мировая война все перевернула.

Казаци. Худ. А. П. Лях

«Казачьи проводы». Худ. С. А. Гавриляченко

«Гражданская война. Рассказывание в 1919 г.» Худ. С. А. Гавриляченко

В огненных вихрях войны, а затем революции 1917 года, гражданской войны и начавшейся на Дону и Кубани коллективизации потеряла полковничья дочь Анна Андреевна Шишилова-Донцова и своего отца с братьями, и любящего мужа с красавцами сыновьями, и всех своих родных. В 1938 году выслана она была с тысячами таких же казачьих вдов как «чуждый делу революции элемент» в Северный Казахстан на поселение, где потеряла последнюю свою отраду и надежду: от голода и холода умерла дочь Настенька. По окончании ссылки Анна Андреевна получила разрешение в конце сороковых годов поселиться в Оренбурге, где и обосновалась окончательно. На Кубань возвращаться сначала власти не разрешали, а потом и сама она уже не захотела. Слишком тяжело и больно было возвращаться на родное пепелище, где нет ни одной близкой души, где, мнилось, в воздухе еще стоит крик и стон тысячей тысяч погубленных новой властью.

Нерастраченную материнскую любовь и ласку Анна Андреевна отдавала чужим людям, священникам и их детям, воспринимая как свои их радости и горести, печали и успехи. На свою нелегкую, трагическую судьбу Анна Андреевна никогда не жаловалась, говоря, что у каждого свой крест. У меня-де вот такой, значит я его достойна, значит слишком много хорошего в молодости видела, раз на старости лет Господь испытует. Только перед смертью и открыла она о. Евгению тайну, что благословил ее на такую трудную стезю и помог устроиться в Оренбурге через своих духовных чад владыка Мануил (Лемешевский). Так и вошла она в жизнь оренбургского духовенства в конце сороковых годов, легко и незаметно приходя без приглашения в трудные минуты и помогая со всем усердием и честностью, на какие была способна.

В дом Иноземцевых Анна Андреевна приходила сначала не чаще, чем в дом любого другого священника: помогать по хозяйству и за детьми присматривать. Но по мере того, как уходили ко Господу старшие по возрасту священники, появление ее в доме Иноземцевых становилось все более частым. Особенно любила она оставаться с детьми, видимо, учительская жилка, как она сама любила говорить, в ней была. Бывало, придет помочь убрать дом к празднику, матушка рада, что есть кому остаться со старшими детьми, пойдет с младшей в детскую поликлинику на часок прививки сделать или горлышко посмотреть, а Андреевна одна с детьми и с домом управляется. Вернется матушка, а в трех жилых комнатах все уже вымыто и прибрано, останется только кухня да веранда с прихожей.

– Как же вы, Анна Андреевна, успели-то, ведь детей на минуту без пригляда оставить нельзя? – удивляется матушка Фаина.

– А мы с ними в игру играем, называется «батюшкино благословение» – хитро улыбнется в ответ Анна Андреевна.

– Какое еще благословение? – недоумевает матушка.

– А вот они знают – кивнет Андреевна на старших Николая и Ирину.

Только по прошествии многих лет, уже после кончины Анны Андреевны, удалось выяснить, что это за игра в благословение.

Бывало, начнут дети шалить и шуметь, а Андреевне полы мыть надо или пыль вытирать, она и крикнет на весь дом:

– Ой, вон батюшка, о. Константин к нам идет, скорее бегите в прихожую, встречайте его и благословение взять не забудьте, да причешитесь и одежду оправьте.

Воспитанные в почтении и уважении к духовенству, Ирина и Николай тщательно причесываются перед большим зеркалом в прихожей, поправляют носочки и штанишки и, сложив руки для благословения, ждут батюшку. Проходит пять минут, десять, пятнадцать, – а батюшки нет.

– Баба Аня, а батюшки-то нет! – крикнет озадаченная Ирина.

– Да что ты, доченька? – Значит мимо прошел, в другой раз зайдет, – отвечает довольная Анна Андреевна, успевшая уже вымыть и прибрать в комнате. Тем же манером и все остальные комнаты уберет. И надо же, до пятилетнего возраста эта ее уловка срабатывала! То ли доверчивыми были дети, то ли поняли уловку Анны Андреевны и сами с удовольствием включались в игру, но у нее всегда так легко все получалось. Младшая Олечка была на пять лет моложе брата и сестры и большую часть своего времени проводила в обществе родителей, поэтому всякий раз капризничала, когда им нужно было отлучиться. Решили как-то раз оставить ее с Анной Андреевной, – надо было навестить тяжело больную Ульяну Антоновну, семья уже проживала в Сорочинске. Кое-как удалось матушке Фаине и отцу Евгению уговорить дочку остаться дома с бабой Аней за гостинец, – так любимый Олечкой шоколадный зефир. Но все равно вышла она провожать родителей на супленную, обиженная. А баба Аня, вместо уговоров и ласковых слов, посмотрела строго на девочку и говорит:

– Поезжайте, поезжайте, я ведь не вы. Я с ней тут нянчиться особо не буду. У меня, если что, мышь не проскользнет. Приедете – глазки закрыты, рука холодна.

Олечка так и окаменела от страха. Отец Евгений чуть чемодан не выронил. И смех и грех – уговаривали-уговаривали, а тут нате вам, воспитатель-

ный момент. Но обратив все в шутку, поцеловав и благословив дочь, родители уехали, правда, не без доли беспокойства в сердце. А по возвращении узнали, что беспокоились напрасно, «воспитательный момент» Анны Андреевны удался. Не успела за родителями дверь закрыться, как баба Аня преобразилась. Улыбаясь своей лучистой улыбкой и ласково поглядывая на девочку, она спросила: «Ну ты чего больше любишь: тушеную картошечку или ватрушки сладкие? А то, может, другого чего хочешь, так ты не стесняйся, – скажи! Я враз все приготовлю».

– Бабушка, ты же сказала, глазки закрыты?! – Пролепетала не успевшая отойти от испуга Олечка.

– Да это я так, для куражу. Да разве ж я тебя обижу? Я же тебя люблю доченька, а вот послушай какую я песню знаю, – ответит с улыбкой Анна Андреевна и запоеет. Так, в песнях и рассказах и промелькнет незаметно для Олечки время, а тут и папа с мамой вернутся. Вернутся – и понять не могут: то их со слезами провожали, с бабой Аней боялись оставаться, – а теперь бабу Аню отпустить не хотят.

Вот так и стала Анна Андреевна Шишилова почти что членом семьи для всех Иноземцевых. После переезда семьи в г. Сорочинск она стала приезжать помогать по хозяйству на престольный праздник, на Святки или на Светлую седмицу, а потом приезжала просто в гости как старая знакомая или близкая родственница. Многие прихожане так и считали Анну Андреевну теткой о. Евгения. Вот и сейчас она приехала к Иноземцевым, чтобы встретить «Николин день», который в Оренбургском Никольском соборе был престольным праздником, а еще этот день был днем ангела ее покойного мужа, «убиенного воина Николая». Воспринимая батюшкины проблемы и трудности как свои личные, она и сейчас не могла сидеть спокойно на месте, слушая, как певчие «бороздят» с горем пополам праздничный концерт. Вначале она просто сидела и прислушивалась к пению, доносившемуся из зала на кухню, и сердито хлопала ладошкой по столу, когда басы в очередной раз начинали врать. Потом стала вскакивать, вскрикивая: «Святителю отче Николае, да прости ты нас грешных! Да как же ты терпишь их издевательства? Да разве ж это пение?»

И когда Олечка была призвана в залу в четвертый раз, чтобы помочь взять ноту басам, проиграв ее на пианино, а отец Евгений с помощью флейты пытался ей помочь и уже начал хрипеть, беспомощно разводя руками, Анна Андреевна не вытерпела. Встав внезапно в растворенных дверях, ведущих из столовой в залу, она спела полностью весь концерт, безукоризненно взяв все ноты и правильно выведя свою партию. «Большой хор» онемел от удивления и восторга.

– Анна Андреевна, голубушка, что же ты сразу-то к нам не пришла? – вопрошал бас Максим Петрович.

– Давай, Андреевна, к нам в хор, грех такой талант в землю зарывать! – пищали альты.

– Давай, давай, Андреевна, хватит прохлаждаться, включайся в наш хор! – вторил всем баритон.

– Ага, как же, так я и встала. Да я вам за такое пение все уши пооборву. Отец Евгений уже охрип, все вам объяснил, по полочкам разложил, а вы? Кто в лес кто по дрова, – гневно махнула рукой на певчих Анна Андреевна, уходя с Олечкой на кухню. Отец Евгений грустно улыбнулся: неуживчивый характер был нередко причиной бед и проблем Андреевны. Бывало, пригласят ее на похороны очередной сверстницы, умершей у дочери или у снохи. Последняя только начнет причитать на людях:

– Ох, горе-горькое, да куда ж ты мама собралась? Да на кого ты нас покинула? – тут Андреевна сейчас же и обличит лицемерку.

– Полно, полно-те причитать-то Татьяна. А то мы не знаем, как ты почитала и любила свекровь-то? У нее, бывало, подушка от слез намокнет от твоей любви и ласки. А теперь ты слезы здесь льешь напоказ? При жизни надо любить и уважать. – Родственники умершей, естественно, возмущаться начнут:

– Чего, дескать, не в свое дело суешься?

– А раз не мое дело, то и делать мне у вас нечего, – отрежет Андреевна и уйдет, хлопнув дверью.

Не лучше бывали ситуации, когда ее приглашали на именины: просидит официальную часть, пока идут комплименты и поздравления виновику торжества или хозяйке дома, а как только все угомонятся, встанет и как водой холодной окатит:

– Ну, дорогие мои, чего много говорить. Всем батюшкам терпения и многая лета, а всем матушкам Царство Небесное.

И, выпив рюмочку, сядет, сделав вид, что ничего не слышит и не видит. Матушки так и ахнут: кто посмеется, кто возмущаться начнет, и лишь немногие из тех, кто хорошо знал Андреевну, поймут, что она имела в виду, желая им Царства Небесного.

Жене священника, принимающей участие в делах мужа, подчас открыты такие стороны церковной жизни, что простому смертному и знать не положено. Опять же, свои чувства и житейские неприятности матушке нельзя перед прихожанами выставлять напоказ, иначе авторитет мужа-священника подорвешь. А это бывает ой как непросто. То осудишь вслух кого, то посмеешься над чужими недостатками вместе с другими, а то мужа начнешь изводить: мебель старая, пальто новое купить необходимо, соседка-то каждый год меняет. Вот и согресишь, отвлекая мужа от церковных дел своими мирскими «бабьими» проблемами. Какое уж тут «царство небесное»! Иной раз такое в доме устроишь по пустякам, что хоть всех святых выноси. Именно эти моменты имела в виду Анна Андреевна, пожеланиями Царства Небесного призывая матушек к терпению и напоминая им о тленности всего земного. Сама она жила просто, но все необходимое имела. Сначала проживала в частном доме, занимая его чет-

вертую часть: две малюсенькие комнатки, кухню и переднюю, но с отдельным входом. Потом, когда домик снесли, ей дали комнату в новом пятиэтажном доме в двухкомнатной квартире, как тогда говорили, «с соседями». Соседи – пожилая женщина и ее неженатый сын, были люди неплохие, но неряшливые. И, что самое главное для Андреевны, – совершенно неверующие. – То в ванной забудут за собой вымыть, то в прихожей свет оставят. А то, чего совсем она терпеть не могла, Великим постом, да еще на Страстной седмице яичницу с колбасой начнут жарить, да еще и ее пригласят, мол, давай, соседка, с нами за компанию обедать.

Что они слышали в ответ, догадаться нетрудно: Андреевна за словом в карман не лезла, а правду-матку говорила так, что у иного от возмущения и обиды язык к гортани прилипал. Вот и старалась она как можно реже бывать дома, называя свою комнату одиночной камерой, а переулочек, где жила, – ссылным. Почти круглый год она жила то у одних, то у других батюшек, но чаще всего и больше всего – у о. Евгения Иноземцева. Когда Анне Андреевне перевалило за семьдесят, стали ее одолевать хвори и болезни, пережитое за годы гражданской войны и жизнь в ссылке дали себя знать. Но казачья стать и гордость не позволяли ей жаловаться или просить кого-либо о помощи.

– Батюшка, ведь она неделями сидит без продуктов, на чае с сахаром да на сухарях. А предложишь помочь, у нее один ответ: все, мол, есть, ничего не надо, в нахлебниках Анна Шишилова никогда не ходила, – сокрушенным шепотом жаловалась приехавшему отцу Евгению соседка Анны Андреевны.

Пробовали молодые батюшки, а отец Евгений чаще остальных, брать Анну Андреевну к себе, – да не тут-то было. Поживет Андреевна от силы неделю, а потом начинаются нелады с матушками. Видеть-то плохо стала полковничья дочь, а очки из гордости не носила, да и мешали они ей. Возьмется помогать по хозяйству, но из-за подслеповатости то картошку плохо почистит да так и положит в кипящую воду грязной, то пшено с червячками в молоко для каши, а то полы забудет после мытья вытереть насухо. Один раз в доме Иноземцевых сама стала жертвой своей слепоты, поскользнувшись на мокрых половицах и упав в открытый погреб прямо на матушку Фаину. Ладно, целы обе остались, не сломали ничего. Пробовала матушка Фаина потихоньку исправлять недоделки Андреевны. Бывало, пойдет Андреевна на улицу ведро с грязной водой после мытья полов вынести, а матушка за тряпку – и ну полы насухо вытирать. Вернется Андреевна, ничего не заметит: ни сухих полов, ни запыхавшуюся матушку, ни ее покрасневших рук – и, довольная, сядет пить чай. Но однажды матушкина хитрость все-таки открылась: Андреевна раньше, чем обычно, вернулась с пустым ведром и увидела, как молодая матушка подтирает за ней полы. Такой шум поднялся, что даже отец Евгений вынужден был вмешаться.

– Я что, полы не умею мыть, да?! – кричала Андреевна в гневе. – Или не по твоему вымыла? – продолжала она кричать на матушку.

– Анна Андреевна, милая, ну не обижайся ты на меня. Я ведь хотела как лучше, ты же видишь плохо, ну вот и оставляешь воду, сама в прошлый раз поскользнулась и упала, помнишь? – пыталась успокоить ее матушка.

– Андреевна, ты чего в самом деле. Да брось ты эти полы, намыла за свою жизнь, хватит. Теперь сиди и отдыхай. У меня вон три женщины в доме, – пытался обратить все в шутку о. Евгений.

– Что? Сидеть без дела? Анна Шишилова ни у кого в нахлебниках сроду не была! Завтра же уеду.

И, несмотря на уговоры матушки, на просьбы о. Евгения и Олечкины слезы соберется и уедет на следующий день. В других домах, как рассказывали Иноземцевым, еще и похуже бывало. Вот так из-за своей гордости, не желая смириться со старостью, и страдала Андреевна. А вместе с ней страдали любящие ее и напрасно пытавшиеся ей помочь близкие ей люди. Она и сама себе не рада бывала, и многократно на исповеди каялась, осуждая себя за гордость, – но все оставалось по-прежнему. Когда же стала совсем беспомощной, все равно не смирилась, требуя, чтобы батюшки, окормлявшие ее по очереди, определили ее в дом престарелых.

– Анна Андреевна, а как же ты в нахлебниках у государства-то будешь? – прибегнул, как к последнему средству, к болезненной для Андреевны теме о. Евгений.

– Этому государству я свой хлеб отработала навечно, – ответила она и обреченно вздохнула. Определили Анну Андреевну в Бузулукский дом престарелых. По очереди о. Евгений и о. Александр Илларионов навещали ее и брали к себе домой на выходные и на праздники, но так и не смогли уговорить переехать к кому-нибудь из них.

Через два года ее не стало. Есть над городом Бузулуком высокая гора, на ней расположено большое кладбище, где навеки и упокоился прах полковничьей дочери Анны Андреевны Шишиловой.

В оформлении рубрики использованы картины: Зайцев Н. Е. «В гостях у бабушки» к стр. 128; Лях А. П. «Казачки» к стр. 134; Гавриляченко С. А. «Казачьи проводы» к стр. 135; «Гражданская война. Рассказывание в 1919 г.» к стр. 135; Максютлов Р. Г. «Портрет старой казачки» к стр. 137.

«Духовный Собеседник» в 2016 году

Первая мировая война и ее последствия в истории России.

Поучения святых отцов о стяжании Духа Святого.

Жизнеописания отечественных подвижников благочестия, праведников, боголюбцев, исповедников российских из архива митрополита Мануила (Лемешевского).

Проповеди митрополита Иоанна (Снычева), записанные его духовной дочерью М. С. Ивановой.

Проповеди старца Ефрема Филофейского.

Статья И. Л. Солоневича о февральской революции.

Статья Андрея Поповкина о проблемах современного образования.

Рассказ протоиерея Евгения Зеленцова «Последняя дорога».

Интервью с известными богословами, учеными, политологами о насущных проблемах российской действительности.

ДОБРОЕ ДАЯНИЕ

Всякое даяние благо и всяк дар совершен свыше есть... (Иак. 1, 17).

Всем добротам и благотворителям, желающим внести свой вклад в святое дело духовного возрождения и благовестия Христова в нашем Отечестве, имеющим возможность поддержать одно из лучших православных изданий России, сообщаем, что индивидуальные пожертвования можно присылать почтовым переводом по адресу: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

Добрототна дателя любит Бог (2 Кор. 9, 7).

1-я стр. обложки: Отражение Небесного. *Фотография Михаила Тимофеева.*

2-я стр. обложки: Почитаемая святыня Св.-Елизаветинского храма г. Королева – икона Божией Матери «Воспитание». XX век.

3-я стр. обложки: Крестный ход в Жигулях. *Фотография Романа Гребенникова.*

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-7592 от 19.03.2001 г.

Учредитель Самарская и Сызранская Епархия Русской Православной Церкви.

№6(80). Отпечатано в типографии ООО «Волга Принт Плюс», адрес: Самарская обл., Пестравский р-н, с. Пестравка, ул. Мира, д. 1Б. Подписано в печать 02.11.2015 г.

Тираж 1500 экз. Выходит один раз в два месяца. Возрастное ограничение: 12+.

**ПРИГЛАШАЕМ
ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ**
на журнал «Духовный Собеседник»
(144 стр.; 1 раз в 2 месяца)
на 1-ое полугодие 2016 года.

**Духовный
Собеседник**

- В любом почтовом отделении России – наши подписные индексы:
99955 – в каталоге «Почта России»
39582 – в объединенном каталоге «Пресса России» (зеленом)
- Для жителей Самарской области в почтовых отделениях существует возможность льготной подписки - по специальному абонементу:

Ф.СП-1	АБОНЕМЕНТ												
	на журнал										73718		
(индекс издания)													
Духовный Собеседник													
на 2016 год по месяцам										кол-во		1	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
X		X		X									
Куда													
Кому													
ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА													
ПВ место литер			на журнал									73718	
(индекс издания)													
Духовный Собеседник													
Стои- мость	по каталогу			683 руб. 04 коп.					кол-во		1		
	за доставку			руб. коп.					комп.				
на 2016 год по месяцам													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
X		X		X									
Куда													
Кому													

- Через Сбербанк (см. на обороте)

3. **Напрямую** (через банк или иным способом) перечислив денежные средства (из расчёта **220 рублей** за один экземпляр журнала с учётом доставки до адреса - только на территории России) **в редакцию по следующим реквизитам:**

Получатель: ООО «ИТЦ «Софит»

ИНН 6316126890 / КПП 631601001

р/с №40702810400000016337 в ОАО «Первобанк» г. Самара

БИК 043601927 к/с 30101810100000000927

Назначение платежа: Подписка на журнал «Духовный Собеседник» на 2016 г. на ___ номеров.

В этом случае необходимо прислать в редакцию заполненный заказ:

БЛАНК ЗАКАЗА					
Я подписался на следующие выпуски журнала «Духовный Собеседник» в 2016 г.:					
№1(81) Январь - Февраль	№2(82) Март - Апрель	№3(83) Май - Июнь	№4(84) Июль - Август	№5(85) Сентябрь - Октябрь	№6(86) Ноябрь - Декабрь
☐	☐	☐	☐	☐	☐

* отметить четко номера крестиком или галочкой

Плательщик (подписчик): _____

Почтовый адрес подписчика (с указанием индекса): _____

желательно указать телефон для связи _____

Сумма: _____ руб. ___ коп.

Подпись: _____ **Дата:** " ___ " _____ 2015 г.

КОНТАКТЫ РЕДАКЦИИ:

эл.почта: albina063@mail.ru

почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

телефоны: +7(846)334-12-72, 336-84-41.

4. **Наложенным платежом**, обсудив и оформив заказ по телефонам, указанным в п. 3.

Духовный Собеседник